В. ИНОЗЕМЦЕВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

1996

ТАУРУС АЛЬФА

CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF ECONOMIC FORMATION OF SOCIETY

RECHERCHES SUR LA HISTOIRE DE LA FORMATION ECONOMIQUE DE LA SOCIETE

Владислав Л. ИНОЗЕМЦЕВ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Москва
ТАУРУС АЛЬФА
1996

Иноземцев В.Л.

И57 **Очерки истории экономической общественной формации**: Научное издание. — М.: Таурус Альфа, Век, 1996. — 400 с.

ISBN 5-88987-040-8

Представленная работа посвящена наиболее важным проблемам исторического развития экономической общественной формации как единого целого, пронизанного прогрессом товарных отношений. Основное внимание в книге уделено анализу общественных форм в их связи со степенью развитости товарного производства. Анализируя историческое развитие в первую очередь на примере доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных обществ Западной Европы, автор исследует наиболее характерные точки исторического развития, обусловливающие резкое ускорение процесса формирования современной экономической структуры. На основе использования марксовой методологии исторического исследования дается оригинальная периодизация экономической истории, оценивается место античного и феодального обществ в истории экономической общественной формации.

ISBN 5-88987-040-8 © ТАУРУС АЛЬФА, 1996

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИЙ

тексты 1989-1996 годов,
исправленные и переработанные

Когда одну из наших сил душевных
Боль или радость поглотит сполна,
То, отрешась от прочих чувств вседневных,
Душа лишь этой силе отдана...

Данте

Предисловие

Когда первоначальный план данной работы был написан во Владимире летним днем 1989 года, двадцатилетний автор был менее всего уверен в том, что его книга обретет более чем нескольких читателей. Но в то время, когда слово «марксизм» на одной шестой части земного шара, которая в сознании не помнящих истории сегодня уже перестала быть Советским Союзом, еще не являлось ругательным, когда многие из моих университетских сверстников еще с искренним интересом предавались занятиям, более достойным разумного человека, нежели современные формы российской коммерции, когда слишком многие не осознавали подаренного им Историей счастья называть Михаила Горбачева своим президентом, даже кажущиеся сегодня далеко не слишком актуальными теоретические поиски были интересны сами по себе и велись в надежде усовершенствовать теоретические основы марксистского учения, которое, казалось бы, еще не нуждалось в защите, оставаясь официальной идеологией великого государства.

Пришли иные времена. Однако и сегодня мы остаемся верны как марксистской традиции, излишне быстро похороненной многими отечественными идеологами, так и стремлению к исследованиям, не обусловленным сиюминутными политическими или экономическими интересами. Настоящая книга, являющаяся продолжением вышедшей ранее работы «К теории постэкономической общественной формации», посвящена проблемам смены общественных систем внутри формации экономической, развитию фаз той великой эпохи, закат которой сегодня

ощущает весь мир, за исключением, пожалуй, лишь Российского государства.

Данная работа не несет в себе тех широких обобщений, которые были представлены в предшествующей ей: мы не стремились обосновывать новые концептуальные положения, попытавшись лишь усомниться в ряде устойчивых предрассудков, существовавших в исторической науке советского периода, отягощенной ленинской интерпретацией марксизма.

Представляя данную работу, отмечу, что ее первоначальный текст, содержащий в большей мере основные идеи, нежели историческую составляющую предлагаемой книги, был подготовлен в 1989-1990 гг. и депонирован в фондах Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР (ныне — Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук) в 1990 г. Переработка текста предпринята в 1995-1996 гг.; в книге существенно расширен фактологический материал, хотя значительное количество источников осталось неиспользованным, что вызвано стремлением не загружать читателя излишним цитированием и большим количеством таблиц и схем; добавлены методологические материалы первой главы и оценка современных постиндустриальных обществ.

Сегодня, когда эта книга выходит в свет, я хочу выразить искреннюю благодарность тем, кто способствовал ее созданию. Прежде всего, я признателен г-же Наталье В. Хоруженко, с участием которой вырабатывалась концепция текста 1989-1990 гг., и г-ну Алексею И. Антипову, бессменному усовершенствователю моих текстов в течение последних пяти лет. Безмерна также благодарность г-ну Александру В. Бузгалину, взявшему на себя труд прочесть первоначальный вариант текста и сделать исключительно полезные и справедливые замечания, и г-же Ольге Н. Антипиной, подготовившей основные материалы главы о современных западных обществах.

Франкфурт-на-Майне, 28 сентября 1996 г.

Введение

Конец XX века ознаменовался тенденциями, которые серьезно изменили представления о сути и направленности прогресса цивилизации, его формах и движущих силах. Если первая половина столетия прошла под знаком резко обострившегося кризиса традиционного капиталистического общества, гигантских потрясений, пережитых человечеством в ходе двух мировых войн и серии народных восстаний и революций, если 50-е и 60-е гг. были ознаменованы мощными антиколониальными движениями, восстаниями и войнами, всплеском социального и научно-технического романтизма, то последние три десятилетия XX в. стали периодом явного ренессанса консервативных черт западного типа общественного устройства.

«Триумфальное шествие» той модели общества и идеологии, которую принято называть «социалистической», начатое победой Октябрьской революции в России и несколько приостановленное в Европе в 20-е гг., после победы Советского Союза во Второй мировой войне вновь приобрело значительный динамизм. Советские армии, освободившие ряд восточноевропейских стран от фашистской оккупации, вынесли внешнюю границу противостояния социалистической и капиталистической моделей общества в центр Европы. В странах западной части континента резко возросло влияние коммунистических и социалистических партий, активно проявивших себя в период войны против нацизма. Во Франции и Италии коммунисты вошли в состав правительств сразу же после освобождения этих стран. Парламентские выборы конца 40-х гг. подтвердили там приверженность широких народных масс коммунистическим идеям: на выборах в

Национальное собрание Франции в ноябре 1946 г. коммунисты стали самой значительной фракцией в парламенте, на выборах в парламент Италии в апреле 1948 г. коммунисты и их союзники также получили большое число мандатов и стали лидерами по представительству в палате депутатов и сенате.

В конце 40-х гг. в мире развернулось активное национально-освободительное движение, проходившее в большинстве случаев под антикапиталистическими лозунгами. На всех континентах декларировалась решимость отказаться от следования буржуазному пути развития. Подавляющее большинство освободившихся стран в большей или меньшей степени формально высказывались за социалистическую ориентацию.

В 60-х гг. западный мир пережил еще один симптом кризиса, ставший в то же время и первым предвестником его завершения. Мощные молодежные движения, повергшие в ужас приверженцев традиционных ценностей и серьезно изменившие политическую ситуацию во многих западноевропейских странах, оказались, тем не менее, свидетельством перерождения форм и методов протеста против буржуазных устоев. Сторонники анархизма и синдикализма 60-х гг. выступали скорее против внешней оболочки западных социумов, чем против их глубинной сущности. В данные движения не были вовлечены широкие слои среднего класса, и, при всей их драматичности, они не стали прелюдией к значительным социальным сдвигам. В то же время именно в конце 60-х гг. возникла волна «новых левых», сделавших шаг навстречу соединению социалистических идей с теориями, идеологи которых стремились по-новому осмыслить вставшие перед человечеством глобальные проблемы.

Гораздо более существенными оказались перемены, происшедшие в первые послевоенные десятилетия в экономическом базисе западных обществ. Модель, основанная не только на системном государственном регулировании и программировании экономики, но и на развитии социального партнерства и социальной защиты, возраста-

нии роли массовых организаций трудящихся и граждан дала свои положительные результаты. Активно развивались наукоемкие и высокотехнологичные отрасли производства, основой для чего стало не только государственное регулирование, но и изменившаяся политика крупных корпораций, значительно выросло благосостояние среднего класса. Хозяйственные успехи 60-х гг. при общем технократическом духе, романтизации научно-технического прогресса, пронизывавших общество в период вступления человечества в ядерную и космическую эры, породили представления о преодолении индустриализма и выходе в новое состояние социума. Предполагалось, что оно будет основано на автоматическом производстве и новых качествах человека, превращающегося из дополнения к технологическому процессу в его творца и направляющую силу.

Конец 60-х гг. ознаменовал собой завершение периода «отступления» западного общества перед моделью восточного блока. Активность коммунистического и национально-освободительного движения резко снизилась; экономический потенциал Советского Союза оказался подорван, и великая держава вступила в период затяжного экономического и социального кризиса, дополняющегося «откатом» от немногочисленных достижений хрущевской «оттепели», возрождением бюрократизации и идеологизации всех сторон жизни общества. Привлекательность советской модели стала быстро падать; сателлиты СССР в Восточной Европе делали все более решительные попытки выйти из-под его назойливой опеки. В то же самое время в западных обществах началась новая волна научно-технического прогресса; «упустив» ее, Советский Союз потерял всякие надежды на опережение Запада в «экономическом соревновании двух систем».

Обострение внутреннего кризиса советского общества также пришлось именно на этот период. Все более или менее решительные попытки модернизации господствовавшего типа «плановой» экономики были заведомо обречены на неудачу, так как инкорпорирование товар-

ных отношений (безусловно необходимых для активизации хозяйственной системы, основанной на технологическом базисе, свойственном Советскому Союзу в 70-е и 80-е гг.) в тогдашнюю директивно-плановую экономику оказалось невозможным. Даже начатая в середине 80-х гг. одним из наиболее выдающихся реформаторов нашего столетия Михаилом Горбачевым перестройка не привела к достижению поставленных целей. Революции 1989 г. в Восточной Европе стали лишь прелюдией к распаду СССР в 1991 г. и роспуску основных международных организаций (как экономических, так и военно-политических), в которые были объединены страны советского блока.

80-е гг. стали периодом коренных перемен и в странах Западной Европы. Социалистические и социал-демократические движения, игравшие ранее весьма значительную, если не сказать — лидирующую — роль в политической и социальной жизни, потеряли свою привлекательность. На основе призывов к восстановлению основных принципов рыночной экономики и снижению активного вмешательства государства в хозяйственные процессы консерваторы одержали победу в большинстве развитых стран. Победа консервативной партии в Великобритании в 1979 г., христианских демократов в ФРГ и республиканцев в США в 1980-м, успехи правых партий в Италии, Австрии, Португалии и многих других странах стали тому подтверждением.

Последовавший чуть позже успех антисоциалистических сил в странах Восточной Европы и распад Советского Союза привели к решительной смене хозяйственной парадигмы на всем постсоциалистическом пространстве. Главенствующей стала задача воссоздания рыночных отношений, десоциализации и приватизации во всех секторах экономики. Но если идея восточноевропейских реформаторов использовать позитивное воздействие товарных отношений на хозяйственное развитие была в принципе правильной, то первые практические результаты изменений далеко не всегда соответствовали поставлен-

ным задачам. На наш взгляд, подобное положение вполне объяснимо, так как постсоциалистические общества вопреки пропаганде реформаторов не могут ни сегодня, ни в ближайшие десятилетия стать в хозяйственном смысле аналогами современных западных социумов.

В то же время надо отдавать себе отчет, что крах традиционного «социализма» был неслучаен. Он, в частности, обусловлен несовершенством той искусственно созданной модели плановой экономики, которая использовалась в Советском Союзе и других странах восточного блока. Ее идеологи считали, что они осуществляют марксову идею перехода к новому обществу, в котором труд имеет общественный характер и господствует плановая система распределения. Однако подобная теория была изначально порочной, так как предполагала возможность создания качественно отличного от капитализма общества методами, не затрагивавшими глубинных причин и сущностных характеристик товарного хозяйства. Советские марксисты считали, что снятие товарного производства возможно без кардинального изменения системы мотивов и стимулов деятельности, без преодоления ее репродуктивного характера, без возрастания доли невоспроизводимых благ, обмен которых не регулируется законом стоимости, и, наконец, без должного теоретического осмысления исторического места создаваемой социальной конструкции. Поэтому следует со всей решительностью указать, что догматизированная и идеологизированная версия социальной доктрины марксизма, господствовавшая в советском блоке, привела в конечном итоге к несовершенству построенной модели общества и стала, соответственно, одним из главных факторов его кризиса.

Целый ряд принципиальных проблем, с которыми столкнулась господствовавшая советская обществоведческая доктрина, связан с недостаточным осмыслением общественного прогресса как непрерывного континуума, зачастую подменявшегося анализом отдельных стадий общественной эволюции. Традиционное выделение пяти «общественно-экономических» формаций рассматрива-

лось как описание исторического прогресса, происходящего на базе смены различных социальных структур. В каждой из них вызревал конфликт между производительными силами и производственными отношениями, обусловливавший переход к более высокому типу общества. Подобный подход был не только несовершенен методологически и не только противоречил основным постулатам марксовой теории, но и последовательно уводил исследователей от анализа тех явлений и процессов, которые объективно объединяли отдельные способы производства, делали их развитие подчиняющимся единым закономерностям и связывали прогресс всех общественных форм от азиатского до капиталистического (и даже современного западного) способов производства в единое целое. Некоторые авторы в последние два десятилетия создали ряд оригинальных работ, посвященных анализу социальных процессов с точки зрения присущих той или иной общественной форме того или иного вида отчуждения, однако, эти исключения не разрушили господствовавших догм.

Ключ к пониманию причин и условий преемственности способов производства заложен в понимании *экономической общественной формации* как совокупности целого ряда способов производства, основанных на частной собственности, общественном неравенстве, отчуждении человека от человека и человеческой деятельности от субъекта хозяйствования, возникновении товарного обмена и обретении им значения главного регулятора общественного производства. Такой подход позволяет выделить *экономическую* общественную формацию как диалектическое единство четырех известных в середине XIX в. способов производства — азиатского, античного, феодального и буржуазного. При этом явным оказывается и противопоставление этой общественной формации двум другим общественным формациям — доэкономической (первичной или архаической, как ее называл К.Маркс) и постэкономической (третичной или коммунистической, в принятой основоположниками марксизма трактовке).

Концепция трех общественных формаций была нами неоднократно рассмотрена и проанализирована под разными углами зрения. Рассмотрение экономической общественной формации как единого целого дает возможность понять, почему товарные отношения, являющиеся для всех ее исторических составляющих имманентными, развивались именно так, как это происходило в истории, а не иначе, почему потерпела откровенную неудачу попытка строительства социалистического общества в его советском варианте, почему в конце XX в. товарное хозяйство обнаружило столь значительный потенциал развития и стал ли этот ренессанс откатом назад или же он ведет к установлению принципиально новых хозяйственных отношений, каких ранее не знала история? Все эти вопросы могут найти решение в том случае, если мы предпримем попытку рассмотреть *экономическую общественную формацию* в качестве единого целого и проследим характер ее становления и прогресса, вычленив ряд основных движущих сил и характеристик, обеспечивающих ее развитие.

К.Маркс, так же как его предшественники, современники и последователи, стремился обнаружить те характерные черты, которые могли бы стать основой для выделения единых закономерностей общественного развития. Известны его трактовки архаического, экономического и коммунистического обществ как доклассового, классового и наступающего с преодолением классов соответственно, как обществ, основанных на личной, имущественной зависимости и царства свободной индивидуальности, а также многие другие подходы к периодизации истории. В основе нашего подхода к дифференциации экономических закономерностей развития общества лежит понятие *труда*, как вида человеческой деятельности, присущей конкретному историческому периоду. Именно с этой точки зрения мы излагали теорию «постэкономической» общественной формации в нашей предыдущей работе, где предприняли детальный анализ терминологи-

ческих и методологических проблем, возникающих при рассмотрении теории формаций на философском уровне.

Предметом настоящего исследования является оценка *экономической общественной формации* как единого социального организма, существующего в течение нескольких тысячелетий и развивающегося по специфическим законам, вытекающим из характеристик человеческой деятельности соответствующей эпохи. Если труд выступает главным характерным признаком *экономического* состояния общества; если экономическая деятельность обязательно порождается необходимостью коллективной борьбы людей против сил и обстоятельств, вызываемых естественными процессами, — если это так, то подобная деятельность всегда будет отчужденной. Продукт ее является целью только лишь как носитель материального богатства, но отнюдь не как непосредственная потребительная стоимость. Следовательно, отчужденная деятельность неизбежно порождает процесс обмена ее *непосредственных* результатов, каковыми выступают конкретные материальные объекты, создаваемые человеком, на *конечный* результат, воплощающийся в средствах воспроизводства человеческой жизни и общественных отношений. В этих условиях не может не происходить обмен между отдельными членами общества, но уже не самой деятельностью, а *товарами*.

Именно потому что товарный обмен — это всеобщая форма общественной связи, присущая эпохе, основанной на трудовой деятельности, как деятельности отчужденной, мы проводим наш анализ *экономической общественной формации сквозь призму товарных отношений*. И именно потому, что указанные отношения имманентны для подобного типа обществ, в экономических социумах товар выступает элементарной клеточкой общественного богатства.

Экономическая общественная формация объединяет в себе все социумы, существовавшие в истории человечества, начиная с соседской общины и вплоть до обществ сегодняшнего дня. Тенденция перехода к постэкономиче-

скому состоянию достаточно отчетливо прослеживается в наиболее развитых странах, однако, о постэкономических обществах совершенно преждевременно говорить как о некоем целом.

В рамках данной общественной формации выделяются четыре способа производства — азиатский, свойственный ряду народов, поставленных в своеобразные хозяйственные условия, которые требовали ведения коллективного хозяйства; античный, основанный, напротив, на относительной раздробленности и независимости непосредственных производителей; феодальный, характеризующийся постепенным переходом от личных форм зависимости к вещным и становлением предпосылок капиталистического общества; буржуазный, предполагающий существование всеобщего товарного хозяйства и превращение рабочей силы в товар. В советской интерпретации марксистской традиции они классифицируются по так называемому способу соединения непосредственного производителя со средствами производства. В результате выделяется основное противоречие и основное производственное отношение того или иного способа производства. Подобный подход, на наш взгляд, искусственно обособляет способы производства и делает экономическую общественную формацию расчлененной на исторические периоды в большей мере, чем это имело место в действительности.

Для того, чтобы достичь понимания экономической формации как единого целого, необходимо вычленить процессы и отношения, общие для всех этапов данной формации.

Четыре указанные типа обществ являются с этой точки зрения не столько вполне самостоятельными структурными единицами исторического прогресса, сколько *этапами вызревания и становления наиболее полного средоточия закономерностей экономической общественной формации — капиталистического способа производства.* Последний как бы венчает данную историческую преемственность, открывая в то же самое время новую эпоху — эпоху преодоления экономических зако-

номерностей на основе вызревания новых черт общественного хозяйства, определяемых переходом от трудовой деятельности к более высокому типу человеческой активности. Таким образом, мы показываем, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации — от азиатской до феодальной, — подготавливают становление капиталистического строя, открывающего путь для преодоления присущих им закономерностей.

Однако, коль скоро капиталистический способ производства имеет своей фундаментальной чертой приобретение товарным производством всеобщего характера (включая превращение в товар и рабочей силы), то нельзя не признать, что этапы развития экономической общественной формации, каковыми выступают указанные способы производства, являются, по существу, *этапами становления всеобщего товарного производства или, точнее, эволюции товарного хозяйства.* История экономической общественной формации в значительной степени есть история товарного хозяйства, а способы производства в рамках ее восходящей стадии представляют собой отдельные эпохи, в большей или меньшей мере несущие на себе специфическую политическую окраску, определяемую в конечном счете соответствующим уровнем развитости экономических отношений.

Оценивая экономическую общественную формацию как единый социальный организм, в данной работе мы исследуем *формы товарного хозяйства* на ее восходящей стадии. Таким образом раскрывается внутренняя логика развития товарных отношений, обусловливающих переход от одного способа производства к другому.

Изучая эволюцию товарного хозяйства на этапе становления и развития экономической общественной формации, можно решить целый ряд нижеследующих задач, каждая из которых весьма важна для совершенствования исторической и экономической теорий.

Во-первых, следует попытаться проникнуть в глубинные закономерности развития каждого из докапиталистических способов производства, оценить его внутренние

потенциалы и обнаружить реальные источники совершенствования социальных структур докапиталистических обществ.

Во-вторых, по-новому оценить соотношения политических и экономических начал в хозяйственной жизни докапиталистических обществ, осмыслить характер их взаимодействия и соподчинения, более точно определить действительное место политических факторов в развитии раннеклассовых обществ.

И, наконец, *в-третьих*, досконально осмыслить современную историческую ситуацию.

Рассмотрев этапы прогресса экономической общественной формации и оценив основные движущие силы этой эволюции, мы можем прийти к следующим выводам.

Экономическая общественная формация, возникшая из формации архаической в результате преодоления на протяжении многих веков и тысячелетий целого ряда переходных форм, не может быть «устранена» посредством решительного революционного слома поверхностных распределительных отношений.

Товарные отношения не суть лишь отношения распределения и перераспределения созданных благ; они порождаются самим существованием трудовой репродуктивной деятельности и материальной мотивации членов общества.

Устранение товарного производства при игнорировании труда, как вида деятельности и вытекающей из него материальной заинтересованности, представляется недостижимым. Именно такая попытка была предпринята в Восточной Европе в XX в., и ее неудача в полной мере предопределена современным состоянием, адекватным лишь *первой нисходящей фазе экономической общественной формации*, но отнюдь не формации коммунистической, пусть даже в ее начальной стадии.

Однако в то же самое время и ренессанс товарного хозяйства в современных западных странах не должен расцениваться как совершенствование буржуазного спо-

соба производства; сам методологический подход, позволяющий вычленять способы производства на восходящей стадии развития экономической общественной формации, позволяет с той же решительностью *выделять способы производства и в эпоху ее упадка.* Способ же производства западных обществ может быть определен как новый, сменяющий капиталистический. В предыдущей работе этот тезис был обоснован методологически, на философском уровне; соответствующий тип производства был назван посткапиталистическим. В предлагаемой книге представляется возможным более детально исследовать его экономический базис и на основе анализа сущностных черт товарного хозяйства в условиях современных западных обществ подчеркнуть его некапиталистический характер.

Очерк первый

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДОГМЫ: *МАРКСОВА КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ*

Рассматривая проблему развития товарного хозяйства в рамках экономической общественной формации, необходимо детально проанализировать ряд исходных понятий. Для этого прежде всего следует осмыслить марксову концепцию общественных формаций, являющуюся принципиальной методологической основой исследования, и освободить ее от трактовок и наслоений советского периода. Это позволит не только составить более адекватное представление об этапах прогресса человеческой цивилизации, но и разработать отвечающую поставленным задачам терминологию в области типизации товарного производства, дать как общее определение этого типа хозяйства, так и отдельных его исторических форм.

Следует отметить, что ни первая, ни вторая группа проблем не получила достаточного освещения в советский период. Работы ряда авторов, пытавшихся восстановить собственно марксов подход к теории общественных формаций, остались малознакомыми широкому кругу читателей ввиду господства в советском обществоведении доктрины, изображавшей исторический прогресс в качестве последовательной смены пяти «общественно-экономических» формаций. Особое внимание исследователи обращали на отдельные способы производства и объективно подчеркивали дискретность, стадиальность в общественном развитии. Противопоставляемый такой точке зрения так называемый цивилизационный метод, большинство сторонников которого отказывалось от основных принципов социально-экономической периодизации, предложенных основоположниками марксизма, также не мог быть

назван инструментом создания адекватной исторической теории. Что же касается последних лет, то в нашей обществоведческой мысли они ознаменовались не столько диалектической критикой, сколько огульным отрицанием марксизма и стремлением предать его забвению.

Тем важнее сегодня воссоздать марксистскую теорию общественных формаций в ее первоначальном виде и использовать все стороны данной концепции для осмысления проблем типизации товарного производства, обнаружения его исторических границ и условий развития и прогресса. Только восстановление терминологических и методологических основ марксистской теории общественных формаций вообще и экономической общественной формации, в частности, может стать достойной основой для предпринимаемого исследования.

В отличие от теоретического осмысления процесса смены общественных формаций, определение товарного хозяйства как специфического экономического феномена, хотя и является весьма важным, не сводится лишь к возрождению определенной теоретической доктрины. Предлагаемая нами постановка проблемы несет в себе попытку отказаться от господствовавшего в марксистской теории рассмотрения товарного производства прежде всего в качестве единого целого, *логически* противопоставляемого натуральному хозяйству. Анализ товарного производства в историческом аспекте фактически никогда не предпринимался. Марксово исследование форм стоимости также представляет собой пример чисто теоретического анализа, осуществленного для большей убедительности аргументов в пользу созданной основоположниками марксизма теории стоимости. Между тем недостаток *исторического* подхода при исследовании развития товарного производства представляется сегодня достаточно очевидным.

Итак, теоретическая реконструкция марксовой теории общественных формаций и формулирование методологических подходов к истории развития товарного про-

изводства, ее периодизации — таковы две основные задачи, решению которых посвящена первая часть настоящей работы.

§ 1. Марксова теория общественных формаций: методологические основы

Основоположники марксизма при создании собственной теории исторического прогресса в значительной степени основывались на трудах и идеях своих предшественников, многие из которых выдвигали довольно удачные принципы периодизации человеческой истории. Из произведений лучших представителей позитивизма — А.Смита и Д.Юма, А.Фергюсона и Ж.-А. де Кондорсэ — К.Маркс и Ф.Энгельс почерпнули идею экономического детерминизма. Диалектический характер исповедуемой основоположниками марксизма гегелевской философии, наслаиваясь на подчеркивающуюся многими средневековыми авторами и исследователями Нового времени стадиальность прогресса, привел к пониманию его триадичного характера, подчеркнутого в марксовой концепции общественных формаций, и, наконец, выделявшиеся и до К.Маркса отдельные эпохи развития экономических систем после соответствующей переработки получили отражение в его теории способов производства. Таким образом, основоположники марксизма, используя труды своих предшественников, заимствовали у них важнейшие положения своей концепции, относящиеся как к области философии, так и к области экономической теории. Традиция философской преемственности связывает учение К.Маркса и Ф.Энгельса с высшими достижениями мыслителей предшествующих эпох.

И в то же время созданная К.Марксом концепция в значительной степени оригинальна. Трудность ее понимания состоит в том, что Маркс не излагает эту концепцию

в какой-нибудь определенной работе или в цикле работ и все его замечания разбросаны по многим произведениям.

Анализируя труды основоположников марксизма, можно выделить более десяти понятий, которыми они обозначали этапы общественного прогресса. Большая их часть, включая такие, как «формация общественного производства», «экономико-исторический тип общества», «экономическая эпоха общественного строя», «общественно-экономический период», «исторические фазы общества» и некоторые другие, не несут существенной нагрузки и не являются основополагающими для понимания марксовой терминологии. Основным же понятием является понятие общественной формации («Gesellschaftsformation»). Этот термин в двенадцати случаях из двадцати восьми употреблен К.Марксом и Ф.Энгельсом с прилагательным «экономическая» («ökonomische Gesellschaftsformation»)[1].

С термином «Gesellschaftsformation» К.Маркс связывал методологические принципы исторического анализа. Это понятие в немецком языке, на котором написано большинство работ основоположников марксизма, представляет собой сложное существительное и образует тем самым неделимую структурную единицу.

Понятие «общественная формация» было введено К.Марксом в 1851 г. в работе «18-е брюмера Луи Бонапарта». Рассматривая события периода Великой Француз-

---

[1] В русских переводах К.Маркса термин «экономическая общественная формация» трактуется двояко. Издателей Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса не смущало то обстоятельство, что из двенадцати случаев употребления понятия «ökonomische Gesellschaftsformation» в шести оно переводится как «экономическая общественная формация» и в стольких же случаях — как «общественно-экономическая». Более того, заметно явное предпочтение, которое переводчики отдают термину «общественно-экономическая формация», встречающемуся и в ситуациях, когда он может быть трактован как «экономическая общественная формация». Последнее же понятие применяется только там, где использование термина «общественно-экономическая формация» существенно затруднено.

ской революции, он отметил, что переход идеологов буржуазии с революционных позиций на контрреволюционные произошел тогда, когда новые порядки стали господствующими, когда сложилась новая общественная формация[1]. Здесь понятие «общественная формация» использовалось именно для обозначения стадии общественного развития, однако, на наш взгляд, можно предположить, что употреблялось оно в данном контексте в значительной мере случайно. Термин затерялся среди других ему подобных, обозначавших отдельные стадии общественного развития, а появление формулировки «экономическая общественная формация», которая может быть рассмотрена в качестве комплементарного понятия, отмечается значительно позже, в 1858 г.

К.Маркс вводит термин «ökonomische Gesellschaftsformation» в своем широко известном Предисловии к «К критике политической экономии», ограничивая сферы применения этого понятия. В русском тексте Предисловия термин «общественная формация» встречается трижды. Один из фрагментов, где это понятие упоминается два раза, в переводе выглядит так: «Ни одна *общественная формация* (курсив мой — *В.И.*) не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». Применение понятия «общественная формация» фактически не отличается от приведенного в 1851 г. и не несет жесткой хронологической детерминации.

Однако в отрывке, следующем далее, К.Маркс якобы дважды (!) использует интересующий нас термин.

«В общих чертах, — читаем мы в переводе, — можно обозначить азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства как прогрес-

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.8. С.120

сивные этапы экономической общественной формации... *буржуазной общественной формацией* (курсив мой — *В.И*) завершается предыстория человеческого общества»[1]. Сверим с оригиналом: «In grossen Umrissen können asiatische, antike, feudale und modern bürgerlische Produktionsweisen als progressive Epochen der ökonomischen Gesellschaftsformation bezeichnet werden... *mit dieser Gesellschaftsformation* (курсив мой — *В.И.*) schliesst daher die Vorgeschichte der menschlichen Gesellschaft ab»[2].

Перевод не точен. Автор явно дает понять, что существует историческая эпоха, которая является не просто «общественной формацией» («Gesellschaftsformation»), а именно «экономической общественной формацией». Как явственно следует из текста оригинала, К.Маркс предполагает, что *этой (mit dieser)*, то есть *экономической* общественной формацией завершается предыстория человеческого общества. Советские же переводчики из идеологических соображений искусственно применили слово *dieser* к понятию капиталистического способа производства и предложили термин «буржуазная общественная формация», никогда в действительности не встречавшийся в работах основоположников марксизма[3].

Здесь, таким образом, сконцентрированы самые значительные смысловые извращения, когда-либо выпадавшие на долю переводов произведений К.Маркса.

Между тем, как показывает исследование других текстов К.Маркса, он предпочитал при использовании термина «общественная формация» не давать четкого определения ни самому термину, ни историческим состо-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.13. С.7,8

[2] *Marx-Engels* Werke. Bd.13. S.9

[3] Данный вопрос более подробно рассмотрен в наших работах 1991 г. См.: *Иноземцев В.Л.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4; *Иноземцев В.Л.* Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории.// ПОЛИС. Политические исследования. 1991. № 4.

яниям, которые им обозначались. Можно обоснованно предположить, что термин «общественная формация» использовался для обозначения столь глобальных исторических эпох, что в непосредственном экономическом анализе фактически не мог быть применен.

Понятие общественной формации часто используется К.Марксом при анализе тех или иных конкретных аспектов жизнедеятельности буржуазного общества. Оно нередко встречается и в «Капитале», и в «Теориях прибавочной стоимости», в основном, в ходе полемики с оппонентами. Например, в первом томе «Капитала», где при рассмотрении основных черт буржуазного сознания критикуется понимание законов капиталистического способа производства как вечных и неизменных, К.Маркс пишет: «Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся»[1]. Здесь К.Маркс, как и в некоторых других случаях, предпочитает сложный оборот понятию «капиталистическая формация», не желая придавать формулировке более жесткий характер.

В черновых вариантах «Капитала» К.Маркс оставляет исследователям его творчества следующее положение: «...труд эксплуатируется капиталом еще до того, как последний разовьется в свою форму производительного капитала, а сам труд приобретет форму наемного труда. Такого рода переходные формы существуют в общественных формациях, предшествующих капиталистическому способу производства»[2].

В третьем томе «Капитала», рассматривая проблему капиталистической прибыли, К.Маркс критикует позицию одного из политэкономов за неверное использование

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.91

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.48. С.29

термина «условный» применительно к преходящим экономическим явлениям. Он, — пишет Маркс, — « [...] объясняет это тем, что прибыль — явление лишь условное (для него это означает: принадлежащее определенной общественной формации, вместе с ней существующее и исчезающее)»[1]. И здесь К.Маркс, если бы считал возможным применение термина «буржуазная общественная формация», обратился бы к нему, тем более что рассматривалась одна из наиболее специфических черт системы производственных отношений капитализма.

В «Теориях прибавочной стоимости» К.Маркс использовал понятие «общественная формация» лишь однажды, анализируя взаимодействие экономических и политических отношений. В полемике с А.Шторхом он писал: «Так как Шторх рассматривает само материальное производство не исторически, рассматривает его как производство материальных благ вообще, а не как определенную, исторически развивающуюся и специфическую форму этого производства, то он сам лишает себя той основы, на которой только и возможно понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации»[2].

Термин «формация» Маркс применяет и в контексте исследования отдельных закономерностей капиталистического производства. Так, в письме Ф.Энгельсу от 2 апреля 1858 г. К.Маркс отмечал необходимость использования в таких случаях ряда ограничительных предпосылок: «Из изложения закона, согласно которому количество обращающихся денег определяется ценами, вытекает, что здесь сделаны предпосылки, которые существуют отнюдь не при всех общественных формациях»[3].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.1. С.19

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.26. Ч.1. С.280

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.29. С.259

Через четырнадцать лет Ф.Энгельс вскользь отмечает тесную связь, существующую между любыми экономическими законами определенной общественной формации. В работе «К жилищному вопросу» он констатирует: «...экономические законы, регулирующие ставку процента, настолько независимы от законов, определяющих норму прибавочной стоимости, насколько это вообще возможно для законов одной и той же общественной формации»[1].

Мы уже указывали, что термин «буржуазная общественная формация» был чужд К.Марксу, который, рассматривая период исторического развития буржуазного общества, предпочитал использовать для его обозначения иные понятия. Классическим примером тому является тезис, содержащийся в «Теориях прибавочной стоимости». Говоря о законах капиталистического общества, К.Маркс в заключение указывает: «...такова тенденция развития в той общественной формации, в которой *преобладает капиталистический способ производства* (курсив мой — *В.И.*)»[2].

Данный отрывок совершенно четко свидетельствует о том, что термин «общественная формация» в хронологическом аспекте шире понятия «способ производства». Мы еще будем подробно рассматривать соотношения понятий «общественная формация» и «способ производства», но уже сейчас можно сформулировать следующее довольно категорическое утверждение: К.Маркс, говоря об общественной формации, вкладывал в это словосочетание такой смысл, который не позволяет адекватно применять его только к исследованию капиталистического способа производства, ибо оно не исчерпывает всего богатства этого феномена.

Сделанный нами вывод подтверждается всеми без исключения положениями, встречающимися в работах

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.18. С.222

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.26. Ч.1. С.419

К.Маркса, но самое ценное для понимания теории общественных формаций мы находим в его набросках ответа на письмо В.Засулич, относящихся к 1881 г. Если ранее термин «общественная формация» использовался лишь с иным прилагательным «экономическая», то в тексте набросков на нескольких страницах мы встречаемся сразу с тремя случаями.

К.Маркс указывает на то, что «земледельческая община повсюду представляет собой новейший тип *архаической* (здесь и далее курсив мой — *В.И.*) общественной формации и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от *первичной* формации к формации *вторичной*»[1]. Тот же вывод повторяется и ниже: «Земледельческая община, будучи последней фазой *первичной* общественной формации, является в то же время и переходной фазой ко *вторичной* формации, то есть переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. *Вторичная* формация, разумеется, охватывает ряд обществ, основанных на рабстве и крепостничестве»[2].

Прокомментируем приведенные положения. Достаточно очевидно, что под «архаической общественной формацией» К.Маркс понимает общество, в котором отсутствует эксплуатация. Под определение подобного рода подпадает и община, в том числе и в том ее виде, в каком она существовала в азиатских обществах. Но так как и азиатское общество, и земледельческая община —

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19. С.404

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19. С.419. В оригинале: «comme dernière phase de la formation primitive de la société, la commune agricole est en meme temps une phase de transition à la formation secondaire, donc transition de la société, fondeé sur la proprieté commune, à la société, fondeé sur la proprieté privée. La formation secondaire, bien entendu, embrasse la serie des sociétés reposant sur l'esclavage et le servage» (*Marx-Engels* Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd.25. S.238)

не только последние фазы первичной общественной формации, но и первые элементы формации вторичной, можно утверждать, что началом переходного периода от первичной формации ко вторичной явилась эксплуатация индивида, но не другим индивидом, а синкретичным сообществом, из которого человек еще не выделился окончательно. В полной же мере этот переход был закончен тогда, когда кристаллизовалась эксплуатация человека человеком, когда община была разрушена, распространилось производство, ориентированное на обмен, возникло обращение товаров, появился закон стоимости и другие экономические закономерности[1]. Таким образом, имеются все основания считать период, сменивший эпоху господства личных форм зависимости, формацией экономической.

Идентичность понятий «первичная» и «архаическая» общественные формации прямо отмечена К.Марксом. В тех же набросках он пишет: «Архаическая, или первичная, формация земного шара состоит из целого ряда напластований различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно так же архаическая общественная формация открывает нам ряд различных этапов, отличающих собой последовательно сменяющие друг друга эпохи»[2]. Если следовать приведенной аналогии и воспринимать ее в том объеме, в котором она дана, можно утверждать, что оба термина используются для обозначения периода истории, предшествовавшего образованию классов.

К аналогичному выводу пришли многие известные исследователи, работавшие в русле марксистской теории. Б.Ф.Поршнев, например, указывал, что «первичная, или

---

[1] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л., Хоруженко Н.В.* Характер общественного прогресса при переходе от первичной общественной формации ко вторичной. // Материалы XXVII Всесоюзной научной студенческой конференции. Философия и научный коммунизм. Новосибирск, 1989. С.53-59

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19. С.413

архаическая формация — это первобытнообщинный строй; вторичная формация — это общества, основанные на эксплуатации; коммунизм в этой связи выступает как третичная формация»[1]. Данное положение кажется нам во всех его частях справедливым. Сам К.Маркс выдвигает ряд тезисов, из которых следует, что понимание коммунизма в качестве третичной общественной формации вполне отвечает его концепции. Совершенствование производительных сил буржуазного общества, порождает, по его мнению, возможность «заменить капиталистическую собственность высшей формой архаического типа собственности, то есть собственностью коммунистической»[2].

Анализ указанных формулировок позволяет сделать, пожалуй, наиболее важный вывод: К.Маркс рассматривает первичную формацию именно как *общественную*, но не как *экономическую*. Этот тезис противоречит точке зрения ортодоксальных советских ученых с их представлениями о первобытности как особой «общественно-экономической формации». Между тем работы Ф.Энгельса и его последователей позволяют сделать вывод, что до средней ступени варварства собственно экономические отношения не играли заметной роли.

Именно поэтому архаическая общественная формация может быть охарактеризована лишь как *общественная*, с господством примитивнокоммунистических отношений родового строя, и не случайно К.Маркс не относит ее, в отличие от некоторых «марксистов», к формации экономической. Однако, коль скоро мы принимаем, что первичная формация не может быть названа экономической, то необходимо также признать, что и коммунистическое общество, как третичная формация, экономиче-

---

[1] *Поршнев Б.Ф.* Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса. // Философские науки, 1969. № 2. С.60

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19. С.413. В оригинале: «...en remplaçant la ...propriété capitaliste par une forme supérieure du type archaique de la proprieté, c.a.d. la proprieté communiste» (*Marx-Engels* Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25. S.232)

ским считаться не может. Это предположение основано на высказываниях К.Маркса, никогда не называвшего коммунизм *экономической* формацией.

Таким образом, из анализа основных случаев применения термина «Gesellschaftsformation» («formation de la société») мы можем сделать вывод, что данный термин применялся в двух смыслах. Во-первых, в предельно широком значении, обозначая любую существенную фазу общественной эволюции вообще, и в этом смысле его можно рассматривать как фазу общественного развития, безотносительно к тому, какой именно его период является объектом исследования. Во-вторых, в сочетании с прилагательными («архаическая», «первичная», «вторичная» и т.д.), обозначая качественно определенные отрезки общественной эволюции. Поэтому, следуя духу и букве марксовых работ, наиболее правильным являлось бы толкование термина «общественная формация» в качестве собирательного, отражающего ступень развития общества, вычлененную в зависимости от наличия или отсутствия антагонистических классов, эксплуатации и частной собственности.

Конкретизируем это замечание, опираясь на письмо Ф.Энгельса к К.Шмидту от 5 августа 1890 г., где он доказывал, что «всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т.п. воззрения»[1]. Коль скоро речь идет о политических и частноправовых проблемах, есть все основания предполагать, что Ф. Энгельс имел в виду классовое общество, в котором выделяются общественн*ые* формаци*и*. К.Маркс отмечал и иной аспект проблемы: «Целый ряд экономических систем, — писал он, — занимает промежуточное положение между современным миром, где меновая сто-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.37. С.371

имость господствует над производством во всю ширь и глубь, и такими общественными формациями, основу которых составляет общинная собственность»[1]. Здесь общественные формации выделяются уже внутри архаической эпохи.

Следует отметить, что указанные тезисы Ф.Энгельса и К.Маркса не меняют сути изложенного нами подхода. Наряду с выделением трех больших общественных формаций основоположники марксизма признают возможность применения термина «общественн*ые* формац*ии*» в качестве собирательного для обозначения различных исторических периодов внутри одной из «больших» формаций. Таким образом, этот термин используется ими в единственном числе при подчеркивании принципиальных отличий данной формации от других форм общественного устройства, и во множественном — для констатации того, что сама общественная формация как единое целое, противопоставляемая другим общественным формациям, не является неделимой и состоит из целого ряда социальных форм.

Между тем чаще всего термин «общественная формация» встречается в его традиционном, узком значении; его применяют для определения этапов общественной эволюции по их отношению к классовой структуре общества. Деление на три общественные формации идентично при этом делению на доклассовое, классовое и бесклассовое общества. К.Маркс пишет, например: «В развитых ею (капиталистической экономической революцией — В.И.) противостоящих рабочему производительных силах труда, в условиях производства и сообщения создаются реальные условия нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистического способа производства, создается, таким образом, материальный базис по-новому устроенного процесса жизни и тем самым — новой общественной форма-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.49. С.119

ции»[1]. Здесь К.Маркс однозначно понимает под новой общественной формацией коммунистическое общество как таковое, не разделяя его при этом на отдельные периоды или фазы.

Окончательное же представление о характере использования и значении термина «Gesellschaftsformation» можно получить только проанализировав случаи применения основоположниками марксизма наиболее распространенной производной данного понятия, которая нас больше всего сейчас интересует — термина «ökonomische Gesellschaftsformation».

Основной чертой, свойственной всем включенным в понятие «экономическая общественная формация» периодам, К.Маркс считал *экономический* характер жизнедеятельности общества, то есть такой способ взаимодействия между членами социума, который определяется не религиозными, нравственными или политическими, а в первую очередь хозяйственными факторами, общественными отношениями людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Термин этот используется К.Марксом только применительно к периоду, характеризующемуся господством отношений, основанных на частной собственности, индивидуальном обмене и возникающей как следствие этого эксплуатации.

Так же, как и в случае с понятием «общественная формация» (и это еще раз подчеркивает систематизированность марксовой методологии), К.Маркс и Ф.Энгельс используют термин «экономическая общественная формация» для обозначения как отдельного исторического периода, характеризующегося указанными выше особенностями, так и для описания ряда исторических состояний, каждое из которых обладает теми же основными признаками. Так, например, отвергая соображения о том, что фазы общественной эволюции являются стадиями, между которыми не существует переходных периодов и

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.49. С.19

переходных форм общественных отношений, К.Маркс писал: «...так же, как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных *экономических общественных формаций* (курсив мой — *В.И.*) не следует верить во внезапно появившиеся, резко отличающиеся друг от друга периоды»[1].

Рассмотрим все основные случаи употребления понятия «ökonomische Gesellschaftsformation», с тем чтобы лучше понять его значение для марксовой методологии исторического исследования.

Из некоторых фрагментов К.Маркса весьма сложно понять, имеет ли он в виду под термином «экономическая общественная формация» экономическую эпоху, или же речь идет об отдельном способе производства. Так, в третьем томе «Капитала» К.Маркс указывает: «Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность есть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированной земли, и к тому же обе есть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической общественной формации»[2]. На наш взгляд, указанный тезис следует интерпретировать следующим образом: в условиях капиталистического производства наемный труд и рента сопутствуют капиталу; они развиваются наряду с ним и не существуют при его отсутствии. В той форме, о какой пишет К.Маркс, наемный труд и рента отмирают с отмиранием капитала. Все это, однако, не дает достаточных оснований утверждать, что в данном отрывке рассмотрен только капиталистический способ производства. Та часть экономической общественной формации, которая характеризуется сосуществованием капитала и ренты при наличии наемного труда, у Маркса гораздо более весома, чем капиталистический способ производства.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.47. С.460.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.II. С.382

Этот фрагмент единственный в русском издании Собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса, где термин «ökonomische Gesellschaftsformationen» переведен точно по оригиналу во множественном числе — «экономические общественные формации». Во всех остальных случаях, когда К.Маркс применяет множественное число для этого термина, он переводится в единственном — «общественно-экономическая формация».

Тщательнее разобраться в соотношении понятий «экономическая общественная формация» и «способ производства», мы можем, обратившись к черновым вариантам рукописи «Капитала». Анализируя производительный капитал и обозначая его термином «капиталистическое отношение», К.Маркс писал: «...капиталистическое отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[1].

Данное положение отчасти дублирует, хотя и в несколько ином виде, тезис о том, что различные способы производства, основанные на эксплуатации, составляют прогрессивные эпохи экономической общественной формации, под которой, очевидно, понимается нечто большее, чем капиталистический способ производства. Можно интерпретировать приведенную цитату следующим образом: эксплуатация, основанная на применении наемного труда, оказывается возможной только тогда, когда, с одной стороны, разовьется она сама, а с другой, — товарные отношения настолько глубоко проникнут во все элементы общественной организации, что товаром станет и рабочая сила. Однако, как уже было сказано, развитие меновых отношений, приведшее в конечном счете к становлению системы эксплуатации рабочей силы как товара, лежит в основе вторичной общественной формации. Таким образом, мы еще более укрепляемся во мнении, что в марксистской терминологии понятия вто-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.48. С.281

ричной и экономической общественных формаций тождественны.

Если исходить из принятых нами принципов интерпретации марксовой теории, можно встретить и фрагменты, с большим трудом поддающиеся объяснению. В упоминавшихся уже черновиках «Капитала» К.Маркс, под иным углом зрения анализируя процесс развития капиталистических отношений, писал: «Развитие капитала начинается не с сотворения мира, не ab ovo. Как нечто господствующее над миром и воздействующее на всю экономическую формацию общества, это развитие на самом деле начинается впервые в XVI и XVII столетиях»[1]. Иногда это положение понимается как трактовка «экономической формации общества» в качестве совокупности существующих в социуме экономических отношений. Однако такое понимание не может быть принято. Термин «экономическая формация общества» в данном случае имеет такую форму только в переводе, тогда как в оригинале использовано понятие «ökonomische Gesellschaftsformation» в его традиционном значении. Имеется в виду, что развитие капитала, потенциально зародившееся вместе с товарным производством, в течение продолжительного времени не затрагивало основ экономической системы. И только тогда, когда товарное производство привело к появлению зачатков новой формы эксплуатации, основанной на покупке производительной рабочей силы, капитал стал основным источником развития экономической общественной формации.

Мы рассмотрели фактически все случаи такого употребления термина «ökonomische Gesellschaftsformation», когда он переведен на русский язык как «экономическая общественная формация». Можно, однако, привести и многочисленные примеры использования данного понятия, обозначаемого при переводе как «общественно-экономическая формация».

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Там же. Т.48. С.115

Семь из них могут быть отмечены в тексте «Капитала», причем шесть приходятся на первый том. К.Маркс, например, пишет: «Такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических (следует читать: экономических общественных — *В.И.*) формаций»[1]. Безусловно, этот тезис дает возможность предположить, что К.Маркс мог иметь в виду и те ранние этапы развития цивилизации, которые не характеризовались чертами экономической формации. В таком случае приведенное понятие оказывалось фактически тождественным термину «общественная формация». И хотя такая возможность не исключена, К.Маркс, как мы полагаем в данном случае, применил понятие «экономическая» в расширенном смысле, акцентируя внимание читателя на том, что речь идет именно о производственной деятельности индивидов.

Следующая встречающаяся в «Капитале» интерпретация термина «ökonomische Gesellschaftsformation» представляется нам более интересной. Анализируя субстанцию прибавочной стоимости, автор отмечает: «Насколько важно для познания стоимости вообще рассматривать ее как застывшее рабочее время, просто как овеществленный труд, настолько же важно и для познания прибавочной стоимости рассматривать ее просто как застывшее прибавочное время, просто как овеществленный прибавочный труд. Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества (в оригинале — ökonomische Gesellschaftsformationen — *В.И.*), например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда»[2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.191

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.228-229

В данном случае рассматриваемый нами термин употреблен во втором из возможных смыслов. Используя его во множественном числе, К.Маркс показывает, что склонен распространять его и на отдельные системы общественного производства, хронологически расположенные между периодом разложения первобытного общества и коммунистической революцией. Однако то, что К.Маркс сосредоточивает свое внимание на признаке эксплуатации, свидетельствует о правомерности основной линии нашей гипотезы — только при описании основанных на эксплуатации обществ К.Маркс дополняет термин «общественная формация» прилагательным «экономическая»[1].

Наряду с указанным положением, где периодизация развития эксплуататорских обществ предполагает использование понятия «экономическая общественная формация», существуют еще три тезиса, близких по смыслу и характеру употребления в них рассматриваемого нами термина.

Первый из них гласит: «...впрочем, ясно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации (следует читать: экономической общественной формации — *В.И.*) преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничной необходимости в прибавочном труде»[2]. Термин «экономические

---

[1] Нельзя не отметить, что интерпретация данного отрывка привела впоследствии к упрощению и ревизии теории общественных формаций, так как сама цитата К.Маркса приобрела широкую известность, будучи переформулирована Ф.Энгельсом, причем весьма неудачно. В составленном им конспекте первого тома «Капитала» имеется фраза «прибавочная стоимость есть только застывший прибавочный труд, и различные *общественные формации* (курсив мой — *В.И.*) отличаются лишь формой выжимания прибавочного труда» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16. С.274).

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.247

общественные формации» в данном случае применяется как понятие, обозначающее пусть и более узкие в хронологическом аспекте периоды, нежели вторичная общественная формация, но находящиеся в рамках этой последней.

К такому же выводу нас приводят и два других положения К.Маркса, выдвинутых им при анализе различных форм капитала. «Средние века, — отмечал К.Маркс, — оставили после себя две различных формы капитала, которые достигают зрелости в самых различных общественно-экономических (следует читать: экономических общественных — *В.И.*) формациях и до наступления эры капиталистического производства считаются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал»[1]. Совершенно очевидно, что речь здесь идет о трех способах производства внутри экономической общественной формации: *античном*, когда господствовал ростовщический капитал, *феодальном*, когда доминировал капитал торговый, и *капиталистическом*, когда сформировался капитал производительный. Понятие «экономические общественные формации» применяется здесь в качестве указания на принадлежность всех трех способов производства к единой общности, — вторичной общественной формации. Аналогичным образом может трактоваться и цитата из третьего тома «Капитала»: «...капитал, приносящий проценты, ...принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в самых различных общественно-экономических (следует читать: экономических общественных — *В.И.*) формациях»[2].

Наряду с этими, текст первого тома «Капитала» содержит еще два положения, настолько общих, что из них нельзя сделать ясного вывода о границах применения

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.759

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.II. С.142

термина «экономическая общественная формация». Они, однако, не опровергают принятой нами гипотезы, поскольку как бы «нейтральны» по отношению к ней. «В то время как разделение труда в целом обществе, — пишет К.Маркс, — независимо от того, опосредовано оно товарообменом или нет — свойственно самым различным общественно-экономическим (следует читать: экономическим общественным — *В.И.*) формациям, мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»[1]. И далее: «в самых различных общественно-экономических (следует читать: экономических общественных — *В.И.*) формациях имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе»[2].

Обобщая выдвинутую нами гипотезу, следует отметить два ее основных положения. Во-первых, согласно безусловным трактовкам основоположников марксизма, коммунистическая система не относится к экономической общественной формации и, во-вторых, капиталистический способ производства отнюдь не является *последней* фазой экономической общественной формации.

Этот вывод может быть подтвержден исключительно важным тезисом из «Капитала», который заставляет задуматься над истинным историческим пределом экономической общественной формации.

Подтверждение нашего понимания вопроса может быть найдено в хорошо известном исследователю творчества К.Маркса отрывке из третьего тома «Капитала». Автор пишет: «...действительное богатство общества и возможность постоянного расширения его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.372

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.611

которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, для того, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохранить и воспроизвести свою жизнь, должен был бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе»[1].

Совершенно очевидно, что, говоря о столь развитом общественном производстве, где товарные отношения не господствуют над людьми как слепая сила, где существует организованный планомерный обмен веществ между человеком и внешней средой, где производство осуществляется в условиях, адекватных человеческой природе, К.Маркс не имел и не мог иметь в виду капиталистический способ производства. Не случайно последова-

[1] *Маркс К.,Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.II. С.386-387

тели марксистского учения назвали позднее картину, нарисованную Марксом в этом фрагменте, обществом социалистического типа в его наиболее развитой стадии. Обратим внимание на то, что подобное устройство общества Маркс не называет еще царством свободы, а всего лишь высшей и последней ступенью царства необходимости. *Данная форма общества, не являясь коммунистической общественной формацией, представляется заключительной фазой формации экономической, ее нисходящим этапом, в течение которого разрешаются и преодолеваются противоречия, возникшие в ходе становления этой общественной формации.* На этом этапе собственность уже *становится общественной*, отсутствует прямая эксплуатация человека человеком, преодолена подтачивавшая капиталистический строй анархия производства. Именно к такому обществу, к замыкающей стадии экономической общественной формации, и относится высказывание К.Маркса об общей собственности как к основному условию производственного процесса.

Два последних положения имеют огромное методологическое значение, так как дают возможность более точно определить хронологические рамки экономической общественной формации как эпохи, начавшейся с разложения первобытного строя под воздействием товарного обмена и разделения труда и характеризующейся эксплуатацией, классовым делением общества и товарно-денежными отношениями. Общества, сменявшие друг друга в рамках экономической общественной формации, базировались на связях экономического порядка, их развитие было обусловлено эволюцией хозяйственного базиса, а социальный прогресс в этот период определялся главным образом разделением труда и следовавшей за ним экспансией товарно-денежных отношений. Подчиненное экономическим законам и развивающееся вместе с развитием товарных отношений, общество эволюционировало по пути, определяемому прежде всего хозяйственными закономерностями. Это обстоятельство и позволило К.Мар-

ксу заявить: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс»[1].

Таким образом, теория общественных формаций, положенная К.Марксом в основание системы периодизации социального прогресса, представляет собой завершенную научную концепцию, базирующуюся на глубоком исследовании внутренних закономерностей общественного развития и исходящую из признания существования диалектической триады как формы прогресса любого целого.

Анализ созданной основоположниками марксизма теории экономической общественной формации неизбежно остается неполным без детального рассмотрения другой стороны вопроса о переходах от одной формации к другой. Мы отмечали выше, что исторические периоды, расположенные внутри экономической общественной формации, К.Маркс называл способами производства: азиатским, античным, феодальным и буржуазным. Однако он не считал их общественными формациями. Если принять подобное деление общественного развития на три общественных формации, отмечая в центральной из них способы производства (а К.Маркс ставил вопрос именно так, когда писал, что «капиталистическое производственное отношение развивается на такой ступени развития экономической общественной формации, которая сама уже есть результат целого ряда предшествующих этапов развития»[2], на ступени, «в которой преобладает капиталистический способ производства»[3]), то приходится признать, что переход от одного способа производства к другому внутри экономической общественной форма-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.16; в оригинале: «mein Standpunkt... auffasst... die Entwicklung der ökonomischen Gesellschaftsformation als einen naturgeschichtliches Prozess» (*Marx-Engels* Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 5. S.14)

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.47. С.281

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.26. Ч.I. С.419

ции не является однопорядковым по отношению к смене самих общественных формаций. Должно быть найдено существенное различие, как смысловое, так и терминологическое, между революционными переходами от одного способа производства к другому, образующемуся внутри экономической общественной формации, и переворотами, знаменующими ее исторические пределы.

Исследование концепции революционных изменений, объясняющих справедливость трехчленного деления истории, следует рассматривать как завершающий экскурс в марксистскую историческую теорию.

§ 2. Революции социальные и революции политические

Марксова теория революционных изменений не ограничивается анализом социальных революций. Уже в ранних произведениях основоположников марксизма отчетливо прослеживается разграничение двух типов революций — социальных и политических. Первое упоминание об этом содержится в статьях К.Маркса, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике».

Так, говоря о буржуазной революции и ее исторической роли, он пишет: «Старое гражданское общество непосредственно имело политический характер, то есть элементы гражданской жизни, — например, собственность, семья, способ труда, были возведены на высоту элементов государственной жизни... *Политическая* (курсив мой — *В.И.*) революция, ниспровергнувшая эту деспотическую власть и поднявшая государственные дела на высоту дел народа, конституировавшая политическое государство как всеобщее дело, то есть как действительное государство, неизбежно должна была разбить все сословия, корпорации, цехи, привилегии, которые представляли собой столь же разнообразные проявления отрыва

народа от его политической общности. Политическая революция уничтожает тем самым политический характер гражданского общества»[1].

Под другим типом революции, а именно *социальной*, К. Маркс понимал уничтожение порядка вещей, основанного на частной собственности и эксплуатации. Только эта революция, осуществленная пролетариатом, могла, по его мнению, дать человечеству возможность «организовывать свои "собственные силы" как общественные силы»[2].

Подобные же положения одновременно с тезисами К.Маркса, причем даже более конкретно, сформулировал Ф.Энгельс. Очень показательны его так называемые «Эберфельдские речи», датируемые зимой 1845 г. и являющиеся по сути его первой работой, целиком посвященной проблемам коммунистических преобразований. В своей речи 15 февраля 1845 г. оратор произнес: «Настанет пора, когда пролетариат достигнет такой степени силы и сознательности, что не пожелает больше нести бремени всего социального здания, которое постоянно давит на его плечи, когда он потребует более справедливого распределения социальных тягот и прав; и тогда — если человеческая природа до тех пор не изменится, социальная революция станет неизбежной... С той же уверенностью, с какой мы из известных математических аксиом можем вывести новое положение, с той же самой уверенностью можем мы из существующих экономических отношений и из принципов политической экономии сделать заключение о грядущей социальной революции»[3].

Но и эти цитаты не дают еще окончательного представления о взглядах Ф.Энгельса. Говоря о социальной революции, в результате которой будет осуществлено раскрепощение пролетариата, он высказался и по поводу

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.1. С.404-405

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.1. С.406

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.2. С.547,552

отличий этой революции от политической: «*Социальная революция* (курсив мой — *В.И.*) есть нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор *политические революции* (курсив мой — *В.И.*): в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности; социальная революция — это открытая война бедных против богатых. И такая борьба, в которой явно и открыто выступают наружу все причины и пружины, действовавшие ранее во всех исторических конфликтах неясно и скрыто, такая борьба грозит, во всяком случае, быть более острой и кровопролитной, чем все ей предшествовавшие»[1].

Акцент на различии социальных и политических революций весьма принципиален. Ф.Энгельс далее отмечает, что феодальное общество является организацией по преимуществу политической, и высказывает совершенно справедливое положение о том, что причиной буржуазных революций в Англии и Франции стала борьба буржуазии за осуществление ее идеалов против политической организации старого общества. Именно потому, что основная борьба была направлена против политических преград развитию нового строя, этот тип революций и квалифицируется как революции политические. Подтверждения этого положения можно встретить в работах К.Маркса и Ф.Энгельса, относящихся к разным периодам их творчества.

Так, оценивая политическую направленность буржуазной революции во Франции, К.Маркс писал в 1849 г., что «новое буржуазное общество, покоящееся на совершенно иных основах [чем феодальное], на изменившемся способе производства, должно было захватить и политическую власть; оно должно было вырвать из рук представителей интересов погибающего общества эту политическую власть... Отсюда и революция, [которая] направлена в той же мере против абсолютной королевской власти... как и против сословного представительства, которое

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.2. С.552-553

представляло общественный порядок, давно уничтоженный современной промышленностью»[1]. По мнению К.Маркса, революции 1648 и 1789 гг. «представляли не победу определенного класса общества над старым политическим строем; они провозглашали политический строй нового европейского общества»[2].

В «Анти-Дюринге», произведении классическом для марксистов, Ф.Энгельс повторяет свою трактовку буржуазной революции как политической: «Буржуазная революция положила всему этому (доминированию феодальных институтов над обществом — *В.И.*) конец, но не путем постепенного приспособления хозяйственного положения к политическому строю... — именно это тщетно пытались сделать в течение долгого времени дворянство и королевская власть, — а, наоборот, тем что она отбросила старый, гнилой политический хлам и создала такой политический строй, в условиях которого новое "хозяйственное положение" могло существовать и развиваться»[3].

Еще более яркая, на наш взгляд, формулировка содержится в «Немецкой идеологии», где К.Маркс и Ф.Энгельс, анализируя причины политической революции, писали: «...ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), — властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции»[4]. Отсюда

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.6. С.258-259

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.6. С.115

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.20. С.168-169

[4] *Marx-Engels* Werke. Bd. 3. S. 72f. В оригинале: «...ein früheres Interesse, dessen eigentümliche Verkehrsform schon durch die einem späteren angehörige verdrängt ist, noch lange im Besitz einer traditionellen Macht, in der den Individuen gegenüber verselbständigten scheinbaren Gemeinschaft (Staat, Recht) bleibt, einer Macht, die in letzter Instanz nur durch eine Revolution zu brechen ist».

следует, что основоположники марксизма считали буржуазную революцию переворотом, возникающим вследствие противоречия между основными производственными отношениями, ушедшими далеко вперед, и закосневшей политической и правовой системой, т.е. тем, что марксисты обычно называют «надстройкой».

Такое понимание существенно отличается от традиционных «истматовских» трактовок революции и имеет особое значение для интерпретации марксовой позиции, так как указывает еще на одно принципиальное различие, существующее, по К.Марксу, между буржуазной и коммунистической революциями: первая представляет собой, в отличие от второй, скорее качественное изменение политической системы, и, как его предпосылка и результат, всей «надстройки», нежели существенное изменение в социальных основах общества[1].

Концепция К.Маркса и Ф.Энгельса, согласно которой политическая революция возникает на основе противоречия между базисом общества (комплексом производительных сил и производственных отношений) и политической надстройкой, вполне подтверждается исторической практикой, ибо иные крупные противоречия, кото-

---

[1] Следует отметить и иную формулировку данного тезиса, «переведенную» в термины интересов и относящуюся к концу 40-х гг.: «Сохранение старых законов наперекор новым потребностям, — пишет К.Маркс, — есть, в сущности, не что иное, как... борьба не соответствующих времени частных интересов против назревших общих интересов. Это сохранение почвы законности имеет целью сделать такие частные интересы господствующими, в то время как они уже не господствуют; оно имеет целью навязать обществу законы, которые осуждены самими условиями жизни этого общества, его способом добывания средств к жизни, его обменом, его материальным производством; оно имеет целью удержать у власти законодателей, которые отстаивают только частные интересы; оно ведет к злоупотреблению государственной властью, чтобы интересы большинства насильственно подчинять интересам меньшинства. Оно ежеминутно становится, таким образом, в противоречие с существующими потребностями, оно тормозит обмен, промышленность, оно подготовляет общественные кризисы, которые разражаются в виде *политических революций*» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.6. С.259-260).

рые могли бы привести к революционным изменениям, в соответствующий период отсутствовали[1].

Итак, «политическая» и «социальная» революции — разные понятия, применявшиеся основоположниками марксизма для обозначения различных типов исторических изменений. Социальная революция, — основной момент в революционном учении основоположников марксизма — находилась в центре внимания на всем протяжении их творчества, так как давала почву для обоснования коммунистических перспектив развития цивилизации. Уже в «Немецкой идеологии», где К.Маркс и Ф.Энгельс ввели понятия производительных сил и производственных отношений, содержится и констатация возникающего между ними противоречия. И это противоречие К.Маркс и Ф.Энгельс действительно положили в основу своей теории социальной революции, понятие которой как в этот период, так и позже относилось только к революции коммунистического типа.

---

[1] К.Маркс и не рассматривал возможности появления иных противоречий в подобных условиях. Он прямо указывал, что с возникновения мануфактуры и, тем более, фабрики, производственные отношения в соответствующих секторах не могут не принять вид типично капиталистических. Возникают, таким образом, «островки» (или скорее «оазисы») соответствия производительных сил и производственных отношений буржуазного типа. В феодальном секторе, охватывавшем в основном сельскохозяйственное производство, также существовали элементы соответствия производительных сил и производственных отношений, однако, на качественно ином уровне. При анализе причин революции К.Маркс обращался именно к столкновению между укладами, проявляющемуся через борьбу интересов их представителей. Более того. К.Маркс полагал, что в рамках *экономической общественной формации*, за исключением периода, непосредственно предшествующего коммунистической революции, происходит эволюционное изменение как производительных сил, так и производственных отношений, не допускающее возникновения между ними антагонистических противоречий: «...любое изменение в производительных силах людей, — писал он, — влечет за собой соответствующее изменение в их производственных отношениях» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.4. С.144); в оригинале: «...changement survenu dans les forces productives les hommes amene necessairement un changement dans leurs rapports de production» (*Marx K.* Misere de la philosophie. P.,1961. P.131).

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями как фактор социальной революции возникает, по мнению основоположников марксизма, на грани XVIII и XIX вв., когда еще существовало относительное соответствие производительных сил и производственных отношений бурно развивающегося капитализма. К.Маркс и Ф.Энгельс писали: «вот уже *несколько десятилетий* (курсив мой — *В.И.*) история промышленности представляет собой историю возмущения производительных сил против современных производственных отношений»[1]. Тем самым утверждается, что капиталистическая организация производства, устраняющая противоречие между базисом и надстройкой, порождающее буржуазную революцию, самим своим возникновением (как финальная стадия экономической общественной формации) придает противоречию между производительными силами и производственными отношениями совершенно иное содержание.

Это утверждение постоянно подчеркивается К.Марксом, достигая своей кульминации в известном отрывке из третьего тома «Капитала»: «Настоящий предел капиталистического производства, — читаем мы, — это сам капитал, — а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости являются исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей... Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянное противоречие с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы... то он в то же время является постоянным противоречием между

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.4. С.429

такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства»[1].

С течением времени, считает автор «Капитала», общество в своем развитии достигает такой ступени, на которой возникают и производительные силы и средства общения, приносящие с собой при существующих отношениях одни лишь бедствия, становясь тем самым уже разрушительными.

Противоречия между производительными силами и производственными отношениями, имманентно присущие капиталистическому способу производства, не свидетельствуют, *во-первых*, о том, что система буржуазных производственных отношений тормозит прогресс производительных сил (капиталистический способ производства, по словам К.Маркса, обладал с момента своего рождения значительными стимулами и потенциалом технического прогресса), и не говорит, *во-вторых*, о том, что это противоречие возникло только при капитализме.

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями — неизбежный спутник истории человечества, однако, в рамках экономической общественной формации до становления буржуазного способа производства оно не носило антагонистического характера, способного привести к революционным изменениям всего социального строя. Играя огром-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.II. С.309. Ф.Энгельс в 1850 г. в несколько иной формулировке приводит это положение: «Очевидно, — пишет он, — что английские промышленники, средства производства которых обладают несравненно большей сферой расширения, чем рынки их сбыта... приближаются сейчас к тому моменту... когда период процветания, который теперь еще отделяет один кризис от другого, под давлением непомерно возросших производительных сил совершенно исчезнет..; тогда промышленность, торговля и все современное общество должны были бы погибнуть от избытка не находящей применения жизненной энергии, с одной стороны, и от совершенного истощения — с другой, если бы это ненормальное состояние не носило бы в себе средства для своего собственного исцеления и... промышленное развитие не вызывало бы в то же время к жизни... пролетариат. Тогда пролетарская революция будет неизбежна, а победа ее несомненна» (Там же. Т.7. С.255).

ную роль в течение всей предшествующей истории, оно придавало историческому прогрессу преимущественно эволюционный характер.

Как отмечали по этому поводу К.Маркс и Ф.Энгельс, «противоречие между производительными силами и формой общения [производственными отношениями] уже неоднократно имело место в предшествующей истории, *не угрожая*, однако, *ее основам* (курсив мой — *В.И.*)»[1].

К.Маркс и Ф.Энгельс оставили множество высказываний, из которых следует, что под социальной революцией понимается именно революция коммунистического типа. Полагая, что она может произойти одновременно во многих странах, К.Маркс писал в 1850 г.: «Победы Священного союза привели к таким изменениям в Европе, которые дают основание предполагать, что всякое новое пролетарское восстание во Франции неминуемо повлечет за собой мировую войну. Новая французская революция вынуждена будет сейчас же выйти за национальные рамки и завоевать себе европейскую арену, на которой только и может быть осуществлена *социальная революция* (курсив мой — *В.И.*) XIX в.»[2]. Ф.Энгельс отмечал в том же году: «...ясно, что без возможности дальнейшего расширения рынков при системе, которая требует непрерывного расширения производства, господству фабрикантов наступает конец. Что же будет дальше? "Всеобщее разорение и хаос", — говорят фритредеры. Социальная революция и господство пролетариата, — утверждаем мы»[3]. К.Маркс высказывался в аналогичном смысле. Выступая 20 июля 1869 г. на заседании Генерального совета I Интернационала, он заявил: «Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы никакие орудия производства не оставались частной собственностью. Частная собственность на орудия производства является фикцией, поскольку собственники не могут поль-

---

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.3. С.69

2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.7. С.31-32

3 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.7. С.242-243

зоваться ими сами; но она предоставляет собственникам ту власть над средствами производства, при помощи которой они заставляют других людей работать на себя. В полуварварском состоянии такой порядок, может быть, был необходим, но теперь уже нет. Все средства производства должны быть обобществлены с тем, чтобы обеспечить каждому и право, и возможность применять свою рабочую силу... Началом ...социальной революции ...должно быть создание условий для обобществления средств производства»[1]. В написанном в следующем году послании Генерального Совета Федеральному Совету Романской Швейцарии понятие социальной революции рассматривается в том же аспекте: «Благодаря своему господству на мировом рынке, — отмечал К.Маркс, — Англия является единственной страной, где каждый переворот в экономических отношениях должен немедленно отразиться на всем мире. Если Англия является классической страной лендлордизма и капитализма, то... в ней созрели более, чем где бы то ни было, материальные условия для их уничтожения... Англичане обладают всеми необходимыми материальными предпосылками для социальной революции»[2].

Еще более интересны в этом отношении высказывания К.Маркса и Ф.Энгельса, относящиеся к 70-м и 80-м гг. В них понятие «социальная революция» употребляется таким образом, что спутать его применение с каким-либо другим термином или предполагать, что оно может означать революцию, опосредующую смену способов производства внутри экономической общественной формации, не говоря уже о других революционных изменениях, не представляется возможным. Рассмотрим четыре высказывания подобного рода.

В 1872 г. К.Маркс и Ф.Энгельс писали: «Организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16. С.594

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16. С.404-405

ее конечную цель — уничтожение классов»[1]. В том же году в своей известной работе «К жилищному вопросу» Ф.Энгельс отмечал, что «краеугольным камнем капиталистического способа производства является именно тот факт, что наш современный общественный строй предоставляет капиталисту возможность покупать рабочую силу по ее стоимости, а выколачивать из нее гораздо больше ее стоимости, заставляя рабочего работать больше, чем это необходимо для воспроизводства цены, уплаченной за рабочую силу... Эта эксплуатация — вот коренное зло, которое социальная революция стремится уничтожить, уничтожая капиталистический способ производства»[2]. Спустя пятнадцать лет Ф.Энгельс указывал: «Чем быстрее темпы капиталистического развития, тем скорее и полнее осуществляются его неизбежные следствия — раскол общества на два класса, капиталистов и наемных рабочих; наследственное богатство на одной стороне и наследственная нищета — на другой; предложение, превышающее спрос, неспособность рынков поглотить все возрастающую массу промышленных продуктов; ...словом, рост производительных сил до такой степени, когда общественные учреждения, при которых они возникли, становятся для них невыносимыми оковами; единственно возможный выход — социальная революция, освобождающая общественные производительные силы от оков устаревшего социального строя, а подлинных производителей, широкие народные массы, — от наемного рабства»[3].

И последнее, наиболее важное высказывание Ф.Энгельса: «...все индогерманские народы начинают с общей собственности. Почти у всех народов она в ходе общественного развития отменяется, отрицается, вытесняется формами частной собственности: феодальной собственностью и так далее. Подвергнуть отрицанию это отрица-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.18. С.143

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.18. С.208

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.21. С.374-375

ние, восстановить общую собственность на более высокой ступени развития — такова задача социальной революции»[1].

Таким образом, позицию К.Маркса и Ф.Энгельса относительно социальной революции можно, на наш взгляд, интерпретировать следующим образом: они рассматривали в качестве социальной ту революцию, которая замещает капиталистический тип производства коммунистическим, и, следовательно, вторичную общественную формацию третичной. Соответственно, революционные изменения, приводящие к смене отдельных способов производства внутри экономической общественной формации, оцениваются основоположниками марксизма как политические революции.

Однако подобная трактовка предполагает поиски ответа на два следующих вопроса, касающихся проблем марксовой системы периодизации общественного прогресса.

Во-первых, как соотносятся социальная революция и границы экономической общественной формации, выступающей в качестве исторического периода?

Если мы исходим из того, что переход от экономической общественной формации к коммунистической осуществляется посредством социальной революции (как формы межформационного перехода), то логичным оказывается также и предположение о существовании другой социальной революции, а именно той, которая опосредовала становление экономической общественной формации и явилась средством перехода от первичной общественной формации к вторичной.

К.Маркс и Ф.Энгельс уделили этой проблеме гораздо меньше внимания, чем коммунистическому переустройству общества. Однако они в полном соответствии с терминологическим аппаратом формационной теории рассмотрели переход к экономической формации в качестве *социальной* революции. Главной ее чертой было, по

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.20. С.640

К.Марксу, разрушение патриархальных форм организации общественной жизни, в частности, общинной структуры, и переход к системе, основанной на том или ином виде частной собственности. Он отмечает, например, что в Индии периода колонизации «английское вмешательство разрушило... маленькие, полуварварские, полуцивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую, и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией»[1]. Ф.Энгельс высказал подобное же положение относительно римской истории, в частности, того ее периода, когда были разрушены патриархальные отношения, составлявшие базис этрусских общин, распространенных на территории Италии в первые века истории Рима. По мнению Ф.Энгельса, разрушение общинной структуры и становление классового государства также явилось социальной революцией[2]. Показательно также и то, что данный термин более не употребляется по отношению к истории Востока или европейской древности; основоположники марксизма, например, воздерживаются от использования его для обозначения, скажем, событий, опосредовавших в Европе переход от античности к феодализму.

Поэтому утверждение о том, что *социальная революция представлялась К.Марксу и Ф.Энгельсу явлением, обозначающим смену общественных формаций, мы считаем достаточно обоснованным.*

Во-вторых, какова последовательность изменений, приносимых социальной революцией?

В Предисловии к «К критике политической экономии» К.Маркс писал: «...на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производст-

---

[1] Цит. по: *Шелике В.Ф., Потоцкий В.А.* Актуальные проблемы понятийного аппарата теории социальной революции. // Философские науки. 1979. № 5. С.25

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.21. С.128

венными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает *эпоха социальной революции* (курсив мой — *В.И.*)»[1]. Однако тут же К.Маркс отмечает, что в результате революционного процесса «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»[2].

Эти высказывания К.Маркса поднимают проблему соотношения изменений в базисе и надстройке в период социальной революции. Фактически признается, что надстроечные изменения происходят после осуществления преобразований производственных отношений. Советские авторы в своем большинстве полагали, что коммунистическая революция отличается от прочих тем, что переворот в надстройке предшествует изменениям в производственных отношениях. Однако для такой точки зрения в рамках марксовой формационной теории нет достаточных оснований. Более справедлив тезис о том, что эпоха социальной революции рассматривается К.Марксом как период изменений, обусловливающих становление новой общественной формации, и сама эта революция, преобразующая глубинные основы общественного устройства, в отличие от революции политической, не является одномоментной, а представляет собой процесс, временные рамки которого могут быть определены с большой долей условности. Известно его высказывание относительно перехода к экономической общественной формации, согласно которому «в историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной, от первичной формации к формации вторичной»[3]. Таким образом, эпоха

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.13. С.7

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.13. С.7

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19. С.404

социальной революции, опосредующей становление экономической формации, не ограничивается основоположниками марксизма ни территориально, ни хронологически. Отчасти это применимо и к анализу социальной революции, завершающей собой экономическую общественную формацию.

В данном случае вопрос гораздо сложнее, и рамки процесса определены К.Марксом и Ф.Энгельсом более конкретно, однако Ф.Энгельс, в частности, отрицает возможность пролетарской революции как одномоментного акта. Так, в письме к К.Каутскому от 12 сентября 1882 г. он писал: «раз только реорганизована Европа и Северная Америка, то это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами потянутся за нами; об этом позаботятся одни только экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы»[1]. Таким образом, именно за экономическими преобразованиями следуют надстроечные изменения, даже при переходе к третичной общественной формации. И это весьма существенно, поскольку в данном случае мы видим понимание (пусть недостаточно формализованное и растворенное во множестве прямо противоположных положений) К.Марксом и Ф.Энгельсом того, что восстание пролетариата с целью свержения буржуазных порядков является началом, но отнюдь не исчерпывает содержания той гигантской социальной революции, которая знаменует собой переход от экономической общественной формации к формации третичной или коммунистической.

Подведем некоторые итоги. Марксова концепция революций полностью подчинена основному элементу социальной теории марксизма — учению о смене общественных формаций и способов производства. В соответ-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.35. С.298

ствии с делением истории на три общественные формации, К.Маркс и Ф.Энгельс отмечают два глобальных изменения и квалифицируют их как социальные революции. Реалистический подход к исследованию истории выражается в данном случае в признании продолжительности периода смены общественных формаций, что подчеркивается словосочетанием — «эпоха социальной революции». Период социальной революции, согласно марксовой концепции, начинается с изменения базисных производственных отношений и продолжается до того времени, пока *все* производственные отношения и весь тип регулирования производства, свойственные предшествующей формации, не будут преодолены, а новая общественная формация не приобретет в полной мере саморегулирующуюся форму.

Такой подход может быть проиллюстрирован отрывком из набросков ответа К.Маркса на письмо В.Засулич. В нем он указывал на то, что община вполне преодолевается только капиталистическим способом производства. Можно предположить, что социальная революция, приводящая к становлению экономической общественной формации, исчерпывает себя только тогда, когда она достигает своих вполне зрелых форм; в ходе же соответствующих преобразований происходит изменение всей общественной структуры. То же самое справедливо и относительно коммунистической революции. Как и эпоха социальной революции, похоронившая архаическую общественную формацию, эпоха социальной революции коммунистического типа начинается тогда, когда наличие частной собственности (так же как при архаической общественной формации ее отсутствие) становится непреодолимой преградой для хозяйственного и социального прогресса.

Итак, в отличие от социальных, существуют и такие революции, которые основоположники марксизма назвали политическими. Они более поверхностны, чем социальные революции, и прослеживаются внутри экономической общественной формации, оказываясь средством

перехода от одного способа производства к другому. Политические революции, порожденные противоречием между развивающимися экономическими отношениями и политической структурой общества, решают задачу освобождения общества от отживших «надстроечных» форм. Таким образом, мы видим высокую степень соответствия марксовой теории революций формационной концепции, согласованность основных положений обеих теорий и их взаимодополняемость.

Очерк второй

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА

§ 1. Натуральное хозяйство и товарное производство: общие определения

Созданная основоположниками марксизма концепция развития человечества, проходящего в ходе своей истории три общественные формации, разделенные социальными революциями, представляется весьма совершенной. Методологически строго выглядит и рассмотрение смены отдельных способов производства внутри экономической общественной формации посредством революций политического типа. Остается, однако, весьма принципиальным вопрос о движущих силах развития экономической общественной формации и перспективах ее прогресса.

В советской социологической литературе господствовал подход, сторонники которого рассматривали экономическую общественную формацию как состоящую из отдельных способов производства в гораздо большей степени, нежели как единое целое. В силу подобного подхода источник развития экономической общественной формации не затрагивался вообще; анализировались лишь движущие силы отдельных способов производства. Вследствие принятой парадигмы особое внимание неизбежно обращалось на классовые противоречия соответствующих обществ, которые, нельзя не отметить, представляются весьма поверхностным срезом отношений экономической общественной формации.

Между тем все способы производства, объединенные К.Марксом в понятие *экономической* общественной формации, являются сходными в первую очередь именно в силу своей *экономической* природы. Последняя же отражает противоречия между достигнутым уровнем развития производительных сил и уровнем потребления мате-

риальных благ, явно недостаточных для обеспечения нормальной жизнедеятельности значительного числа членов общества. Формой выражения и средством разрешения подобного противоречия является труд как деятельность, вызываемая внешней материальной необходимостью. Именно внешний побудительный мотив неизбежно сопровождает человеческую активность на протяжении всей восходящей стадии экономической общественной формации. Со сменой способов производства в рамках этой стадии, экономический, то есть определяемый исключительно производственной необходимостью, а не политическими факторами, характер труда становится все более ярко выраженным. Параллельно с этим идет и процесс разделения труда, что являлось на ранних этапах развития человечества единственным средством повышения его производительной силы.

В свою очередь, разделение труда предполагает обмен сначала деятельностью, а затем и ее продуктами. *Эти два вида обмена определяют* и *два типа хозяйственного устройства: доминирование первого означает существование системы натурального хозяйства, второго — говорит о наличии товарного производства.* Естественно, что подобное деление имеет определенные элементы условности, однако, в целом оно вполне может быть применено к изучению этапов развития экономической общественной формации. *Итак, противопоставление натурального хозяйства и товарного производства должно быть* в первую очередь *рассмотрено при изучении основ экономической общественной формации.*

В качестве предварительного замечания следует отметить, что собственно натуральное хозяйство, основанное исключительно на обмене деятельностью, представляется в рамках экономической общественной формации методологической абстракцией, тогда как всеобщее товарное производство, воплощенное в системе капитализма, вполне реалистично и жизнеспособно. Натуральное хозяйство, при котором происходит обмен деятель-

ностью в рамках замкнутого общинного целого, где не существует обмена на внешних границах общины и весь производимый продукт потребляется внутри данного социального организма, — такая структура в полной мере принадлежит архаической общественной формации. Ее разложение и замена системой, в которой все более важное место занимает обмен продуктами, стало исходной точкой истории экономической формации общества. Таким образом, начиная свое исследование товарных отношений, следует со всей категоричностью сказать, что *история экономической общественной формации может и должна рассматриваться в первую очередь как история совершенствования форм товарной организации производства, прогресса товарного обмена, постепенного вытеснения замкнутости из хозяйственной жизни и становления системы всеобщего товарного производства.*

Подобный взгляд на развитие человеческого сообщества выдвигает на первый план проблему различия и взаимодействия двух типов хозяйства — натурального и товарного.

Наибольшие трудности вызывает раскрытие внутренней анатомии, противоречий, форм, закономерностей развития натурального хозяйства. Оно менее исследовано, так как отстоит от нас гораздо дальше и, главное, лежит на стыке двух грандиозных эпох в истории человечества — архаической и экономической. Поэтому для упрощения задачи, точно так же как новые феномены социально-экономической организации, характерные для рождающегося постиндустриального общества мы называем постэкономическими, так и натуральное хозяйство мы будем исследовать как доэкономическое, исходя из анализа товарного производства и обмена.

Задача исследования товарного хозяйства обусловливает целесообразность сохранения характерного для всей работы методологического основания — критически осмысливаемой марксистской теории. Иные школы, как

правило, рассматривают товарное хозяйство в другом аспекте, анализируя рыночную экономику, как «естественный» способ организации хозяйственной жизни. Марксистская же теория дает достаточно проработанный и в основном объясняющий реалии анализ; во всяком случае в части, касающейся генезиса товарных отношений и их перехода в капитализм.

Исходный пункт в логическом и историческом понимании системы товарных отношений — наличие общественной потребительной (характеризующей продукт, полезный для иного, нежели его производитель, лица) и меновой (определяющей способность выступать в качестве продуктов труда в том случае, когда каждый из контрагентов, присваивая чужой продукт, теряет свой) стоимости.

По-видимому, именно здесь пролегает предельно абстрактная граница между натуральным и товарным хозяйствами. Более того, можно предположить, что примитивное хозяйство, вырастающее в рамках архаической, доэкономической формации, не содержит обоих предельно простых свойств товарных отношений.

Продукт натурального хозяйства первоначально не является общественной потребительной стоимостью и не предназначен для обмена. Он производится в рамках общины, находящейся исторически на стадии перехода от родовой к соседской. Если он и имеет общественную пользу, т.е. не потребляется непосредственно производителем, то это либо исключение из правил, либо данный продукт одинаково полезен для всех членов общины, в том числе и для самого производителя. В условиях генезиса натурального хозяйства не происходит (за исключением дарений или перераспределений общественного богатства в ходе войны) отчуждения и обмена продуктов труда.

Для развития натурального хозяйства (например, эпохи господства азиатского способа производства), где в рамках деспотии систематически осуществляется от-

чуждение и перераспределение продукта, отличительным признаком остается отсутствие меновой стоимости. Даже для отчуждаемого высшими слоями деспотии продукта труда крестьянина, поступающего в распоряжение иных, нежели члены его общины, лиц, отсутствует эквивалентный обмен и взаимное присвоение. И все же граница между развитой натуральной и незрелой товарной системами весьма подвижна: генезис последней происходит по мере разложения первой, проходя через разнообразные переходные формы.

Простейшие определения товарного и натурального хозяйства не дают достаточных критериев для констатации различий между ними. Поэтому требуется более глубокий анализ этих общественных форм.

К. Маркс показал, что обмен общественными потребительными стоимостями становится устойчивым тогда, когда в общественном масштабе складывается система отношений взаимного отчуждения и присвоения продуктов как товаров. В основе эквивалентного обмена в этом случае лежит стоимость — отношение, субстанцией которого является овеществленный труд.

С этим последним тезисом надо разобраться поподробнее. Сведение всех видов труда к средним общественно-нормальным затратам, необходимым для воспроизводства данной системы обменивающихся товаров (подразумевая и систему пропорций между ними) означает, что общественной реальностью стали два других важнейших атрибута системы товарных отношений: *общественно-экономическое* (а не половозрастное или внутриобщинное) разделение труда между отдельными *производителями* и их *обособленность* как самостоятельных экономических лиц, создающих продукцию на свой страх и риск, вне зависимости от других и за свой счет.

Естественно, что в конкретных исторических условиях эти характеристики никогда не реализовывались в чистом виде, однако, как научная абстракция, характеризующая сущность товарного хозяйства, они вполне

правомерны. В самом деле, если мы рассматриваем общество, в котором отсутствует система общественного экономического разделения труда между отдельными производителями, то даже здравый смысл (не говоря уже о многочисленных исторических и политико-экономических исследованиях) подскажет, что это доэкономический социум или по меньшей мере социум с неразвитыми товарными отношениями. Точно также отсутствие экономически обособленных производителей приводит к возникновению иного, нерыночного типа отношений. Если это так, то общественная необходимость произведенных продуктов и видов труда признается *apriori* и делает невозможным конкуренцию, а также взаимное отчуждение и присвоение продуктов труда как товаров. Обобществление производителей отрицает также спрос и предложение, цены, как свободно и независимо от воли тех или иных лиц формирующиеся параметры, и все иные атрибуты товарного обмена. Следовательно, натуральное хозяйство как дотоварный тип отношений предположительно должно характеризоваться как система, где отсутствуют развитое общественное экономическое разделение труда между производителями и экономическое обособление последних.

Все это предполагает, с одной стороны, противоречивое сочетание производства продукции для внутреннего потребления и подчиненность производителя некоторой внешней, неэкономической силе, — с другой. Учитывая, что натуральное хозяйство есть исторически и логически феномен отмирающей архаической формации и возникающей (но только в переходных, зародышевых формах) экономической (иначе мы не могли бы вообще вести о нем речь), мы можем в какой-то мере конкретизировать его предельно абстрактные черты.

Так, принадлежность этого типа хозяйства к эпохе господства общинной формы организации позволяет сделать вывод, что в качестве производителя (как социальной категории) здесь выступал не столько отдельный индивид,

еще до конца не выделившийся из родо-племенной структуры, сколько община или иной, вырастающий на ее базе доэкономический социум. Следовательно, продукция создавалась для потребления не индивидуумом, а всем социумом. Это хозяйство, в котором нет таких производителей, границы и деятельность которых определялись бы собственно экономическими потребностями, нет разделения труда между ними. Последнее отнюдь не означает, что вырастающая на базе натурального хозяйства система не может включать развитого разделения труда между отдельными звеньями единого социума — например, типа азиатской деспотии.

Экономическая общность товаропроизводителей в условиях натурального хозяйства предполагает автаркию, отсутствие экономических связей, регионализацию и т.п. феномены, которые обычно трактуют как типичные признаки натурализации хозяйственной жизни. Производитель находится в неэкономической зависимости от лиц, не принадлежащих к сфере его взаимоотношений. Какой именно может быть эта зависимость — вопрос, выходящий за пределы предмета нашего исследования, ибо ответ на него предполагает анализ архаической общественной формации. Можно лишь сказать, что на начальных стадиях развития натурального хозяйства это скорее всего зависимость от досоциальных факторов, от природы, что, по-видимому, характерно для относительно изолированных социумов. Для более развитых обществ главными ее формами стали традиция, а также различные элементы насилия, прежде всего — межплеменные столкновения и войны. В раннеклассовых обществах доминировали также отношения, которые можно условно обозначить как внеэкономические формы эксплуатации.

Как товарное, так и натуральное хозяйство проходят в своем развитии ряд ступеней, порождая на определенном этапе адекватные каждой из форм хозяйствования системы отношений, в рамках которых производитель

отчуждается от средств производства особым способом (частная собственность на капитал и найм юридически свободного работника или так называемая «внеэкономическая зависимость»).

Наибольший интерес для нас представляют ранние *формы эволюции товарного хозяйства,* совпадающие исторически и логически с периодом подрыва, отмирания и пространственного вытеснения натурального хозяйства. В работах К. Маркса фактически отсутствует развернутый анализ исторического генезиса товарных отношений. Однако логическое исследование формы стоимости отражает (в теоретически скорректированном, очищенном от «зигзагов истории» виде) основные шаги их исторической эволюции.

Так простая и случайная формы стоимости выражают этап вырастания товарного хозяйства из натурального, где обмен между производителями действительно случаен. Это характерно для периода генезиса общественного разделения труда и экономического обособления производителей, когда продукты обмена лишь *случайно* «выпадают» из системы отношений производства для внутренних нужд, и *случайно* вырываются из пут внеэкономической зависимости, освобождаясь от нее экономически.

Развернутая форма стоимости представляет собой логическое отображение той стадии развития, когда наблюдается процесс экстенсивного роста как числа экономически обособленных производителей, так и общественного разделения труда между ними. Натуральное хозяйство в этот период сосуществует с возникающими рыночными отношениями и медленно отступает лишь по мере развертывания последних.

Наконец, всеобщая и денежная формы стоимости знаменуют собой качественный скачок: отныне (напомним, речь идет об этапах логического исследования) уже собственно экономические закономерности определяют место и специализацию отдельных производителей, объе-

мы и издержки производства, пропорции, спрос и предложение, цены. В отличие от предшествующих стадий величина стоимости здесь начинает определяться в полной мере именно абстрактным трудом (затратами общественного труда, необходимыми для воспроизводства данного товара). На этом этапе происходит отмирание натурального хозяйства. Дальнейшая эволюция идет по пути развития товарного производства. Движение всех видов товаров (включая рабочую силу) определяется уже его закономерностями.

Выделяемые К.Марксом логические этапы генезиса и развития форм стоимости, однако, не связаны с историей товарного хозяйства и не могут служить основанием для ее периодизации и выделения этапов развития. Здесь в основу систематизации и периодизации должен быть положен иной признак — генезис и эволюция сущностных черт товарного хозяйства. Такой подход предполагает выделение основных типов этого хозяйства — примитивного (при противоречивом сосуществовании и разнонаправленной динамике натурального и товарного хозяйств), структурного, системного и всеобщего.

Существеннейшей проблемой при анализе соотношения натурального и товарного хозяйств является специфическое положение первого как феномена, характерного для периода завершения архаической (доэкономической) и формирования экономической формации. Натуральное хозяйство — это переходный феномен, где присутствуют, с одной стороны, такие фундаментальные черты архаической формации, как господство доэкономических факторов (традиция, войны и т.п.) и форм общности, а, с другой, — возникают экономические черты (процессы производства, распределения и потребления продукции в масштабах социума). В отличие от натурального, товарное производство и соответствующая система производственных отношений суть экономические феномены. В силу этого процесс отмирания натурального хозяйства и становление товарного должен

анализироваться как важнейшая черта и катализатор другого, более масштабного перехода — от архаической формации к экономической.

§ 2. Формы товарного хозяйства как ступени развития экономической общественной формации

Исследовав общие основы разграничения натурального хозяйства и товарного производства, следует остановиться на *втором противопоставлении, предпринимаемом при изучении товарного хозяйства — выделении различных форм товарного производства в рамках экономической общественной формации.* Если оставить в стороне анализ развития форм стоимости и обратиться собственно к эволюции товарного хозяйства с учетом ее исторической специфики, то следует признать, что подобная задача в советской экономической и социологической литературе, как правило, не ставилась. Марксисты обычно выделяли два вида товарного производства: простое и всеобщее. Такое противопоставление не только несовершенно методологически, но не несет и никакой исторической определенности, не позволяет выделить периоды развития товарных отношений и подчинения принципам товарного обмена всех основных элементов общественной структуры. Для того, чтобы проследить эволюцию товарного хозяйства на протяжении столетий составившую прогрессивный этап экономической общественной формации, выделим четыре основных типа товарного производства, обозначив их довольно условно.

Примитивное товарное хозяйство представляет собой хозяйственную форму, общую как для последних фаз

архаической, так и для первых фаз экономической общественной формации.

Первым, фундаментальным признаком подобного типа хозяйства является достижение, благодаря разделению труда, относительно высокого уровня развития, определяющегося не индивидуальными особенностями, полом и возрастом членов общины, а социальными функциями отдельных членов общества. Именно в этом случае в полной мере проявляется противоречивость индивидуальных интересов, которую определяют степень и формы участия каждого конкретного лица в процессе общественного производства. С развитием разделения труда удовлетворение индивидуальных потребностей во все большей степени становится зависимым от благополучия общества в целом.

Второй признак примитивного товарного хозяйства — возникновение *обмена* продуктами, предпосылкой которого также является уровень разделения труда. Совершенно очевидно, что подобный обмен не носит регулярного характера, проходит эпизодически и предполагает пропорции обмена благ складывающимися относительно случайно, на основе субъективных представлений отдельных членов общества о полезности того или иного предмета или орудия.

Следует особо отметить, что при своем возникновении обмен продуктами обусловливался закономерностями, не свойственными развитым формам товарных отношений, сохраняя еще многие черты межобщинного дарообмена. Пропорции обмена определялись соотношением количества избыточного товара одного и другого вида, достаточного для обеспечения нормального уровня потребления. Если одна из сторон имеет некоторый избыток продукта «а», но при этом испытывает настоятельную потребность в продукте «б», они будут обменены в равной пропорции, вне зависимости от того, сколь большим был избыток и сколь незначительно удовлетворена потребность. Даже если количество труда, затраченное

первой стороной на производство избыточного продукта, окажется в несколько раз больше, нежели затратит вторая, данная сделка не только может состояться, но и будет носить характер эквивалентного обмена, так как потребление обеих сторон приблизится к оптимальному. В условиях примитивного товарного хозяйства эпизодические акты обмена не регулируются законом стоимости. Потребительная стоимость, полезность производимой продукции, доказывают свою значимость, выступая основой обмена. Основоположники марксизма косвенно отмечали данное обстоятельство, когда говорили о так называемой простой или случайной, форме стоимости, в результате чего пропорции обмена складываются под воздействием обстоятельств, имеющих к реальным затратам труда на производство того или иного продукта весьма отдаленное отношение.

Третий признак рассматриваемого нами хозяйства — отсутствие основ частной собственности в ее традиционном понимании. Когда К.Маркс рассматривал формы, свойственные архаической общественной формации, он отмечал, что на данном уровне развития общества «собственность существует только как общинная собственность, а отдельный член как таковой бывает только владельцем... здесь существует только общая собственность и только частное владение»[1]. Это положение исключительно точно отражает суть отношений собственности, которые существовали как в условиях архаической общественной формации, так и на первых порах становления прогрессивной экономической формации, например, в условиях азиатского способа производства.

Существование частной собственности оказывалось при этом невозможным по ряду причин. Во-первых, в результате общественного производства удовлетворялись только самые насущные потребности человека. Не могло быть и речи о каком-либо излишке, который мог бы быть

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.I. С.468

обращен в собственность отдельного индивида. Весь необходимый продукт попадал в сферу уравнительного примитивного распределения. Во-вторых, даже если и появлялись определенные излишки предметов потребления, которые могли быть обращены в чью-то частную собственность, то они существовали лишь в своей натуральной форме, не могли накапливаться и потреблялись непосредственно.

И, наконец, в-третьих, собственность на средства производства становилась иррациональной категорией в силу отсутствия, с одной стороны, имущественного неравенства и эксплуатации человека человеком, а, с другой, — самой возможности применять средства производства в масштабах, превосходящих жестко заданный естественными закономерностями и традицией предел. Часть средств производства не могла перейти в частную собственность прежде всего потому, что их нельзя было использовать в рамках индивидуального производства.

Отсутствие частной собственности отражалось и на генезисе товарного хозяйства, делая невозможным быстрое развитие последнего. Как уже было сказано, реального эквивалента обмена в соответствии с затратами труда не могло быть, что препятствовало распространению индивидуального обмена продуктами, сохранявшегося лишь в зародышевом состоянии.

В то же время в условиях архаической общественной формации зарождается хозяйственное обособление индивидов, проявляется индивидуальный интерес, представление о полезности своего труда. Сама система потребительских предпочтений объективно подталкивала производителей к обмену своих продуктов в пропорциях, близких стоимостным. Однако сугубо *индивидуальные* представления о полезности обмениваемых продуктов не могли сделать обмен регулярным и систематическим. *Стоимость* же и *общественная полезность* в принципе неотделимы друг от друга, представляя собой две стороны одного и того же явления. А так как ни та, ни другая

сторона не могут стать основой обмена, нерегулярного и эпизодического, до возникновения частной собственности, то это позволяет утверждать, что в условиях примитивного товарного хозяйства превалирует обмен, основанный на извлечении *индивидуальной* пользы.

Итак, при примитивном товарном хозяйстве обмен осуществляется на основе субъективной полезности того или иного продукта для обменивающихся сторон.

Четвертый признак примитивного товарного хозяйства — это специфическая взаимосвязь отношений непосредственного производства и отношений *по поводу* производства, обмена и распределения. Общественная система разделения труда сформировалась на данном этапе только на базе непосредственного производства. Отношения же, связанные с процессом производства, обмена и распределения, находились лишь на стадии своего становления. Уравнительное распределение продолжало основываться на доэкономических принципах. В данном случае способ производства фактически исчерпывался сращиванием производственных отношений и производительных сил, при котором первые не выделялись из процесса производства. Только с началом становления и развития отношений частной собственности, отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления (или традиционно понимаемые производственные отношения) стали быстро развиваться и начали играть заметную роль в общественной жизни.

Остановимся теперь на динамике примитивного товарного хозяйства — системы во многом переходной и исключительно противоречивой.

С одной стороны, существуют производительные силы как в полной мере общественное явление. Преодолен инстинктивный характер деятельности, развиваются специфически общественные отношения разделения труда и кооперации, которые широко используются в процессе производства. Все это определяет дальнейшее направление прогрессивного развития: произойдет еще большее

обособление индивидуального интереса. Система разделения труда, в случае относительной обособленности производителей, легко перейдет к частной собственности и товарному производству; возникнет эксплуатация человека человеком; натуральное хозяйство будет разрушено. Таким образом, тенденция развития ведет к становлению фундаментальных основ экономической общественной формации.

С другой стороны, производственные отношения в строгом смысле этого понятия еще не выделились из синкретичного процесса производства. Распределительные отношения в большинстве случаев не столько отдаляют, сколько сближают общество с родовой общиной. Здесь прекрасно прослеживается нарастание того противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которое привело к первой социальной революции. В ее результате общинная собственность и система примитивно-коммунистического распределения были разрушены, и началось становление экономической общественной формации.

Если с этих позиций рассматривать развитие архаической общественной формации, а вместе с ней и примитивного товарного хозяйства, то именно переход от родовой общины к соседской — это та качественная грань, до которой превалируют принципы архаической формации и отсутствуют существенные предпосылки для становления формации экономической.

Родовая община, которая сочетает в себе общественные отношения (олицетворяемые в первую очередь развившимися до определенной степени производительными силами и отношениями непосредственного производства), и черты старого биолого-социального устройства (характеризующиеся родовым характером связей между отдельными членами общины), является классической формой архаической общественной формации. Здесь заключены все ее основные характерные черты «в чистом виде». В силу того, что тенденции к становлению такой

формы производства, которая была бы адекватна сложившемуся общественному состоянию человечества, еще не проявились с достаточной силой, данная общественная система представляется достаточно стабильной. На этом уровне принципы примитивного товарного хозяйства проявлялись через эпизодические акты обмена, что даже укрепляло основы родовой общины, господствовавшей в истории человечества десятки тысяч лет. Однако прогрессивное развитие производительных сил, как следствие противоречия между производством и потреблением, приводило к необходимости развития производственных отношений, к выделению их из *биолого-социальных* в специфический тип *общественных* связей. На наш взгляд, это произошло в период смены родовой общины соседской. И та, и другая именуются общинами, однако этот термин не в полной мере подчеркивает глубину различия между ними. Соседская община отличалась от родовой не в меньшей степени, нежели родовая (как исторически первая общественная форма) от предшествовавших ей биологических форм. Этот период развития общины сконцентрировал в себе все основные противоречия, которые опосредовали в ходе своего разрешения переход от архаической к экономической общественной формации.

Рассмотрим несколько характерных черт организации соседской общины. Как только разрушается родовая община, в рамках которой еще проявлялись биологические связи, начинается ускоренное становление индивидуального самосознания отдельных членов общины и осознание ими своих материальных интересов. Последнее становится главной движущей силой всего общественного прогресса. Возникают предпосылки для формирования частной собственности, которая в определенной мере уже стала проявлять себя и распространяться в той или иной степени на большинство средств производства и предметов потребления.

Постепенно основой взаимодействия членов общины становится не единство рода, как это было прежде, а

осознанная хозяйственная необходимость. На этой основе закрепляются принципы эквивалентности при обмене деятельностью или ее продуктами, причем первый фактор постепенно занимает подчиненное положение по отношению ко второму, благодаря тому, что производство к этому времени приобретает индивидуальный характер. В конечном итоге на уровне соседской общины возникли и начали реализовываться предпосылки эксплуатации человека человеком. Из системы соседских общин стала вырастать структура, которая может быть с определенной долей условности вслед за К.Марксом названа азиатским способом производства и рассмотрена в качестве первой фазы экономической общественной формации.

В этих условиях существовала специфическая система производственных отношений, обладавшая переходным и незавершенным характером. Частная собственность в традиционном смысле слова отсутствовала. Был закреплен основной принцип, характерный для соседской общины: земля, как основное средство производства, в частную собственность не передавалась. Но она не принадлежала и самой общине, так как обособившиеся от общинной структуры институты власти постепенно становились собственниками и распорядителями всего национального достояния. Распространение этой системы базировалось на уже достигнутом уровне развития производительных сил. Так, в условиях интенсивного земледелия широко использовалась ирригация, осуществлявшаяся не отдельными производителями, а лишь общинными структурами, на которые опиралась центральная власть, изымавшая у общинников прибавочный продукт (в частности, в виде различного рода налогов) в свою пользу. Это была еще не традиционная эксплуатация человека человеком, а лишь одной сословно-кастовой группы другой. Можно констатировать сложную систему распределения прибавочного продукта, который проделывал сначала движение снизу вверх, а затем в определенной своей части сверху вниз.

Азиатский способ производства представляется нам выражением той системы, которая получила начало в соседской общине, и достигла там своего полного развития. Здесь, как и в соседской общине, отсутствуют классические формы частной собственности. Имеется институт управления, выполняющий во многом хозяйственные задачи, и, наконец, существуют ограниченные возможности для развития товарного обращения. Экспроприация прибавочного продукта становилась одним из важнейших факторов искусственного ограничения сферы товарно-денежных отношений, превалировал межобщинный обмен над внутриобщинным и внешнеторговый над внутренним. Таковы были особенности азиатского способа производства, которые существенно отличали его от производства античного типа, складывавшегося на Западе[1].

Если рассматривать азиатский способ производства на основе системы обмена и его развитости, мы приходим к выводу о том, что эта система близка к архаической общественной формации по ряду параметров. Однако следует признать и существование принципиально новых явлений, закрепившихся в данном обществе. Во-первых, собственность отчетливо отделилась от общинных структур и сосредоточилась в руках отдельных лиц. Во-вторых, возник феномен эксплуатации, пусть и не принявший еще классических форм, хотя в азиатских обществах прибавочный продукт систематически изымался в пользу общественной группы, не принимавшей непосредственного участия в процессе производства. В-третьих, появилось сословно-классовое неравенство. И хотя не приходится еще говорить о возникновении деления общества на полярные классы, этот факт подтверждает появление

---

1 См: *Иноземцев В.Л., Хоруженко Н.В.* Характер общественного прогресса при переходе от первичной общественной формации ко вторичной. // Материалы XXVII Всесоюзной научной студенческой конференции. Серия «Философия и научный коммунизм». Новосибирск, 1989. С.57 и сл.

первых прогрессивных ступеней развития экономической общественной формации.

Таковы основные черты примитивного товарного хозяйства. В его рамках акты обмена не превращаются в нечто постоянное, тесно связывающее элементы общественного организма. Отсутствует четко очерченная сфера широкого распространения товарных отношений. Появляются деньги, как всеобщий эквивалент, однако, они чаще выступают как средство накопления сокровищ, нежели как средство платежа. Главным же препятствием на пути развития товарных отношений остается отсутствие индивидуальной частной собственности. По мере перехода к следующей, более высокой, ступени развития товарного хозяйства часть вышеуказанных препятствий постепенно устраняется.

В отличие от азиатских обществ, где экономические условия и политическая структура приводили к невозможности активного развития товарных отношений, западный мир пошел по иному пути. Здесь процесс разложения соседских общин и использование труда значительного числа рабов привели к резким проявлениям классового неравенства. Хозяйственная модель, представленная в наиболее «чистом» виде античной Грецией, а в более глобальном и комплексном варианте — Римской империей, основывалась на автономности производителей. В той ситуации, когда государство старалось в большей мере удовлетворять потребности граждан, чем поощрять патрициев к подавлению подданных, товарное производство заведомо имело большие возможности для своего развития.

Античное общество в связи с особыми условиями своего возникновения и развития заключало в себе противоречивые тенденции. Оно возникло, преодолев закономерности архаической общественной формации революционным путем. Общины, которые в условиях азиатского способа производства консолидировались, в античном мире претерпели серьезные изменения, а в некоторых случа-

ях и вообще распались, что стало особенно хорошо заметно к тому времени, когда он достиг своего расцвета. Возникло распыленное атомизированное частное хозяйство, которое стало важной предпосылкой быстрого развития товарных отношений. Однако при этом не следует забывать того обстоятельства, которое сделало возможным распад общин. Если в условиях азиатского типа производства появилась необходимость совместных усилий большого числа людей, в первую очередь в ирригационном земледелии, то для античного способа производства непосредственной необходимости такого объединения не возникало. В силу этого индивидуальное производство, которое при азиатском способе производства было фактически невозможно, в античных условиях оказалось не только вполне реальным, но и применялось весьма эффективно. Последнее давало возможность производителям отказаться как от приобретения товаров на стороне, так и от широкой реализации собственных продуктов, выражая тем самым тенденцию к сохранению натуральных отношений.

Таким образом, само античное общество было двойственно: имели место, с одной стороны — широкое распространение частной собственности и определенная атомизированность производителей, как предпосылка для развития товарных отношений, с другой — высокая степень эффективности индивидуального производства, позволявшая воспроизводить принципы натурального хозяйства. Противоборство этих двух тенденций образовало весьма специфический тип организации общественного производства, свойственный только античному миру, характеризовавшийся таким видом товарного хозяйства, который мы станем называть *структурным*.

В античных государствах преобладало мелкое парцеллярное землепользование и мелкое производство в городах. В отличие от азиатских империй, жители как античных полисов, так и земледельцы не производили больших масс продуктов. Применялся эффект простой коопера-

ции, а свои достаточно примитивные потребности население удовлетворяло за счет собственного производства. Отсутствие специализации восполнялось эффективностью труда работника на собственном наделе при редком использовании наемных работников или одного-двух рабов. В результате возник товарный обмен между сельскохозяйственными производителями и ремесленниками, который, однако, не мог вовлечь в себя значительных объемов сельскохозяйственной продукции, большая часть которой потреблялась в хозяйствах-производителях.

По мере развития античной экономики товарный обмен интенсифицировался, однако, парцеллярный характер земельной собственности и раздробленность сельскохозяйственного производства не позволяли сформироваться специализированным земледельческим производствам, которые поставляли бы на рынок большое количество товарной продукции. Круг вовлекаемых в обменные отношения продуктов оставался при этом весьма узким и, что более существенно, не мог радикально расшириться без решительной ломки экономических основ и классовой структуры античных обществ.

В отличие от азиатского способа производства, где не существовало товарных отношений, и феодального общества, в котором определенные элементы товарности наблюдались во всех элементах общественной жизни, античные социумы обнаруживают весьма резкую границу между товарным и нетоварным секторами хозяйства. Большая часть продуктов производилась, естественно, для непосредственного потребления в самом хозяйстве, что отражало объективно сложившийся уровень производительных сил; между тем имелся и товарный сектор, производимые в котором блага попадали на рынок не в результате случайного стечения обстоятельств, а строго целенаправленно: их изготавливали именно для продажи.

Нетрудно определить, какие составляющие общественного богатства не принимали в условиях античного хозяйства товарной формы. Самым значительным среди

них была продукция мелких земледельцев, владевших личным наделом и обеспечивавших своим трудом скудное потребление для себя и своей семьи.

Но и та продукция, которая производилась в замкнутых поместьях высшей аристократии — латифундиях, обеспечивавших себя всем необходимым и поставлявших представителям праздных классов как сельскохозяйственные, так и ремесленные товары, а зачастую предметы роскоши, не выходила на рынок.

Существовала еще продукция ремесленных мастерских — эргастериев. Она либо непроизводительно потреблялась их владельцами, либо использовалась для дальнейшего производства ремесленных изделий. Все указанные составляющие общественного достояния не обменивались на рынке и их совокупный объем был, разумеется, неизмеримо больше товарного сектора, который наполняла продукция редких специализированных производств, ориентированных на рынок.

В *первую* очередь таковой становилась продукция так называемых рабовладельческих вилл — средних по размеру сельскохозяйственных предприятий, ориентированных на возделывание определенной монокультуры. До четырех пятых производимой на вилле продукции реализовывалась на рынке, что давало некоторым авторам призрачную возможность обнаружить в античной экономике капиталистические черты. *Вторая* составляющая товарной продукции — товары арендного сектора латифундий, производимые в размерах, эквивалентных вносимой за пользование землей арендной плате. В эту же группу товаров можно включить и эпизодически обмениваемые на ремесленные изделия излишки сельскохозяйственной продукции отдельных независимых производителей. *Третий* элемент — продукция ремесла, как частного, так и ремесленных мастерских, противостоящая на рынке сельскохозяйственным товарам.

Надо отметить, что доходы от реализации всей этой продукции в своем большинстве принадлежали непроизводительным классам и, следовательно, в основном обме-

нивались либо на предметы роскоши, либо капитализировались в новых земельных владениях, либо расходовались на покупку рабов.

Основной вывод может относиться к общему объему оборота торговли, который непосредственно вытекал из подобной организации производства. Из трех элементов, составляющих основу товарного хозяйства, первые два с большой степенью уверенности можно назвать сельскохозяйственной продукцией, обмениваемой на ремесленную. Третий представляется внутренним оборотом ремесленного сектора. Таким образом, общий объем рыночной сельскохозяйственной продукции не только не превышал объемов валового продукта ремесла, но и был гораздо меньше его. Ремесленное же производство составляло не более десятой части от валовой продукции сельского хозяйства, которая и обусловливала реальную степень товарности производства.

Таким образом, товарный сектор экономики был незначителен и, что весьма существенно, не имел возможности к расширению, представляя собой как раз такое образование, которое и делало возможным существование структурного товарного хозяйства в виде мозаичных вкраплений в натуральное по своей основе производство.

Между тем, рассматривая товарный сектор античной экономики и организацию товарного обмена, нельзя ограничиваться лишь указанными моментами. Мы выделили пока лишь ту часть товарного оборота, которая непосредственно вытекала из функционирования соответствующего типа производства. Однако на экономику воздействовало значительное количество факторов, которые хотя и не имели к ним непосредственного отношения, но значительно активизировали рыночный обмен, способствуя росту товарной массы и насыщению каналов обращения денежным материалом. В условиях античного способа производства товаром считались и рабы, причем в отличие от заработной платы, выплачиваемой работникам при капитализме, деньги, затраченные на них, нередко не

проявлялись в дальнейшем обращении товаров, так как рабы могли использоваться в нетоварном секторе хозяйства. Таким образом, сфера обмена объективно расширялась. Подобного сектора рынка не имела ни одна экономика в более поздние исторические эпохи. Отрицать его значение невозможно.

Следует отметить, что товарное хозяйство античной эпохи породило все основные сопровождающие его элементы. Римская Империя имела высокоорганизованную систему государственных финансов, развитую кредитную и денежную систему, в ней процветала внутренняя и внешняя торговля. И в то же время лишь полное разрушение основ античного строя могло эффективно способствовать совершенствованию системы обменных отношений. Это парадоксальное утверждение является ключевым для понимания не только судеб структурного товарного хозяйства, но и античного мира в целом. Только полная перегруппировка социальной структуры была в состоянии разрушить незыблемую для него грань между товарной экономикой, возникающими на ее базе денежными, финансовыми и кредитными надстройками, и теми производителями и хозяйственными структурами, которые всей своей деятельностью утверждали господство натурального хозяйства.

Структурное товарное хозяйство, хотя и стало значительным шагом вперед по сравнению с примитивным, тем не менее может рассматриваться как его частный случай. Хотя это и высшая фаза примитивного товарного хозяйства, но тем не менее всего лишь переходная форма на пути к полноценному товарному производству. Общество в целом не стало субъектом товарных отношений, обмен происходил на относительно узком пространстве. Дальнейший прогресс становился возможным только в том случае, если устранялись социальные преграды на пути вовлечения в круг товаропроизводителей возможно большего числа людей. Исторически же подобное изменение оказалось связано с крахом античного способа производства и формированием феодальных

социальных структур — носителей того типа товарного производства, который мы называем *системным*.

В середине первого тысячелетия нашей эры на смену античному обществу пришел феодальный строй. Его возникновение связано с тем периодом, когда натуральнохозяйственные тенденции в развитии античного общества окончательно победили. Эпоха становления феодального способа производства характеризовалась даже определенным регрессом производительных сил, частично связанным с уменьшившимися возможностями для использования отношений кооперации, имевших огромное значение в античном хозяйстве. Натуральное хозяйство оказалась одной из важнейших черт раннефеодального производства и сохранило свое значение в течение, пожалуй, всего периода господства данного типа общественных отношений. В то же время именно с феодальной эпохой связано развитие системного товарного производства. Выделим основные черты, которые отличают последнее от структурного товарного хозяйства.

Во-первых, для системного товарного хозяйства в условиях феодального общества не характерен тот явный диссонанс между массой обращающихся товаров и степенью развитости внешних форм товарного обращения, который был свойственен античной экономике. С одной стороны, мы можем констатировать, что уже в относительно ранний феодальный период, начиная с XII-XIII вв., количество обращавшихся товаров было довольно значительно, рынки возникали во всех больших селах. Внутренний торговый обмен превалировал над внешней торговлей, которая свелась в тот период исключительно к торговле предметами роскоши. С другой стороны, в отличие от античности, для раннего феодального периода не было характерно денежное хозяйство, в условиях феодального общества господствовал непосредственный обмен одного товара на другой, что зачастую осуществлялось без посредства денег. Это служило определенным препятствием к обособлению денежного обращения от

движения товарных масс, что характерно для античной экономики.

Поскольку существовало устойчивое товарное обращение на внутреннем рынке, не слишком восприимчивом к разного рода внешним обстоятельствам, а в обращении находилось относительно незначительное количество денег, в феодальном обществе не возникало того диссонанса, который отмечался в античном мире. Поэтому феодальный строй обычно квалифицировался как натуральнохозяйственный в еще большей мере, нежели античный, хотя такое определение совершенно неприемлемо.

Во-вторых, товарные отношения в условиях феодализма стали довольно широко распространяться во всем обществе. Отчасти это было порождено тем, что на рынке шел непосредственный обмен, а не денежный, как это было в античном обществе, где денежная форма в определенной степени ограничивала масштабы вовлечения в обменные отношения больших масс производителей. Однако, на наш взгляд, более существенной причиной такого положения дел стала относительная унификация форм производства в условиях феодального строя. Если, например, в античном обществе рабовладельческие виллы обеспечивали большую часть товарного продукта сельскохозяйственного производства, то при феодализме таких крупных специализированных предприятий не было. Поэтому в товарное производство относительно равномерно вовлекалось большое число субъектов, в первую очередь непосредственных производителей. Сам факт распространения денежной ренты, относящийся, правда, уже к периоду позднего средневековья, доказывает, что товарное производство, хотя оно и не становилось господствующей формой, проникало в подавляющее большинство хозяйств. Тенденции к этому были заложены уже в период становления феодальных отношений.

В-третьих, в условиях феодализма фактически впервые возникает целая общественная прослойка, которая становится носителем товарно-денежных отношений. В Риме денежными операциями, откупом налогов, ростов-

ществом и т.п. занимались в основном богатые люди, которые помещали значительную часть своего капитала в земледелие, дававшее относительно небольшой, но гарантированный, стабильный доход и обеспечивавшее сохранность первоначальных вложений. В силу этого римская аристократия была однородной по своему экономическому положению и источникам дохода, представляя рабовладельческий класс, противоречиво сочетавший стремление как к расширению, так и к свертыванию товарно-денежных отношений.

Напротив, в условиях феодального общества широкое развитие товарно-денежных отношений на «низовом» уровне привело к выделению значительной группы лиц, чье благополучие оказалось неразрывно связано с их прогрессом. Это привело к быстрому распространению, начиная с XIII-XIV вв., в первую очередь в городах Северной Италии, а затем и в других частях Европы, наемного труда. Важнейшая грань была перейдена; с этого времени развитие товарно-денежных отношений стало совершенно неоспоримым, был вынесен исторический приговор феодальному строю и натуральному хозяйству. Распространение наемного труда значительно умножило число лиц, тесно связанных с товарным сектором экономики, так как продукт тех, кто использовал наемный труд, производился, как правило, для реализации на рынке; в недрах феодализма возник товарно-капиталистический уклад.

В-четвертых, следует отметить, что функции торговли, денежного обращения и кредита существенно изменились. Торговля получила устойчивый внутренний оборот, кредитные операции стали производиться во все больших и больших масштабах, причем не для кредитования расходов на потребление, а для обеспечения условий прибыльной производственной деятельности. Вся система, связанная с товарным характером производства, стала серьезно модифицироваться.

Таким образом, в условиях феодализма товарные отношения значительно отличались от античных. Но на-

туральное хозяйство по-прежнему оставалось средой для их развития. Подобные изменения в динамике и направленности развития товарного производства были бы совершенно немыслимы в том случае, если бы среда, в которой они развивались, оставалась неизменной, такой же, как в античные времена.

Товарное хозяйство, соответствующее феодальному типу производства, существование которого можно констатировать в этот период, мы называем *системным типом товарного хозяйства.* Вводя этот термин, мы тем самым подчеркиваем существующие различия между товарным хозяйством античного и феодального обществ.

Рассматривая системное товарное хозяйство, следует отчетливо осознавать, что оно основывается не на определенных модификациях натуральнохозяйственного базиса социума, а на *производстве* продуктов как товаров широкими слоями общества, «низами», при активном обмене *продуктами труда;* обмене, охватывающем *все секторы* общественного производства. Относительная неразвитость рынка рабочей силы в XIV-XV вв. компенсируется исключительно высоким уровнем его организации в XVIII-XIX столетиях. Между цеховой и торговой организацией средневековья и капиталистическим обществом на первый взгляд мало общего. Однако между указанными хозяйственными системами отсутствует тот непреодолимый барьер, который разделял античный и феодальный способы производства, структурное и системное товарное хозяйства. *Последнее в той же мере является частным случаем всеобщего товарного производства, в какой структурное рассматривается как частный случай примитивного.* Если структурное товарное хозяйство является по отношению к примитивному зрелой и исторически передовой формой, то системное дает основание для возникновения всеобщего товарного производства, являясь тем последним звеном, между которым и системой всеобщего товарного хозяйства не существует опосредующих звеньев.

Зачастую рассматривающаяся как синоним капиталистического способа производства, *система всеобщего товарного хозяйства* представляет предельно развитое системное товарное хозяйство, в условиях которого рабочая сила становится товаром, и все товары обмениваются на основе затрат общественно необходимого рабочего времени, используемого на воспроизводство того или иного блага. Принципиальной особенностью системы всеобщего товарного производства является не столько товарный характер рабочей силы как таковой или предельно определенные принципы обмена товаров, сколько то, что рабочая сила более не исключена и не может быть исключена из сферы товарного обращения, а принципы, на которых она вовлекается в хозяйственный оборот, в полной мере адекватны тем, на базе которых осуществляется обращение всех остальных товаров.

Имманентная черта системы всеобщего товарного производства — это потенциальная и реальная воспроизводимость всех составляющих общественного богатства (как факторов производства, так и его результатов) как товаров. Всеобщее товарное производство не столько инкорпорирует в круг обмениваемых благ новое специфическое благо, сколько обеспечивает производственные и обменные отношения единым базисом — количеством общественно необходимого для воспроизводства того или иного товара рабочего времени.

Отмеченное обстоятельство делает эту систему чрезвычайно устойчивой. Если в более ранних типах организации хозяйства товарный сектор занимал более и менее важное, но все же ограниченное место в общественном производстве, противостоя нетоварному сектору и взаимодействуя с ним, *то при системе всеобщего товарного производства не существует сектора, производство и движение товаров в котором отлично от основного принципа всеобщего товарного хозяйства — обмена по воспроизводственным издержкам.*

Последнее определяет как материальные условия данного типа хозяйствования, так и специфические черты

его продуктов. Как совершенно справедливо отмечал К.Маркс, а ранее и представители классической политической экономии, важнейшим условием становления всеобщего товарного производства является широкое распространение углубленного разделения труда и формирование системы машинного производства. В этой ситуации представляется совершенно очевидным, что *основой всеобщего товарного хозяйства является массовое производство воспроизводимых благ.*

Всеобщее товарное хозяйство обладает гораздо большей внутренней стабильностью, чем его структурные или системные формы. Продукты массового производства незамедлительно возвращаются в воспроизводственный процесс либо как вещественные факторы производства, либо как живая рабочая сила. Для зрелой формы всеобщего товарного производства не существует взаимодействия с нетоварным сектором ввиду отсутствия последнего, хотя часть прибавочного продукта перераспределяется под контролем общества для обеспечения воспроизводства не только отдельных благ и отдельных индивидов, но и всего социального организма.

К.Маркс и Ф.Энгельс, создавая рассмотренную нами ранее теорию революционных изменений, осознавали, что подобная система, *воспроизводясь на собственной основе, не может быть устранена посредством политической революции. Отмечая, что низвергающая капитализм революция будет социальной, основоположники марксизма, к сожалению, не поднялись до понимания того, что она вовсе не нуждается в политической форме.*

Всеобщее товарное производство создало условия, в которых зрелого состояния достигли такие важнейшие феномены экономической жизни, как *труд, стоимость и эксплуатация,* никогда ранее не возникавшие в столь завершенных формах.

В условиях всеобщего товарного производства, когда безусловно доминирует только одна возможность придания продукту общественной значимости — его превра-

щение в товар, деятельность человека принимает общественную форму только в том случае, если она включается в процесс производства подобных благ. Поскольку, однако, целью всеобщего товарного производства является увеличение массы создаваемых стоимостей, то и мотив человеческой деятельности сводится к получению максимально возможного количества необходимых благ, что одно только и может обеспечить воспроизводство индивида. Учитывая данные обстоятельства, можно констатировать, что в условиях всеобщего товарного производства труд в наибольшей степени проявляется как *сознательная и целесообразная физическая или умственная деятельность, выступающая реакцией человека на внешнее окружение и служащая удовлетворению его физиологических и социальных нужд, отличных от потребности в совершенствовании собственной личности.*

Стоимость товара, становясь основополагающей категорией общественного хозяйства, в наибольшей степени подчиняет себе все стороны общественной жизни. Каждое производимое благо производится именно как *стоимость*; тем самым оно унифицируется по сравнению с другими благами, вне зависимости от того, насколько индивидуальными были усилия по его созданию и каковыми оказывались мотивы и цели его производства. Эта максимальная унификация проявляется в том, что обмен начинает регулироваться даже не собственно стоимостными пропорциями, а ценами производства, которые включают в себя не только общественно необходимые затраты труда, но и социально приемлемую прибыль. Стоимостные характеристики подчиняют себе даже те сектора производства, в которых создаются блага, сами по себе не воспроизводимые и как таковые не обладающие стоимостью в собственном смысле этого слова. Попадая в круг обмениваемых на рынке товаров, подобные блага получают цену, которая, хотя и не имеет в данном случае стоимостной природы и является иррациональной, тем не менее определяет пропорции обмена создаваемых подоб-

ным образом благ на другие товары, реализующиеся на рынке.

Знаменуя собой высший этап развития экономической общественной формации, система всеобщего товарного хозяйства максимально унифицирует классовую структуру общества и обостряет социальные противоречия. Отодвигая на вторые, подчиненные роли все неэкономические факторы общественной жизни, данный хозяйственный уклад ставит поведение индивидуума в зависимость не от поведения другого человека или групп людей, а от непосредственной экономической необходимости. С того момента, как целью производства становится производство не потребительной стоимости, а меновой и прибавочной, все интересы субъектов производства, кроме материальных, выраженных в величине присваиваемых стоимостей, полностью отходят на второй план. В обществе всемерно распространяется товарный и денежный фетишизм.

В условиях жесткого экономического, рыночного детерминизма возникает конфликт, лежащий в основе эксплуатации. Если при докапиталистическом способе производства эксплуататоры стремились добиться отчуждения в свою пользу максимального количества благ, а эксплуатируемые боролись в первую очередь *за сохранение возможности произвести продукты для собственного потребления*, то в условиях всеобщего товарного хозяйства возможность индивидуального натурального производства фактически полностью исключена. Рабочие борются *за изменения пропорции распределения созданных стоимостей*, присвоить которые в их вещественном выражении они не имеют возможности. Власть эксплуататоров над эксплуатируемыми становится абсолютной, конфликт — очевидным и острым до крайности.

Достигая высшей ступени своего развития в рамках всеобщего товарного хозяйства, экономическая общественная формация подготавливает условия для своего перерождения и отрицания основ товарного производства. Становление новой, более высокой общественной

формации осуществляется посредством преодоления товарных отношений по трем основным направлениям: во-первых, путем снятия атрибутивных признаков репродуктивного труда как особого вида человеческой деятельности, основной, сущностной категории, на которой основывается теория экономической общественной формации; во-вторых, благодаря диффузии стоимости как исходного производственного отношения и основы обмена в рамках экономизированного общества; в-третьих, устраняя эксплуатацию на основе принципиального изменения мотивационных предпочтений каждого активного индивида.

Таким образом, экономическая общественная формация прогрессирует как форма организации товарного производства, ибо именно оно лежит в основе того или иного периода развития данной формации.

* * *

Мы остановились пока лишь на общих, эмпирически и исторически не обоснованных формулировках, ограничиваясь лишь определением форм товарного производства, не обращаясь к их конкретному фактологическому анализу. Между тем понимание природы и исторического места того или иного вида товарного хозяйства возможно только при условии детального изучения экономической системы того исторического промежутка, в течение которого он доминировал. При этом следует отметить, что необходимо не только проведение статического анализа товарных потоков и изучение степени товарности экономики; исключительно важным остается рассмотрение социальной динамики соответствующих обществ, включая проблемы, связанные с модификацией классовых и сословных структур, вопросы, касающиеся истоков и причин революций, сменяющих отдельные способы производства внутри экономической общественной формации, и так далее.

Именно поэтому сейчас мы переходим к конкретному анализу экономических систем, которые могут быть рассмотрены в качестве прототипов того или иного вида товарного хозяйства. Структурное товарное хозяйство олицетворяется хозяйством Древнего Рима имперских времен и периода начала варварских нашествий; системное товарное производство анализируется на основе данных по истории европейского (большей частью французского) Средневековья; всеобщее товарное производство мы считаем возможным исследовать в большей степени лишь теоретически.

Очерк третий

АНТИЧНОСТЬ VERSUS ФЕОДАЛИЗМ: ВЕЛИКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Часть I

СТРУКТУРНОЕ ТОВАРНОЕ ХОЗЯЙСТВО

В отличие от азиатских обществ, где экономические условия и политическая структура делали невозможным активное развитие товарного хозяйства, процесс классообразования на Западе пошел по принципиально иному пути. Разложение соседских общин привело там к резким проявлениям классового неравенства, чему способствовало использование труда рабов, которые в значительном числе поступали из завоеванных античными государствами стран.

Хозяйственная модель, представленная в наиболее «чистом» виде античной Грецией, а в более глобальном и комплексном варианте — Римской империей, основывалась на автономности производителей. Товарное производство заведомо имело здесь большие, чем в азиатских обществах, возможности развития.

Античное общество многие авторы связывали с системой «ойкосного» хозяйства, подчеркивая береговое географическое положение его городов и отмечая огромное их значение в хозяйственном развитии древних средиземноморских цивилизаций. Это действительно так. В античных государствах среди сельского населения преобладало мелкое парцеллярное землепользование, среди городского — мелкое производство. Как уже было отмечено выше, в отличие от азиатских империй, как городские жители, так и земледельцы не производили большого количества продуктов, применяя эффект простой кооперации, а стремились удовлетворять свои достаточно примитивные потребности за счет индивидуального производства. Отсутствие специализации восполнялось эффективностью труда на собственном наделе при редком

использовании наемных работников или одного-двух рабов. Такая система открывала возможности товарообмена между сельскохозяйственными производителями и ремесленниками; однако он не мог вовлечь в себя значительных объемов сельскохозяйственной продукции, большая часть которой потреблялась в хозяйствах-производителях.

По мере развития античной экономики товарный обмен интенсифицировался, однако, парцеллярный характер земельной собственности и раздробленность сельскохозяйственного производства не позволяли сформироваться специализированным земледельческим производствам, которые поставляли бы на рынок большое количество товарной продукции. В результате установилась система, которая ранее была названа нами структурным товарным хозяйством. Круг вовлекаемых в обменные отношения продуктов оставался при этом весьма ограниченным. И, что более существенно, он не мог быть радикально расширен без самой решительной ломки классовой структуры античных обществ.

Обоснованию данного тезиса в основном и посвящен нижеследующий историко-теоретический анализ.

Для оценки структурного товарного хозяйства необходимо рассмотреть несколько аспектов. Во-первых, статическое состояние хозяйства (общую структуру товарных потоков, объемы оборота, дать оценку степени товаризации хозяйства и т.д.). Во-вторых, инфраструктуру сложившегося товарного обмена, активность денежного обращения, интенсивность финансовых и кредитных операций. В-третьих, динамику развития данного типа хозяйства и воздействие ее на социальную структуру общества, формирование новых общественных групп и классов, а также процесс вызревания элементов более высокого хозяйственного типа внутри более низкого и становления основ феодального способа производства.

В качестве примера возьмем хозяйственную систему Римской империи I-II вв. н.э., периода ее наибольшего расцвета, так как именно римская экономика начала Империи предоставляет исследователю наиболее богатый

материал для анализа различных видов производства, как сельскохозяйственного, так и ремесленного. Их организационные формы достигли в этот период своего максимального разнообразия, сохраняясь на протяжении полутора-двух веков.

Конец Республики и начало Империи ознаменовались максимальным для римского государства подъемом товарных отношений: развивалась внешняя и внутренняя торговля; сформировалась высокоорганизованная, разветвленная и стабильная денежная система; активно действовали финансовые и кредитные учреждения.

Хозяйственная система античного общества была исключительно динамична и открыта будущему. По своей природе весьма гетерогенная, созданная из целого ряда социальных групп и страт, она постепенно эволюционировала, унифицируя свою классовую структуру. В силу этого элементы феодального хозяйства, которому имманентны принципы системного товарного хозяйства, весьма активно развивались в недрах позднеримского производства.

Задачей предпринимаемого в настоящей главе исследования является изучение исторического места структурного товарного хозяйства и определение значения как для развития экономической общественной формации, так и для социального прогресса в целом, перехода от него к системному.

§ 1. Основные черты римской хозяйственной системы в статике

Главной задачей статического анализа римского хозяйства является изучение степени товарности экономики, формирование представлений об основных товарных потоках и их значимости для функционирования тех или иных отраслей хозяйства, а также исследование общего

воздействия товарных отношений на социальные проблемы римского общества.

Начнем с обзора социальной структуры, общественных классов и групп римского общества.

С социальной точки зрения оно было неоднородным. В зависимости от задач, стоящих перед исследователем, можно выделить в нем ряд стратифицированных групп: рабов и рабовладельцев, свободных граждан и в той или иной степени несвободных, патрициев и плебеев и так далее. Не отвергая вполне аргументированного мнения Ж. Гаже, указывавшего на отсутствие в Риме твердо установившихся классов[1], отметим в то же время точку зрения Ю. В. Качановского, выделившего в развитом римском обществе три основные социальные группы: «рабов», то есть все слои несвободных или полусвободных людей, вне зависимости от их политического положения и различий в правовом статусе; производителей-собственников, в основном крестьян; рабовладельцев и представителей аристократии[2]. Однако приведенная классификация оставляет без внимания значительную (особенно для Италии) группу лиц, обладавших личной свободой и полностью выключенных из процесса общественного производства — античный пролетариат, который М.Вебер назвал пролетариатом потребителей (ein Konsumenten-Proletariat)[3].

Поскольку мы рассматриваем римское общество с точки зрения функционирования его хозяйственной структуры и осуществления процесса общественного воспроизводства, можно выделить три большие группы населения на основе принципов, примененных Ф.Кэне в его «Экономической таблице». Тогда в числе основных социальных групп оказываются сельскохозяйственные производители (вне зависимости от того, осуществляется про-

---

1 См.: Gage J. Les classes sociales dans l'Empire Romain. Paris, 1964

2 См.: *Качановский Ю.В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971. С.226

3 См.: *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., б.г. С.7

изводство с использованием рабского труда или аренды, либо без такового), ремесленники (как в ремесленных мастерских, так и в рабовладельческих поместьях) и непроизводительный класс (как высшие слои общества, так и указанные выше деклассированные элементы, не участвующие в процессе общественного производства).

Выделение этих трех групп позволяет не только проанализировать классовые противоречия античного социума, но и достаточно успешно выделить те потоки обмениваемых благ, которые конституировали систему структурного товарного хозяйства, нередко придавая натуральной в своей основе экономике подобие античного капитализма. Доминирующей отраслью производства в эпоху расцвета Римской империи было, разумеется, сельское хозяйство. Весьма неоднородное, оно тем не менее принимало три вполне законченные формы.

Первая из них — *крестьянское землепользование*. На крестьянских наделах в течение всей истории римского государства производилась большая часть сельскохозяйственной продукции. Это положение справедливо как для провинций, так и для всех частей Италии [1]. Крестьянские наделы были либо непосредственно закреплены в собственности граждан, либо арендовались ими как у государства, так и у отдельных землевладельцев, либо использовались на началах так называемого прекария — разрешения «занимать землю без договора и обрабатывать ее без правового обеспечения»[2]. Последняя форма развилась настолько широко, что большая часть земель как в Италии, так и в провинциях, являясь собственностью римского государства, «находилась в фактическом владении людей, занявших ее без определенного права, засвидетельствованного документально»[3].

---

[1] См.: *Илюшечкин В.П.* Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Выпуск первый. М., 1980. С.201

[2] *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. Том V. СПб., 1910. С.109

[3] Там же. С.111

Начало принципата Августа, ознаменовавшее собой конец продолжительной эпохи гражданских войн, совпало с широким распространением системы так называемых ветеранских наделов. Передача земельных участков ветеранам-легионерам началась в массовом порядке с расселения солдат войск Суллы после победы последнего над сторонниками Мария и была продолжена сначала Цезарем, а затем участниками второго триумвирата, одержавшими победу при Филиппах. Земля выделялась солдатам в основном за счет конфискации имуществ сторонников проигравших в борьбе политических блоков.

Частные крестьянские хозяйства занимали в абсолютном выражении значительное место в сельскохозяйственном производстве: здесь выращивалось до 60 процентов всего зерна, получаемого в центральных провинциях Империи, от 70 до 80 процентов овощей, более двух третей всего поголовья скота.

Несмотря на относительную скудость надела, мелким земледельцам почти повсеместно удавалось полностью удовлетворять основные потребности в сельскохозяйственных продуктах и примитивных ремесленных изделиях. Однако производство не было специализировано; крестьяне стремились максимально удовлетворить свои потребности, фактически не обращаясь к рынку как к инструменту, способному разнообразить продукты питания и предметы обихода. Как отмечает В.И.Кузищин, «крестьянское хозяйство было мало связано с рыночными отношениями по своей внутренней основе. Крестьянский двор был обеспечен собственной рабочей силой...; основные и несложные орудия труда делались самим владельцем или его соседями»[1]. Действительно, интегрированность мелкого крестьянского производства в товарно-денежные отношения этого периода была весьма незначительна, что подчеркивают многие авторы.

В силу этих обстоятельств «крестьянский двор не был экономическим конкурентом рабовладельческой виллы

[1] *Кузищин В.И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С.48

или какому-нибудь другому типу поместья, он напоминал "нейтральный газ" в сложной системе газов, сосуществовал с другими компонентами, почти не вступая с ними в соединение»[1]. Ввиду отсутствия существенных излишков продукции в этих примитивных хозяйствах «нечего было бояться ни возможных перемен в способах обработки земли в латифундиях, ни колебаний цен на рынке...» в обществе, в котором конкуренция не играла никакой роли в хозяйственной жизни[2]. Присоединяясь в полной мере к этому утверждению, мы хотели бы подчеркнуть, что в данный период этот «нейтральный газ» составлял наиболее существенную часть всей «газовой смеси» разнообразных форм римского землевладения, обусловливая структурный характер товарного производства античной эпохи.

Наряду с хозяйством свободных производителей, существовало и довольно обширное рабовладельческое хозяйство, причем его развитие определялось различными обстоятельствами, наиболее важные из которых изложены ниже.

С одной стороны, многие аристократы и представители знати, а позже и удачливые торговцы стремились вкладывать средства в землю, особенно в Италии, так как италийские земли были освобождены от любых видов налогов. В результате приобретения огромных латифундий их капиталы достигали баснословной величины. Так, состояния большинства римских сенаторов не опускались ниже 8 млн. сестерциев, что было эквивалентно стоимости 14-29 тыс. тонн зерна, а богатейшие аристократы имели до 400 млн. сестерциев, что составляло от 750 тыс. до 1.5 млн. тонн зерна[3]. Это в свою очередь создавало

---

1 *Кузищин В.И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С.50

2 *Сальвиоли Г.* Капитализм в античном мире. Харьков, 1922. С.122,121

3 См.: *Duncan-Jones R.* The Economy of the Roman Empire. Quantitative Studies. Cambridge, 1974. P.4-5. Принимая при оценке величины данного состояния среднюю цену одной метрической тонны зерна на Чикагской товарной бирже в 170-185 долларов (1995-1996 гг.),

благоприятные условия для начавшихся в I в. н.э. процессов концентрации землевладения. В то же время остается справедливым мнение Е.М.Штаерман о том, что ни одно гигантское состояние того времени не было нажито в сфере сельскохозяйственного производства[1].

С другой стороны, цена на землю постепенно снижалась ввиду разорения ряда мелких землевладельцев. Хотя императоры, начиная с Августа, предпринимали ряд активных мер по поддержке мелкого производства (от введения пошлин на импортируемый хлеб и уменьшения размеров раздаваемого продовольственного запаса до скупки земли и раздачи ее малоимущим при Нерве и выдачи беспроцентных кредитов для приобретения земли при Александре Севере)[2], ограничение крупного землевладения осуществлялось преимущественно естественными причинами и, в частности, посредством раздела латифундии между наследниками ее первоначального владельца[3]. Широко практикуемая система завещаний не дала предполагавшегося эффекта и не смогла полностью защитить крупную собственность от раздробления.

Мы еще вернемся к анализу роли рабовладельческих латифундий в римском хозяйстве. И все же в период с I в. до н.э. по I в. н.э. особое значение приобрели не крупные рабовладельческие латифундии, которые, как правило, не оказывали серьезного воздействия на хозяйственную жизнь, а рабовладельческие поместья среднего размера, известные под названием *виллы*. Именно они составляли *вторую* форму римского сельскохозяйственного производства. Размеры виллы обычно колебались в пределах от 100 до 500 югеров (25-125 гектаров), но чаще всего

можно прийти к выводу, что римский сенатор имел от 4 до 5.3 млн. долларов, а самые крупные римские состояния достигали 127-280 млн.

[1] См.: *Штаерман Е.М.* Экономическая история Рима (проблемы и методы). // Экономическая история. Проблемы и исследования. М., 1987. С.45

[2] См.: *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С.61

[3] См.: там же. С.67

доходили до 200-300 югеров[1]. Основанная на использовании рабского труда, «вилла... выступала как самое передовое для того времени хозяйство, лицо которого определяла одна, ведущая отрасль»[2], будь то производство зерна, оливкового масла или вина. Основная продукция виллы поставлялась на рынок и достигала порой от 70 до 90 процентов общего объема производства. Таким образом, в типичной вилле «лишь одна из отраслей, выделяясь по своему удельному весу, ориентируется на рынок»[3].

Данная система предполагает два важнейших момента: с одной стороны, она не может существовать без обмена с производителями ремесленных товаров (а отчасти — и сельскохозяйственной продукции) для их потребления на вилле, чем дает импульс развитию ремесленного производства, а, с другой стороны, целью производства оказывается получение стоимости прибавочного продукта[4], что вызывает стремление к ее максимизации через интенсификацию сельскохозяйственного производства, в результате чего повышалась интенсивность труда рабов, а хозяйство виллы рационализировалось[5].

Оценка эффективности хозяйствования в рабовладельческих виллах основывается прежде всего на свидетельствах римских авторов, в первую очередь Катона, Варрона и Колумеллы. Нельзя не согласиться с мнением Р.М.Нуреева, справедливо полагающего, что данные авто-

---

[1] См.: *Кузищин В.И.* Античное классическое рабство как экономическая система. М., МГУ, 1990. С.154

[2] Там же. С.159

[3] *Кузищин В.И.* Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве. М., 1970. С.11-12

[4] См.: *Кузищин В.И.* Очерки по истории земледелия Италии. М., 1966. С.277 и сл.; *Кузищин В.И.* К.Маркс об античной экономике.// Вестник древней истории. 1983. № 2. С.13, 15, 17

[5] В связи с этим Е.М.Штаерман считает, что «бытовавшая у нас раньше точка зрения на исконную несовместимость рабского труда с рациональным, интенсивным хозяйством не подтверждается фактами» (см.: *Штаерман Е.М.* Экономическая история Рима (проблемы и методы). С.34)

ры «отразили в своих произведениях передовую для того времени практику хозяйствования, создали теорию ведения интенсивного ("идеального") хозяйства»[1].

При анализе сельскохозяйственного производства на рабовладельческой вилле необходимо учитывать ряд факторов. В целом, например, справедливо утверждение о том, что производительность отдельного раба-пахаря была почти на 40 процентов ниже, чем индивидуального земледельца, работавшего на своем наделе. Однако в условиях рабского хозяйства товарного типа умело использовалась кооперация, в результате чего на италийских виллах I-II вв. н.э. хлебное поле в 200 югеров обрабатывали 12-14 рабов, и на каждого, соответственно, приходилось 14-16 югеров, в то время как свободный крестьянин вместе со всей семьей возделывал от 4 до 14 югеров[2].

Таким образом, производительность рабовладельческого производства, ориентированного на рынок, была весьма высока, и указание на то, что такое хозяйство сдерживало развитие производительных сил, на наш взгляд, не представляется основательным. Достаточно высокой оказывалась и доходность земледельческого хозяйства, хотя данные на этот счет приводятся разные.

С одной стороны, имеются свидетельства процветания специализированных хозяйств, производивших продукцию, ориентированную на потребление ее высшими классами общества, и расположенных в непосредственной близости от столицы. Выращивание цветов и экзотических фруктов, разведение павлинов и куропаток приносило доход до тысячи процентов в год. Однако то были скорее исключения из общего правила.

---

[1] *Нуреев Р.М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Диалектика производительных сил и производственных отношений. Душанбе, 1989. С.161

[2] См.: *Кузищин В.И.* Нормы и степень эксплуатации сельскохозяйственных рабов в Италии во II в. до н.э. — I в. н.э. (проблемы производительности рабского труда и ее эволюции).// Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С.43

С другой стороны, большинство рабовладельческих вилл, специализирующихся на производстве продуктов, потребляемых большинством граждан и находивших стабильный сбыт, обеспечивало высокую урожайность (так, Колумелла сообщает о получении 10 мехов вина с югера при средней урожайности в 1-3 меха, а Варрон определяет урожайность зерновых на виллах в Средней Италии в сам-десять и в Этрурии в сам-пятнадцать [до 25 центнеров с гектара], тогда как средняя урожайность была в три-четыре раза ниже)[1]. Колумелла в качестве примера наибольшей рентабельности называл сбор винограда, обеспечивавший доходность в 34 процента[2]. Правда, этот показатель обоснованно подверг сомнению Р.Дункан-Джоунс, определивший доходность виноделия не превышающей 12.3-15.3 процента[3]. Р.Уайт приводит еще более скромные цифры[4]. Данные Варрона по зерновым культурам не превосходят шести процентов[5]. Земельный участок, таким образом, даже при совершенных методах хозяйствования окупался не раньше, чем через пятнадцать лет.

Рабовладельческая вилла базировалась не только на эксплуатации труда рабов. Наряду с ними привлекались рабочие со стороны. Они, как отмечает О.Нейрат, вербовались из крестьян, в первую очередь в тех районах, где разорение мелких производителей приняло довольно широкие размеры[6]. Согласно наблюдениям Варрона, на виллах иногда можно было встретить столько же свободных рабочих, сколько и рабов[7]. Его данные подтверждаются реальными историческими фактами[8].

---

1 См.: *Кузищин В.И.* Античное классическое рабство. С.159-160

2 См.: Там же. С.167

3 См.: *Duncan-Jones R.* The Economy of the Roman Empire. P.131

4 См.: *White K.D.* Roman Farming. Ithaca (N.-Y.), 1970. P.392

5 См.: *Кузищин В.И.* Античное классическое рабство. С.159

6 См.: *Нейрат О.* История античного хозяйства. Николаев, 1924. С.97

7 См.: *Varro.* De agricultura. I, 18

8 Пример вербовки арендаторов крупными землевладельцами при-

Увеличение числа арендаторов в поместьях достаточно четко свидетельствует о том, что такие виллы постепенно начинают превращаться в латифундии, которые в последние века Римской империи принимают довольно замкнутый характер. Несмотря на то, что использование арендаторов было весьма выгодно, они не могли непосредственно интегрироваться в отношения интенсивного рабского производства; здесь возникали элементы нового типа хозяйственной структуры, который существовал параллельно с виллами.

Итак, типичная рабовладельческая вилла этого периода была высокоинтенсивным хозяйством, поставлявшим на рынок значительное количество земледельческих продуктов и приобретавшая в ходе обмена изделия ремесленников. Более того, хозяйство это было реально нацелено на максимизацию стоимости извлекаемого прибавочного продукта. Этот факт иногда используют для обоснования капиталистического характера римского сельскохозяйственного производства[1], однако, такой вывод некорректен, так как капиталистическое производство не могло развиться в рамках товарного хозяйства структурного типа.

водит и В.И.Кузищин, рассматривая поместья римского писателя Плиния Младшего, консула начала Империи. Восстанавливая по сохранившимся документам структуру хозяйства этого аристократа, состоявшего из нескольких поместий в разных районах Италии, В.И.Кузищин особо внимательно рассматривает его латифундию в Тиферне. Годовой доход с нее составлял около 800 тыс. сестерциев в год. Непосредственно от эксплуатации рабов и реализации продуктов их труда Плиний Младший получал не более 300 тыс. сестерциев. Хозяйства же арендаторов (coloni) приносили ему около 500 тыс. Таким образом, мы видим, что труд арендаторов широко применялся даже в хозяйствах, имевших определенную рыночную ориентацию (см.: *Кузищин В.И.* Хозяйство Плиния Младшего.// Вестник древней истории. 1962. № 2. С.35)

[1] Наиболее категоричную формулировку предлагает М.Кречмар: «итак, — пишет он, — землевладение этой эпохи (конца республики и начала империи) представляет собой без сомнения, крупное капиталистическое предприятие в полном смысле этого слова. Крупные землевладельцы были предпринимателями-капиталистами» (См.: *Кречмар М.* К вопросу о хозяйственной эволюции Древнего Рима.// Варшавские университетские известия. 1905. Выпуски VII и VIII. Выпуск VIII. С.98). И у других авторов встречаются подобного рода утверждения.

Мы не отрицаем наличия в данном случае определенных элементов капиталистической организации хозяйства, в первую очередь связанных со стремлением максимизировать доход в условиях реализации продукции на рынке. И все же такого рода производство нельзя назвать капиталистическим по целому ряду причин, в первую очередь, ввиду господствовавшей формы собственности и характера принуждения производителей к труду. Рабовладельческие виллы в силу хорошей организации давали стабильный годовой доход, который, однако, был меньше дохода, приносимого ростовщичеством, откупом налогов или финансовой спекуляцией[1]. В I в. до н.э. — I в. н.э. в сельском хозяйстве Рима в силу объективных причин возникла *третья* форма римского землевладения, которая известна как *латифундия*[2].

С одной стороны, возникновение латифундий может быть представлено как естественный процесс развития рабовладельческой виллы. Как уже было сказано, одной из важнейших целей крупных магнатов было вложение капитала в землю и расширение своих владений за счет средних рабовладельческих вилл[3].

С другой стороны, начиная с правления императора Августа, когда римское государство в результате завоевательных войн получило значительные территориальные приращения, возникла практика награждения, главным образом в провинциях, государственных сановников и военачальников обширными земельными владениями[4], что также способствовало развитию крупного землевладения.

---

1 См.: *Штаерман Е.М.* Экономическая история Рима. С.44-45; *Кузищин В.И.* Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве. С.12

2 Подробный анализ различных определений латифундии дан в кн.: *Кузищин В.И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С.181-194

3 См.: *Кузищин В.И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. — I в. н.э.). М., 1976. С.227

4 См.: *Штаерман Е.М.* Римская собственность на землю.// Вестник древней истории. 1974. № 3. С.51

Параллельно с этим процессом шел и другой, не менее важный. Речь идет о продолжавшемся разорении мелких землевладельцев, которые продавали свои участки, оказываясь безземельными крестьянами, вынужденными арендовать землю у владельцев больших имений. Производительность труда таких арендаторов, как мы уже отмечали, была довольно высокой. Свободные крестьяне достигали большей эффективности производства, чем отдельные рабы, но при этом арендаторы не могли использовать преимуществ кооперации, на которых по сути дела и основывалось экономическое процветание средних вилл. Поэтому рост этих вилл не мог не сопровождаться изменениями в их внутренней структуре, связанными с развитием аренды. Следовательно, расширение рабовладельческих вилл нельзя считать всего лишь количественным процессом. За ним стояла модификация всей производственной структуры этой основной единицы римского рабовладельческого хозяйства[1].

Латифундия I в. н.э. как экономический феномен представляла собой исключительно интересное явление, противоречиво сочетавшее в себе прогрессивные и регрессивные черты. С одной стороны, от виллы было унаследовано собственно рабовладельческое хозяйство, с другой, — значительная часть латифундии основывалась на хозяйстве мелких арендаторов, вносивших арендную плату деньгами. Соотношение этих секторов иллюстрируется на примере тифернской латифундии Плиния Младшего. При этом постепенно возникала ситуация, когда арендаторы начинали обеспечивать основную часть денежного дохода землевладельца. Для этого им, в свою очередь, было необходимо реализовывать свою продукцию на рынке[2].

Таким образом, хотя в целом товарность древнеримского производства существенным образом и не измени-

---

[1] См.: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской Империи. М., 1957. С.116

[2] См.: *Кузищин В.И.* Римское рабовладельческое поместье. С.229

лась, ее центр сместился с централизованного хозяйства виллы на арендуемые земли латифундии. Это имело важные последствия, ибо именно здесь были заложены все основные тенденции, проявившиеся в ходе дальнейшего развития форм организации римского сельскохозяйственного производства.

Новая структура поместья оказалась несомненно более совершенной, нежели рабовладельческая вилла старого типа. С одной стороны, была выработана система, которая позволяла использовать личную заинтересованность арендатора в результатах его труда, что приносило значительные доходы; при этом собственно потребности рабовладельца в полной мере удовлетворялись той частью хозяйства, которая работала непосредственно на дом хозяина. С другой стороны, рыночная ориентация хозяйства значительно углубилась, так как теперь арендаторы оказались заинтересованными в денежных поступлениях, а рабовладелец смог часть своих рабов занять ремесленным трудом и сократить закупки ремесленной продукции. Ремесленное производство, вплоть до создания предметов роскоши, приобретало все более распространенный характер в рабовладельческих поместьях такого типа. Следовательно, денежные доходы рабовладельца росли и эффективность рабовладельческого хозяйства, если принимать во внимание его ориентированность на получение стоимости прибавочного продукта[1], повышалась.

Стала заметна и внутрипоместная специализация. Как отмечает К.Бюхер, «вся подневольная рабочая масса богатого римского дома распадается на две разные группы: familia rustica и familia urbana. Familia rustica служит целям производства. В каждом большом поместье имеется управляющий и его помощник с целым штатом надсмотрщиков и мастеров, в ведении которых находится значительное количество рабочих... Familia urbana разделяется на управляющий хозяйством персонал и на лиц,

[1] См.: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской Империи. С.100-101

существующих для услуг господина и госпожи внутри дома и вне его»[1].

Итак, мы наблюдаем явные преимущества латифундии по сравнению с рабовладельческой виллой. Однако они вызывали и во многом противоположные результаты, так как данный тип хозяйства все же не существовал в условиях экономического вакуума и наносил серьезный удар по другим формам производства. С одной стороны, рост производства сельскохозяйственной продукции в латифундиях приводил к подрыву экономического благосостояния более мелких вилл; с другой, — наблюдалось уменьшение спроса на ремесленную продукцию. В результате возникали достаточно однозначные тенденции к хозяйственной замкнутости латифундиального производства[2], которые до поры до времени непосредственно не проявлялись, но впоследствии определили важные изменения в экономической жизни Римской Империи III-IV вв. н.э., когда в ее эволюции начинают прослеживаться черты зарождающихся феодальных производственных порядков[3].

Обратимся теперь к *ремеслу*, которое естественным образом противостояло сельскохозяйственному производству в рыночной структуре римского общества.

Расцвет римского ремесла пришелся на период II-I вв. до н.э. Уже в начале Империи стали быстро развиваться, с одной стороны, ремесленные мастерские внутри рабовладельческих поместий и латифундий, с другой, — рабовладельческие ремесленные эргастерии. Нередко как виллы, так и эргастерии принадлежали одному хозяину. При этом «необходимое сырье, добываемое сельскими

---

[1] *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. Пг., 1918. С.68,69

[2] См.: *Кузищин В.И.* Хозяйство Плиния Младшего. С.54

[3] Латифундии распространялись так быстро, что позволило И.М.Гревсу констатировать: «Новая Европа получила в наследство от древней империи в качестве единственной вполне живой социальной организации — крепко сплоченную и могущественную, автономную и самодовлеющую замкнуто живущую барскую латифундию» (см.: *Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения. Т.I. СПб., 1899. С.616)

рабами, передавалось в руки городских рабов — servi urbani — того же господина. Таким образом, огромный дом не только сам удовлетворял себя, но и отвечал внешнему спросу, то есть насыщал сравнительно неширокий рынок»[1].

Ремесло в римскую эпоху существовало как второстепенный (судя по объемам), однако, в то же время и как относительно автономный сектор общественного производства, развитый в той мере, в какой это было необходимо для жизнеобеспечения населения огромного государства. Являвшееся в средние века целиком товарным сектором хозяйства, ремесло претерпело серьезные изменения в римские времена. Значительная часть ремесленной продукции производилась для потребностей государства (в первую очередь это были изделия, предназначенные на нужды армии и применявшиеся на общественных строительных работах). Достаточно совершенные механизмы и приспособления для производства муки, простых орудий и наиболее примитивных ремесленных изделий применялись в рабовладельческих виллах (например, к югу от Тулузы[2]) и латифундиях, в первую очередь для удовлетворения потребностей персонала.

Все это весьма существенным образом подрывало позиции свободных ремесленников, которые еще в начале I в. до н.э. составляли значительную прослойку городского населения. Одни из них разорялись, превращаясь в представителей паразитического античного пролетариата, другие попадали на рабовладельческие ремесленные предприятия.

Однако сказанное еще не дает представления о сути римского ремесленного производства этого периода, так как исчезновение свободного ремесла и замещение его производством, основанным на рабском труде, ничего не говорит о самом ремесленном производстве как таковом.

---

1 См.: *Гревс И.М.* Указ. соч. С.573

2 См.: *Toutain J.* The Economic Life of the Ancient World. N.-Y.,1968. P.301

Необходимо отметить, что римское ремесло этой эпохи, как уже было сказано, не только становится сектором хозяйства, в котором заняты рабы, но и непосредственно направляется на удовлетворение потребностей рабовладельцев и других представителей высшего класса римского общества. Снижаются поставки на рынок изделий, предназначенных для средних, а тем более низших классов, так как эти слои римского общества, представленные в основном мелкими земледельцами, уже не обладали реальной покупательной способностью, находясь в крайне тяжелом экономическом положении[1].

Дж.Сальвиоли в своем анализе развития римского ремесла указывает на целый ряд важных обстоятельств, предопределивших его ограниченность. Он отмечает, что главным препятствием для развития ремесла была рабовладельческая организация производства в виллах и латифундиях. С развитием латифундиальной формы ведения сельского хозяйства ремесло не только не отделялось от земледелия, что является необходимым условием его быстрого прогресса, но все больше поглощалось автаркически замкнутыми хозяйствами[2]. При этом объемы капиталов, помещаемых в промышленность, были ничтожны, а займов с целью организации ремесленного производства не зарегистрировано вовсе[3]. Создание ремесленных мастерских отмечено в основном лишь в Италии (73.5 процента от общего их числа при 5.1 процента в Испании, и 11.2 и 10.2 соответственно в галльских и африканских провин-

---

[1] Обеднение крестьянства опять-таки косвенно связано с развитием ориентации крупных хозяйств на максимизацию извлечения стоимости прибавочного продукта. И здесь мы видим обстоятельство, тонко подмеченное М.Ростовцевым и подтверждающее наши теоретические положения, изложенные ранее: «два явления, таким образом — обеднение крестьянства и капиталистический способ пользования имениями при посредстве рабовладельческого хозяйства, не позволили Италии выйти из форм натурального хозяйства» (См.: *Ростовцев М.* Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. // Русская мысль. 1900. № 3. С.208)

[2] *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С.93

[3] Там же. С.121

циях)[1]. В результате Г.Сальвиоли делает вывод: «производство не могло выйти за пределы ремесла и вследствие редкости населения, его бедности, одним словом, вследствие слабого развития экономического строя общества не могло подняться до степени крупной промышленности»[2].

Это действительно так: несмотря на то, что стали возникать элементы, приводящие при феодализме к генезису капиталистических форм хозяйства, в римской экономике подобное развитие оказалось невозможным. Однако не следует утверждать, подобно М.Ростовцеву, что развитие ремесла в Риме приводит лишь к воспроизводству натурального хозяйства как такового. Соглашаясь в целом с мнением об ограниченности и примитивном характере римского ремесленного производства, следует, однако, признать, что данный сектор хозяйства играл весьма важную роль в поддержании существовавшей системы товарного обмена и в значительной мере формировал товарное хозяйство римского государства как хозяйство структурного типа.

Представленный краткий анализ основных форм производства в условиях римского государства позволяет определить характер, который принимало там товарное производство.

Идя по пути Ф.Кэне, мы можем представить себе, каковы были основные товарные потоки, существовавшие в I в. до н.э. — I в. н.э. в римском обществе. Рассматривая обмен между сельскохозяйственными производителями, ремесленниками и непроизводительным классом, мы приходим к следующим выводам. Существовало четкое деление всего общественного производства на товарный и нетоварный секторы. Если, например, при капитализме все создаваемые блага предназначаются для обмена, то при господстве античной системы большая часть продукции производилась для непосредственного потребления в

[1] См.: *Duncan-Jones R.* Op. cit. P.132

[2] *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С.121

рамках самого хозяйства. Данная часть общественного продукта представлена тремя основными формами:

— сельскохозяйственная продукция мелких земледельцев;

— сельскохозяйственная продукция рабовладельческого сектора латифундии, а также часть продукции виллы, не принадлежащая к основной отрасли специализации этой виллы;

— часть ремесленного производства эргастериев, потреблявшаяся непосредственно их владельцами.

К видам общественного продукта, который поставлялся на рынок, могут быть отнесены:

— сельскохозяйственная продукция специализированных отраслей рабовладельческих вилл;

— сельскохозяйственная продукция арендного сектора латифундий в размерах, примерно соответствующих совокупной плате, выплачиваемой арендаторами;

— часть продукции ремесленного производства эргастериев и крупных латифундий.

Надо отметить, что доходы от реализации продукции на рынке шли на удовлетворение потребностей непроизводительных классов и, следовательно, в основном обменивались на предметы роскоши, капитализировались в новых земельных владениях или расходовались на покупку рабов.

Итак, рассмотрев общий объем оборота торговли, который непосредственно вытекал из подобной организации производства, следует сделать следующий вывод: из трех элементов, которые оказываются основой товарного обмена, первые два с большой степенью уверенности можно назвать сельскохозяйственной продукцией, обмениваемой на ремесленную. Третий представляется внутренним оборотом ремесленного сектора.

Эти соображения могут служить обоснованием сформулированного в первых главах тезиса: общий объем рыночной сельскохозяйственной продукции не только не превышал объемов валового продукта ремесла, но и был значительно меньше его. Объем же ремесленного произ-

водства был весьма невелик, и составлял не более десятой части от валовой продукции сельского хозяйства. Часть его и обусловливала реальную степень товарности производства этого периода. Таким образом, товарный сектор экономики был весьма незначителен и, что весьма существенно, не имел перспективы[1], представляя собой такое образование, которое и делало возможным существование структурного товарного хозяйства в виде надстройки над натуральным в своей основе производством.

Рассматривая товарный сектор римской экономики и организацию товарного обмена, нельзя, однако, ограничиваться лишь указанными моментами. Мы выделили пока только ту часть товарного оборота, которая непосредственно вытекала из функционирования соответствующего типа производства. Однако на экономику воздействовало значительно большее число факторов, которые, хотя и не имели к ней непосредственного отношения, серьезно активизировали рыночный обмен, способствовали росту функционирующих в торговле товаров и насыщению каналов обращения денежным материалом. В условиях античного способа производства товаром являлись и рабы. Как мы уже отмечали, деньги, затраченные на них, могли затем не проявляться в дальнейшем обращении товаров, в отличие от заработной платы, выплачиваемой работникам при капитализме, так как рабы могли использоваться в нетоварном секторе хозяйства. Сфера обмена объективно расширялась, хотя далеко не в такой степени, как при превращении в товар рабочей силы. Подобного рынку рабов сектора не имела ни одна экономика в более поздние исторические эпохи, и отрицать его значение невозможно. Кроме того, Империя получала огромные средства из самых различных источников — налоги с провинций, военная добыча, дань приграничных народов, драгоценные металлы из рудников Испании и Египта, — все это вызывало активизацию товарно-денеж-

[1] См.: *Кузищин В.И.* Античное классическое рабство как экономическая система. М., МГУ, 1990. С.154

ного обмена, приводило к росту влияния торгового и ростовщического капитала.

Последнее обусловило значительную специфику античной торговли и денежного обращения. Торговля, традиционно трактуемая как отражение нарастания товарных отношений в глубине самого общественного организма, в римский период развивалась на основе своих собственных законов, будучи в гораздо меньшей мере обусловлена собственно потребностями производства, чем рядом других обстоятельств. Эта автономная роль античной торговли, породившей весьма высокоразвитую денежно-кредитную сферу, также является одной из черт структурного товарного хозяйства, причем чертой, которая более всех других определяет поверхностные черты римской хозяйственной жизни и заслуживает отдельного рассмотрения.

§ 2. Торговля и денежное обращение в Римской империи

Исследовав хозяйственный базис римского общества, отметив основные организационные формы, существовавшие в сельскохозяйственном и ремесленном производстве, следует обратиться к рассмотрению экономических отношений, образующих как бы надстройку, включающую в себя денежное обращение, различные формы торговли и кредита, а также все то, что опосредует товарный обмен, какой бы ограниченной ни была его сфера.

Исследуя торговые отношения Рима, большинство авторов отмечают в первую очередь огромное движение товарных масс между провинциями Империи, что было обусловлено прежде всего их природной специализацией. Здесь, однако, необходимо существенное уточнение: не следует рассматривать все эти потоки сельскохозяйствен-

ных и промышленных товаров как проявление свободной торговли, так как провинции зачастую выплачивали значительную часть податей своей продукцией: Галлия и Кампания поставляли свинину, Испания — уголь, известь и серебро, Греция и Македония — одежду и снаряжение для армии, и так далее[1], не говоря уже о Египте, который постоянно снабжал Италию зерном, и восточных провинциях, поставлявших ткани и предметы роскоши. И все же необходимо отметить, что Рим — столица гигантской империи, — стал «мощнейшим центром притяжения сельскохозяйственных и ремесленных изделий», а «формы и методы коммерческой деятельности в римском мире были столь же разнообразны, как и в наши дни»[2].

Между тем римская торговля, как это часто подчеркивается, при всей ее развитости не смогла перейти грань, определенную структурным характером товарного производства античной эпохи.

Большинство авторов, рассматривающих соответствующие проблемы, обращают внимание лишь на то, что в римском обществе торговля широко «растекалась» по поверхности огромной территории, но что-то мешало ей «проникнуть вглубь почвы»[3]. Однако при этом не дается серьезных обоснований причин этого явления. Некоторые исследователи и, в частности М. Вебер, пытались объяснить относительно поверхностный характер обмена тем, что римское общество, основанное на типичной для античного мира «береговой» культуре, распространило свою власть на народы, фактически не знавшие обмена. По его мнению, «абсолютно обмен продуктов за три с половиной столетия от Гракхов до Каракаллы на территории, охватываемой римским государством в императорскую эпоху, без сомнения, очень сильно увели-

---

1 См.: *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С.169

2 *Toutain J.* Op. cit. P.305,313

3 *Гревс И.М.* Очерки по истории римского землевладения. Т.I. С.586; см. также: *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907. Вып. I. С.99-100

чился. Относительно, если сопоставить его обороты с размером вовлеченных в круг специфически античной культуры областей или людей, этого быть не могло. Античная культура из береговой культуры начала становиться культурой континентальной, и... это должно было означать относительное уменьшение интенсивности оборота»[1].

Однако подобная точка зрения, равно как и указания на то, что ко II-III вв. н.э. крупные ойкосные хозяйства, немного потесненные ранее интенсивным товарным производством, восстановили свои позиции, подтвердив ойкосную природу античного хозяйства[2], не кажутся нам исчерпывающими. Проблема ограниченности товарного обмена в античном обществе представляется в данном случае чисто количественной, в то время как она основывается именно на качественной специфике античного товарного хозяйства, — его структурном характере. Более справедлива трактовка, объясняющая ограниченность торговых отношений тем, что таковые базировались на «простом товарном производстве в античном хозяйстве, главным правилом которого была строгая экономия... в конце концов восходившая к исконному античному идеалу автаркичности»[3].

Такая или подобная характеристика положения торговли в римском государстве встречается у многих исследователей[4], которые отмечают, в свою очередь, что торговля не имела в эту эпоху прочной связи с производст-

---

[1] *Вебер М.* Аграрная история Древнего мира. М., 1925. С.384; его же: Поземельные отношения в древности.// Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С.35; его же: Die römische Agrargeschichte für das Staats- und Privatrecht. Stuttgart, 1891. S.259-260

[2] См.: *Гревс И.М.* Указ. соч. С.586-587

[3] *Штаерман Е.М.* Древний Рим: проблемы экономического развития. М.,1978. С.129

[4] См.: *Фельсберг Э.Р.* История римского аграрного строя. Рукопись лекций. Юрьев, 1909. С.70. Библиотека Российской Академии Наук, гор. Санкт-Петербург

вом, необходимой для обретения ею того значения, которое она получила при капитализме[1].

Торговые операции в римском обществе были тесно связаны с развитием рабовладельческого хозяйства[2]. Большинство авторов, за небольшими исключениями[3] признают, что в условиях патриархального рабства, распространенного во времена римской общины и в период образования аристократической Республики, товарное обращение фактически отсутствовало. Отдельные мелкие производители не могли существенно способствовать возникновению товарной экономики, и ее влияние стало заметным только с возникновением рабовладельческих предприятий достаточно большого размера, ориентированных на рынок.

Между тем было бы не совсем правильно устанавливать однозначную связь развития рабовладельческого производства с генезисом и прогрессом товарных отношений. Специфика социального расслоения античного общества не ограничивалась делением только на рабов и рабовладельцев.

Поэтому существование рабовладельческого типа производства способствовало развитию товарных отношений только до тех пор, пока они не стали подрывать основ римской хозяйственной жизни, непосредственно связанной со свободным производством. Как указывает Е. М. Штаерман, «в противоположность периоду развития капитализма, когда разорение мелких собственников вело к расширению рынка, в условиях рабовладельческого строя оно вело к его сужению. Объясняется это тем, что при развитии капитализма разорившиеся мелкие собственники порывают с натуральным хозяйством... В услови-

---

1 См.: *Кузищин В.И.* К.Маркс об античной экономике. // Вестник древней истории. 1983. № 2. С.35-36

2 См.: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской Империи. С.37

3 См.: *Oliver E.H.* Roman economic conditions to the close of the Republic. Toronto, 1907. P.14-19

ях кризиса рабовладельческого строя, напротив, мелкие и средние собственники, разоряясь, попадают в сферу действия натурального хозяйства»[1].

Таким образом, товарное производство достигало успехов лишь при таком развитии рабовладельческих отношений, когда оно в своей основе сосуществовало с сектором мелкого свободного производства, а не вело к его подрыву и уничтожению. Последние процессы, напротив, послужили фактором, способствовавшим возникновению нового типа натурального хозяйства.

Рассматривая экономику античных обществ, мы убеждаемся также в отсутствии непосредственной связи между разделением труда и товарным производством[2]. Если разделение труда в условиях позднего средневековья, тесно связанное с развитостью рынка, неизбежно сопровождалось расширением товарного обмена, то для античного общества такой однозначной зависимости не существовало. Это характерно для структурного типа товарного хозяйства, когда отдельные централизованные хозяйства, натуральные в своей основе в отличие от многих товарно-ориентированных производств, достигали внутри себя высокой степени развития разделения труда.

Возвращаясь к проблеме торговли в конце Республики и начале Империи, отметим, что она весьма отчетливо разделялась на внешнюю и внутреннюю. При этом роль внешней торговли в римском государстве была в определенной мере даже более значительной, нежели движение внутренних товарных потоков.

Внешняя торговля Рима шла, на наш взгляд, по трем основным направлениям: между собственно Италией и сопредельными с Империей государствами; на границах Империи с ее соседями; между отдельными провинциями Империи, представлявшими собой в значительной мере самоуправляющиеся территории.

---

1 *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. С.86

2 *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. Вып.2. С.81

Первое направление было самым незначительным. Оно приобрело определенный вес в позднереспубликанский период, когда шла активная торговля между Римом и Сирией, Парфией, Индией и, в меньшей мере, с Британией, Германией, а также городами, расположенными по побережью Черного моря. Торговые операции постоянно сокращались здесь по мере того, как указанные государства инкорпорировались в состав Империи, а Средиземное море становилось для римлян внутренним.

Второе направление развилось на фоне сокращения первого. Уже не Рим, а его основные провинции выступили в качестве важных торговых партнеров внеримского мира. Например, при Веспасиане, в конце второй трети I в. н.э., ежегодно ввозилось товаров в Египет только из Индии и только через порты Красного моря на 55 млн. сестерций, что представляло собой, по мнению М. Вебера, «очень значительную сумму, выше которой, по-видимому, и не поднимался торговый оборот в античном мире в свободной частной торговле без государственного контроля и без государственного пособия»[1]. Весьма значительным был также торговый оборот Сирии с восточными странами, благодаря развитым сухопутным торговым путям, а также между Римской Галлией, а затем и Дакией, с германскими территориями.

Третье направление также имело существенное значение для Римского государства. Правда, как мы уже отмечали, далеко не весь хозяйственный оборот внутри Империи можно назвать торговлей в полном смысле этого слова, так как часть товаров представляла собой подати и налоги, взимаемые с провинций. И все же подобный обмен оказывал весьма серьезное воздействие на конъюнктуру рынка на всей территории государства. Так, если во II и даже I в. до н.э. главным товаром, производившимся для сбыта, оставался хлеб[2], то после

---

[1] *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. С.6

[2] См.: *Кречмар М.* К вопросу о хозяйственной эволюции Древнего Рима. // Варшавские университетские издания. 1905. Выпуск VII. С.94

завоевания Египта, когда италийские города оказались обеспеченными этим продуктом, ввозившемся, помимо Египта, также и из других африканских и восточных провинций[1], главными объектами торговли становятся вино и оливковое масло[2]. Таким образом, обмен товарными массами между основными провинциями весьма существенно влиял на специализацию ориентированных на рынок сельскохозяйственных производителей, представленных в первую очередь рабовладельческими виллами внутри самой Италии.

Значительный оборот торговли с Востоком был ориентирован не на сельскохозяйственные продукты, а на высококачественные ремесленные изделия и предметы роскоши. Основные поставки из Индии, Парфии и Сирии приходились на шелковые ткани, золотые и серебряные украшения, экзотических животных, пряности и тому подобное.

В целом анализ торговых операций, осуществлявшихся между римскими провинциями и Римом, а также между ними и сопредельными государствами, показывает, что товарный оборот сводился либо к торговле предметами роскоши, либо к поставкам больших объемов сельскохозяйственной продукции, производившейся как в Италии, так и в других провинциях в огромных количествах. Как предметы роскоши не могли обеспечить значительный оборот внешней торговли как таковой, так и массы сельскохозяйственных продуктов, как бы велики они ни

---

[1] См.: *Фельсберг Э.Р.* История римского аграрного строя. Юрьев, 1909. С.70; *Rostovtzeff M.I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P.23, 25

[2] В начале Империи в Остию ежегодно прибывало до шести тысяч кораблей, доставлявших около 5 млн. бушелей хлеба из Египта и около 10 млн. бушелей из других провинций, предназначенных исключительно для снабжения населения Рима (См.:*Heaton H.* Economic History of Europe. L., 1963. P.50). Это в два-четыре раза превосходило объем хлебной торговли Афин в период наибольшего расцвета греческой торговли с черноморскими колониями. Естественно, что италийские товаропроизводители не могли конкурировать с такими поставками, зачастую оплачивавшимися непосредственно государственной казной.

были, не составляли значительной части их общего производства. Структурный характер товарного производства не нарушался.

Внутренняя торговля римского государства также подтверждает наше предположение об относительной ограниченности основных товарных потоков. Их объем определялся масштабами обмена между указанными нами ранее секторами хозяйства. Глубоко ошибочными являются предположения, согласно которым римское сельскохозяйственное производство, использовавшее рабский труд, шло чуть ли не по капиталистическому пути, и вся его деятельность «не только была рассчитана преимущественно на сбыт, но и всецело зависела от этого сбыта»[1]. В силу непреодолимости границ товарных потоков, скованности внутреннего рынка и других называвшихся выше причин, в условиях структурного товарного хозяйства активное развитие внешних проявлений торговли, совершенствование денежного обращения, прогресс в организации кредитных операций — все это лишь демонстрировало относительную самостоятельность этой экономической «надстройки», присущей высокой степени развития рыночного хозяйства, по отношению к базису, который по-прежнему покоился на создававшейся веками натурально-хозяйственной основе. Развитие рыночных тенденций на этой ступени развития древней экономики никак не могло привести к возникновению всеобщего товарного производства, являющегося фундаментальной основой капиталистического типа хозяйствования. Как справедливо отмечал М. Вебер, «нет ничего опаснее, как представлять себе отношения античного мира на "современный" лад»[2].

Таким образом, товарные отношения и денежный оборот, столь активно распространившиеся на протяжении последних веков Республики и в первые века Импе-

---

[1] *Кречмар М.* К вопросу о хозяйственной эволюции Древнего Рима. С.94

[2] *Вебер М.* Указ. соч. С.11

рии, не имели того основополагающего значения для сущностных черт римской экономики, каким они обладали в феодальной Европе. Наталкиваясь на непреодолимые барьеры, товарные операции в Древнем Риме определяли в большей мере блистательную *видимость* денежной экономики, чем ее *сущностное значение*. Как справедливо указывал У.Митчелл, «размен денег, векселя, простые банковские операции, производство ходких товаров в больших размерах для широких рынков, спекуляция... становятся обычным явлением. Частные лица составляют большие состояния и помещают их для извлечения прибылей... Словом, то общество, которое процветало при Pax Romana, обладало хозяйственным строем, который в *известных отношениях напоминает* (курсив мой. — *В.И.*) современное денежное хозяйство»[1]. Это положение кажется нам исключительно справедливым. Действительно, поверхностному наблюдателю экономический строй Рима не может не напоминать современное хозяйство, причем их сходство прослеживается именно в связи с его *денежным*, а не *капиталистическим* характером. Поэтому античный «капитализм» «скользил лишь по поверхности римского хозяйства и быстро исчез при первых признаках стеснений, испытываемых денежным хозяйством»[2], которое имело свою индивидуальную специфику в экономическом строе Римской империи периода ее расцвета.

Денежное обращение и финансовая система Империи, дополнявшие систему внешней и внутренней торговли и создававшие для римской хозяйственной жизни видимость развитого товарного производства, играли исключительно важную роль и заслуживают отдельного рассмотрения.

В римскую эпоху денежный капитал использовался в нескольких областях и в каждой из них приносил значительный доход. Во-первых, это было ростовщичество,

---

[1] *Митчелл У.К.* Экономические циклы. М.-Л., 1930. С.67

[2] *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С.179

широко практиковавшееся в начале Империи, во-вторых, торговые операции, в основном с предметами роскоши, и, в-третьих, так называемая система откупов налогов с провинций. Особый интерес для нас представляют кредитные операции.

Исследования этой сферы весьма многочисленны, однако, достаточно однозначного подхода к оценке роли кредита и характера включенности кредитных операций в римскую хозяйственную систему еще не выработано.

Сложились две основных группы исследователей, занимающие взаимоисключающие позиции. С одной стороны, часть авторов полагает, что ставка процента в античном мире была довольно высока и серьезно превышала доходность основных производственных операций. Их оппоненты опровергают это утверждение, полагая, что процентные ставки колебались в интервале, характерном для капиталистической экономики XIX-XX вв., а зачастую опускалась и ниже.

Процентные ставки имеют принципиальное значение для исследования хозяйственной жизни Рима, так как проливают свет на ту роль, которую играл ростовщический капитал в экономической жизни того времени.

Сторонники признания высокой ставки процента дают в своих работах блистательные описания процветавшей в Риме спекуляции[1], указывая на фантастические условия, на которых римляне ссужали значительные суммы еще в конце Республики в ходе восточных военных кампаний[2]. Приводятся и вполне достоверные, основанные на документах, сведения. Так, Ш.Летурно дает достаточно красноречивое описание колебаний ставок процента в Древнем Риме: «первая законная норма процента, — пишет он, — была установлена при децемвирах; она составляла 1 процент в месяц или 12 процентов в год. Проценты платились обыкновенно в конце каждого месяца, иногда в конце года, но тогда платились проценты

[1] См., напр.: *Кречмар М.* Указ. соч. С.116-118

[2] См.: *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С.143-144

на проценты. Само собой разумеется, что законодательную норму легко можно было обходить с помощью специальных контрактов, а иногда и вовсе не находили нужным считаться с ней. В Сицилии Веррес брал 24 процента, Брут и Катон поместили свои капиталы на Кипре под 48 процентов. В Риме Помпей ссужал под 50 процентов»[1]. Законодательное ограничение ставки процента было введено только при Юстиниане (527-565 гг. н.э.)[2], однако римляне прибегали к самым разнообразным способам, позволяющим обходить правительственные ограничения.

Другие авторы придерживаются иной точки зрения, считая, что реальная, применяемая в большинстве случаев норма процента была вполне сопоставима с доходом, получаемым в земледелии. Так, Р.Дункан-Джоунс отмечает, что во времена Колумеллы (I в. н.э.) средняя ставка составляла шесть-восемь процентов годовых и лишь изредка доходила до одного процента в месяц (или 12 процентов годовых). Сохранялась и ставка в 12 процентов, но только при займах небольших сумм и лишь в главных торговых центрах Империи, в частности, в Остии. Основная же масса заимствований осуществлялась на условиях, не превышающих шести процентов[3].

Отстаивавший аналогичную точку зрения французский исследователь Ж. Каллю пишет: «Земля приносила доход в среднем в 6 процентов при колебаниях от 3 до 13 процентов, деньги также давали скорее 6, чем 12 процентов, доходы от морской торговли в исключительных случаях составляли 30 процентов. Учитывая, что помещение капитала в земельную собственность охватывает большинство случаев, можно с полным правом утверждать, что

---

[1] *Летурно Ш.* Эволюция торговли. СПб., 1899. С.277.

[2] Распространенность ставки в 18-24 процента годовых подчеркивают и другие авторы (См., например: *Рот П.* История старинных банковых учреждений у древних греков и римлян, у средневековых итальянцев и в Голландии и Германии XVII и XVIII столетий. Б.м., б.г. С.1)

[3] См.: *Duncan-Jones R.* The Economy of the Roman Empire. P.132, 134

нормальный доход составлял 6 процентов.., амплитуда процентных ставок была близка к современной (4-12 процентов). Средняя ставка (6 процентов) соответствовала нормальной прибыли на капитал, вложенный в землю»[1]. Движение процентной ставки между шестью и восемью процентами годовых, иногда повышение ее до 12 процентов отмечает и один из известнейших в прошлом веке исследователей, Дюро де ла Малль, указывая, что «в период конца Республики проценты колебались от 6 до 8 на сто, а после взятия римлянами Карфагена был временно допущен так называемый unciarium foenus, или ставка в 12 процентов в год»[2].

У многих авторов при анализе сельскохозяйственного производства или денежного обращения встречаются также и косвенные указания на величину процентной ставки. Так, В.И. Кузищин, рассматривая имения Плиния Младшего и отмечая, что его доход составлял около шести процентов годовых, подчеркивает, что эта величина соответствует обычному, даже довольно высокому, ростовщическому проценту этого периода[3]. Аналогичную точку зрения высказывает и Е. М. Штаерман. «Целью рабовладельца, — отмечает она, — было не вернуть как можно быстрее, значительно приумножив его, вложенный в землю и рабов капитал, а получить со своего имения доход, примерно соответствующий среднему, нормированному законом, ростовщическому проценту»[4]. М. Шапиро, анализируя рост цен во времена правления Августа (30 г. до н.э. — 14 г. н.э.) и меры, предпринимаемые с целью его предотвращения, отмечает, что уменьшение количества выпускаемой монеты быстро

---

1 *Каллю Ж.* Функции денег в римском обществе в период Империи. М., 1970. С.9,16

2 *Dureau de la Malle.* Economie politique des Romains. P.,1840. T.2. P.255-266

3 См.: *Кузищин В.И.* Хозяйство Плиния Младшего. С.34

4 *Штаерман Е.М.* Экономическая история Рима (проблемы и методы). С.44-45

привело к снижению процентных ставок до уровня четырех процентов годовых[1].

Между тем ставка, определенная как предельная величина процента в Римской республике, составляла как раз упоминавшийся Дюро де ла Маллем unciarium foenus, который не был отменен до начала Империи. Подобное ограничение, установленное государством для защиты интересов должников, как явствует из представленных данных, фактически в два раза превышало ту процентную ставку, которая естественно сложилась на рынке. Таким образом, как бы ни были естественны и обычны ставки от шести до восьми процентов на сто, существовали и условия, намного более выгодные для кредиторов, так как реальные прецеденты кредитования под 30, 40 и даже 50 процентов зафиксированы документально. Еще более кабальные условия применялись ростовщиками при откупе налогов с провинций, когда считались нормальными ставки, достигавшие 72 процентов годовых.

Весьма значительную пищу для размышлений дают такие немаловажные обстоятельства, как отмеченное Е.М. Штаерман отсутствие в Риме значительных состояний, полученных в результате инвестиций в земледелие или ремесло, а также указание Р. Дункан-Джоунса на то, что в первые годы Империи фактически отсутствовали условия, при которых полученные у кредиторов деньги направлялись бы на организацию сельскохозяйственного или ремесленного производства. Между тем все гигантские состояния римской знати создавались и поддерживались в первую очередь за счет финансовых операций, начиная от торговли и заканчивая самым доходным вложением денег в античную эпоху — откупом налогов с провинций и завоеванных территорий. Средняя доходность подобного рода сделок в несколько раз превышала доходность производственных операций.

Мы специально останавливаемся достаточно подробно на рассмотрении этих вопросов потому, что в зависи-

[1] См.: *Shapiro M.* The Penniless Billionaires. N.-Y., 1980. P.25

мости от их решения экономика Рима видится в совершенно разном свете. Исследователи, выступающие сторонниками признания достаточно низкой нормы процента, исходят из доходов землевладельца и, следовательно, предполагают, что механизм его образования подобен сложившемуся в буржуазном обществе, указывая при этом на тесную связь между нормами процента и прибыли. Сторонники этой позиции вынуждены считаться с возможностями использования заемных средств для нужд производства, что, однако, опровергается историческими данными. Кроме того, потребность в кредитах для сельскохозяйственных инвестиций весьма сомнительна, так как землевладельцы, которые были связаны с рынком, больше продавали, нежели покупали, или непосредственно получали арендную плату уже в денежном выражении. Если же потребности в заемных средствах не было, то кредит носил непроизводительный характер, и не было никаких оснований для тесной связи норм процента и прибыли. И действительно, в большинстве случаев кредиты носили недолговременный характер, предназначались для покрытия экстраординарных потребительских расходов или же, например, для накопления значительного капитала для торговых операций.

Таким образом, в случае, если исследователь остается приверженцем тезиса о низких ставках процента, он объективно признает производительный характер кредита, что так или иначе предполагает развитость товарных отношений в римском обществе того времени.

В то же время авторы, придерживающиеся точки зрения о существовании высокой нормы процента, подтверждают тем самым отсутствие ее связи с нормой прибыли. Тем самым можно считать доказанным непроизводительный характер кредита и его эпизодичность, вполне характерные для экономики, которая по существу своему является натуральной, а товарные отношения представляют собой лишь незначительную надстройку над натурально-хозяйственным основанием.

Можно даже сформулировать правило, согласно которому степень превышения ставкой процента средней

нормы прибыли отражает степень неразвитости товарных отношений. Когда эта ставка начинает приближаться к величине нормы прибыли, можно говорить о преобладании товарного производства системного типа, а когда она оказывается равной норме прибыли или опускается ниже нее, речь уже идет о начале эпохи всеобщего товарного производства.

Относительная оторванность денежной и кредитной сфер от принципиальных отраслей античного хозяйства говорит не только о том, что доходность финансовых операций не определяется доходностью производства и эти сектора фактически не связаны между собой, но также и о том, что круг участников финансовых сделок исключительно узок и охватывает лишь представителей наиболее привилегированных слоев римского общества. По сути дела речь идет не о накоплении больших богатств на основе ростовщичества, а об их перераспределении между отдельными состоятельными фамилиями и между ними и государством (как это имеет место, например, в случае с откупом налогов).

В этой связи важно отметить, что ростовщические операции такого рода могли приносить предпринимателям и кредиторам значительные доходы только в том случае, если сама сфера денежного обращения отличалась достаточной стабильностью. Между тем отнюдь не во все периоды развития римского государства финансы страны и денежное обращение в целом пребывали в относительно устойчивом состоянии. Исследование проблем, связанных с характером развития римской денежной системы и воздействием его на всю хозяйственную жизнь, представляется в связи с этим исключительно важным. Мы получаем здесь дополнительные возможности для оценки характера античного типа хозяйствования, что еще более укрепляет предположение о структурном характере товарного производства римской эпохи.

Совершенно очевидно, что в обществе, в значительной мере пронизанном товарными отношениями, финансовая система является важнейшей составной частью

денежного хозяйства и тесно связана с общим экономическим положением в государстве. Экономический кризис не может не сопровождаться финансовым, равно как и расстройство государственных финансов не может не отражаться на хозяйственной ситуации. Следует обратить особое внимание именно на это обратное влияние финансовой системы на хозяйственную жизнь. Между тем оценка исторического развития соответствующих процессов в Римской империи приводит к весьма категоричному выводу о том, что подобное воздействие было там весьма слабым.

Римская биметаллическая денежная система сформировалась к началу принципата Августа. Соотношение стоимости золота и серебра в период поздней Республики колебалось в достаточно ограниченных пределах: от 1:12 до 1:9. Установившийся в середине II в. до н.э. уровень 1:11.93 в результате поступлений золота в качестве военной добычи снизился до 1:8.93 при Цезаре[1], однако, вновь поднялся до прежнего значения, как только Август начал широкую чеканку aureus'a, монеты из золота пробы 958 весом в 8.2 грамма, ставшей основой римской денежной системы[2]. Соотношение между aureus'ом и серебряным денарием было установлено на уровне 1:25. Золотые монеты чеканились исключительно при императорском дворе в Риме, тогда как серебряные выпускались в Антиохии, Александрии, на Родосе и в других крупных торговых центрах Империи[3].

Однако финансовая система, основанная Августом, в своем завершенном виде не пережила его самого. Постоянный рост цен, унаследованный еще от времен Республики, сопровождал первые две трети правления Августа. Ежегодная инфляция в размере около четырех процентов

---

[1] См.: *Carlile W.W.* The Evolution of Modern Money. N.-Y., 1969. P.38

[2] См.: *Поздняков А.В.* Монетная система и денежное обращение в западных провинциях Римской Империи при Августе и Тиберии. М.,1980. С.10

[3] См.: *Toutain J.* Op. cit. P.319

привела к тому, что с 27 г. до н.э. по 6 г. н.э. цены на хлеб выросли в 2.5 раза[1]. При этом рост денежной массы в обращении шел за счет эмиссии доброкачественной монеты, отчеканенной в соответствии с утвержденным стандартом. С 6 по 14 гг. н.э. эмиссия была резко сокращена и не превышала пяти процентов от объема эмиссии первого периода его правления. Цены стабилизировались и начали снижаться[2]; процентная ставка достигла небывало низкого уровня — до 4 процентов в год. Однако с переходом власти к преемникам Августа — Тиберию и затем Калигуле, начался процесс дезорганизации римской денежной системы. Золотое содержание aureus'a стало падать. Нерон снизил его средний вес до 7.29 г.[3], то есть более чем на 10 процентов[4]. Одновременно он начал чеканить серебряный денарий с дополнением от пяти до десяти процентов примесей меди и других металлов[5]. Впоследствии Траян довел золотое содержание aureus'a до 85, а Марк Аврелий — до 75 процентов от первоначального уровня[6]. Денарий при Траяне содержал уже около 20, а при Марке Аврелии — 25 процентов примесей иных металлов[7]. Удешевление денария продолжилось и в более поздний период, достигнув при Коммоде 30 процентов, при Септимии Севере — 50 процентов, а к 256 г. — 60 процентов. При этом оно шло быстрее обесценения aureus'a, также терявшего в весе. Так, при Александре Севере (208-253 н.э.) aureus стоил уже 50 денариев, в 254 г. — более 60[8].

---

1 См.: *Shapiro M.* The Penniless Billionaires. P.24

2 См.: Ibidem. P.25

3 См. The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 2. Cambridge, 1952. P.54

4 По другим данным снижение веса в этот период составило от 6.5 до 12.6 процента (см.: The Cambridge Ancient History. Vol. XII. Cambridge, 1939. P.724)

5 См. *Carlile W.W.* Op. cit. P.46

6 См.: The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 2. P.54

7 См. *Carlile W.W.* Op. cit. P.46

8 См.: The Cambridge Ancient History. Vol. XII. P.725

Процесс обесценения денежной единицы выглядел еще более внушительным при анализе роста цен, который приобрел с середины II в. н.э. неуправляемый характер. Вплоть до 301 г. н.э. цены на основные сельскохозяйственные продукты возросли в 100 и более раз, а хлеб подорожал в 200 раз[1]. Особенно обострились проблемы государственных финансов во второй половине III в. н.э. Рост инфляции привел к необходимости резко увеличить выплаты государственным чиновникам и тем более — военным. Если жалованье легионеров, державшееся со времени битвы при Акциуме в 31 г. до н.э. до 85 г. н.э. на стабильном уровне, составлявшем около 300 сестерциев, то к 200 г. н.э. оно возросло до 1200 сестерциев[2], достигнув 300 денариев при Домициане, 375 при Коммоде, 500 при Септимии Севере и 750 при Каракалле[3].

Узость античного рынка прекрасно прослеживается именно на примере инфляции II-IV вв. н.э. Выплеснувшись на крайне ограниченный рынок, увеличивающаяся денежная масса вызвала рост цен, большие масштабы которого были бы невозможны в случае, если бы существенная часть продуктов выступала в товарной форме. Ограниченность товарного рынка подтверждается также и тем, что знаменитый эдикт Диоклетиана о фиксированных ценах от 301 г. н.э. содержал упоминание фактически всех существовавших тогда продуктов, сырья и ремесленных изделий. Уровень заработной платы по отдельным профессиям, установленный в денариях, не мог быть превышен ни при каких обстоятельствах[4].

Однако результаты подобного нововведения оказались совершенно неудовлетворительными. Период относительно стабильных цен ограничился пятью годами, а с 305 г. начался их невиданный рост. Если при Диоклетиане один модий зерна в Египте, самой плодородной про-

---

1 См.: *Coffield J.* A Popular History of Taxation. L.,1970. P.54

2 См.: *Duncan-Jones R.* The Economy of the Roman Empire. P.10

3 См.: The Cambridge Ancient History. Vol. XII. P.725

4 См.: *Toutain J.* Op. cit. P.328

винции Империи, стоил всего 100 денариев, то уже через тридцать лет, в 335 г., его цена достигла 21 тыс. денариев, в 338 г. — 36, в 342 г. — 75 и, наконец, в 350 г. — 500 тыс. денариев. Цена одного фунта свинины, составлявшая при Августе не более 10 денариев, достигла 14.4 тыс. в 362 г. и 30 тыс. — в 390. Золотые монеты к этому времени фактически были изъяты из обращения и стали накапливаться в сокровищницах. Введение Константином (306-337 гг. н.э.) золотого солида привело не к укреплению пошатнувшейся денежной системы, а к еще большей ее деструктуризации: медные и серебряные монеты, всегда изготавливавшиеся из суррогатов, окончательно потеряли свою цену. Если в 350 г. солид оценивался в 576 тыс. денариев, то уже через десять лет данное соотношение составляло 1 к 2 млн., а к 390 г. — 1 к 4.5 млн.[1]. Рост обменного курса фактически оказался тождественным повышению самой цены золота. Если в 301 г. римский фунт золота считался равным приблизительно 50 тыс. денариев, то в середине V в. этот показатель составил уже 504 тыс.[2]. За один и тот же период продукты (пшеница, свинина и др.) подорожали в два раза, а золото — в восемь раз. Это подтверждает тот факт, что полноценные деньги стали для античного хозяйства скорее средством образования сокровищ, нежели нормальным инструментом обслуживания торгового оборота.

Оценка инфляционных процессов в Римской империи весьма неоднозначна. Авторы, склонные видеть проявление капиталистических тенденций в античной экономике, полагают, что фискальная и финансовая политика императоров, несовершенство денежной системы и обесценивание валюты в условиях поздней Римской империи были чуть ли не основными факторами кризиса имперского хозяйства[3]. В свою очередь их оппоненты отмечают,

---

[1] См.: *Shapiro M.* Op. cit. P.44-45

[2] См.: The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 2. P.56-57

[3] См.: *Кеннингем В.* Западная цивилизация с экономической точки зрения. М.,1902. С.175

что ухудшившееся качество монеты и нехватка драгоценных металлов — явление весьма относительное и говорит о незначительном сокращении количества циркулировавших полноценных денег, связанном лишь с уменьшившимися потребностями в них самой римской экономики[1], в силу чего «ни нехватка металлов, ни расстройство финансов не могут считаться основаниями экономического упадка»[2]. Однако в условиях рыночного хозяйства данные факторы не могли не воздействовать на экономическую ситуацию самым разрушительным образом.

Последняя точка зрения основывается на признании того, что товарное производство не лежало в основании римской хозяйственной системы. Хотя глубокий ее кризис и развивался на фоне общего упадка экономики, два этих процесса не были связаны жесткой причинно-следственной связью.

Рассмотренные выше явления в целом подтверждают общий тезис о структурном характере римского товарного хозяйства. Финансовая система развивалась во многом автономно от других важнейших феноменов хозяйственной жизни, что лишний раз доказывает отсутствие серьезной связи между натуральным и товарным секторами экономики. Количественный рост натурального сектора во времена поздней Империи не приводил к качественным изменениям в условиях и закономерностях товарного производства. Последняя сфера сокращалась количественно, но не изменялась качественно и не меняла закономерностей, на которых основывалась. Таким образом, фактически не существовало обратного воздействия товарного производства на натуральное, последнее оставалось доминирующим, что еще раз подтверждает существование в эту историческую эпоху товарного хозяйства структурного типа.

---

[1] См.: *Frank T.* An Economic History of Rome. Baltimore, 1927. P.490-491

[2] Ibidem. P.491

Реальный прогресс экономической общественной формации мог наступить не вследствие количественного нарастания объема товарных операций в рамках структурного товарного хозяйства, а лишь в связи с его преодолением и становлением нового, более высокого типа социальной системы, основанной на таком типе общественной связи, который позволил бы товарным отношениям проникнуть вглубь социального организма и в равной степени подчинить своему влиянию все сферы и классы общества. Для понимания этого процесса особенно важное значение приобретает анализ эволюции социальной структуры римского общества и ее унификации в позднеримский период, начиная со II в. н.э.

§ 3. Развитие социальных отношений в период упадка структурного товарного хозяйства

К середине II в. н.э. социальная структура римского общества претерпела серьезные изменения. Основное направление совершенствования римских социальных отношений связано с унификацией форм зависимости непосредственных производителей от представителей имущих классов: распространением подневольной аренды, различных видов колоната и вольноотпущенничества. Происходило активное прикрепление работника к земле, в значительной мере обусловленное уменьшением притока рабов и, в связи с присоединением к Империи новых провинций, необходимостью предотвратить запустение земель не только на периферии державы, но и в самой Италии. Параллельно развертывался процесс относительного сокращения товарных потоков, развития крупных форм землевладения и усиления хозяйственной автаркии. Если в течение I-II вв. н.э. данные процессы принимали вид тенденции, в своем развитии с той или иной степенью решительности пробивавшей себе дорогу, то во времена

династии Антонинов и несколько позже они стали одними из наиболее актуальных для хозяйственной жизни государства.

К III в. н.э. эволюция товарного хозяйства и развитие новых форм римского землепользования вызвали качественные изменения в социальной структуре Римского государства. В первую очередь это выразилось в начавшемся посредством расширения системы поземельной аренды процессе закабаления и закрепощения ранее свободного сельского населения. Результатом его стало развитие *колоната*, «представляющего собой один из самых темных институтов в Римской империи»[1].

Суть его состояла в том, что колоны, считавшиеся лично свободными, уплачивали своему господину ежегодный оброк, а позднее — отбывали барщину.

Становление колоната представляет собой длительный процесс, начавшийся еще во II в. до н.э. Упоминания о колонах часто встречаются в I в. до н.э.: в 66 г. до н.э. у Цицерона в его речи «Pro Cliento»; в 65-60 гг. до н.э. у Колумеллы, который дает детальное описание хозяйства, ведущегося преимущественно с использованием колонов; в 40-21 гг. до н.э. в документах, связанных с широкой кампанией по расселению ветеранов гражданских войн в Северной Африке и земельными конфискациями[2]. Таким образом, можно констатировать, что в первые десятилетия Империи колонат уже несомненно существовал[3]. Однако социальную сущность данного явления следует исследовать более детально.

---

[1] *Фюстель де Куланж Н.Д.* Римский колонат. СПб., 1908. С.1

[2] См.: *Johne K.-P., Kohn J., Weber V.* Die Kolonen in Italien und den westlichen Provinzen des römischen Reiches. Berlin, 1983. S.424-426

[3] Многие авторы подчеркивают еще более древние корни колоната, относя его к временам ранней Римской республики (см.: *Vallon A.* Histoire de l'esclavage. T.3. P., 1892. P.281; *Giraud Ch.* Histoire de droit francaise. P., 1845. P.149-150; *Lefort J.* Histoire des contrats de location perpetuelle. P.,1875. P.49-60). Имеются и дополнительные свидетельства в пользу данного подхода.

Большинство авторов, занимающихся этой проблемой, полагают, что колонами становились свободные граждане, которые использовали принадлежащие богатым землевладельцам участки на правах аренды и впоследствии подвергались постепенному закрепощению со стороны арендодателей. Как вслед за Н.Д.Фюстель де Куланжем[1] отмечает И.М.Гревс, «образование колоната в общем правиле было понижением свободы граждански независимых категорий, а не фазою социального прогресса от рабства к свободе»[2]. Как правило, колоны имели надел, который способны были обрабатывать силами одной семьи. Однако отмечены случаи, когда хозяйство колонов достигало таких значительных размеров[3], что они сдавали участки в субаренду. Иногда колоны использовали даже труд рабов[4].

Оставаясь свободными юридически, колоны сталкивались с жесткими условиями аренды, которые сохраняли их положение в качестве «мелких держателей, находящихся в полной зависимости от кондуктора и прокуратора и живущих, главным образом, личным трудом»[5]. С течением времени колоны, «которые ранее имели свободу передвижения и свободу заключения контрактов с землевладельцами... были законодательно прикреплены к обрабатываемым ими наделам и переходили вместе с ними от одного собственника к другому»[6].

Однако не следует смешивать систему колоната с крепостничеством в классическом смысле этого слова.

---

1 См.: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Римский колонат. С.6

2 *Гревс И.М.* Предисловие. // *Фюстель де Куланж Н.Д.* Римский колонат. С.XV

3 См.: *Штаерман Е.М.* О классовой структуре римского общества. // Вестник древней истории. 1969. № 4. С.46-47

4 См.: *Frank T.* An Economic History of Rome. Baltimore, 1927. P.432

5 *Пригоровский Г.* Развитие колонатных отношений в Римской Африке. М., 1909. С.31

6 *Boak A.E.R.* Manpower Shortage and the Fall of the Roman Empire in the West. L., 1955. P.48; см.: также *Lucki E.* The Colonate under the Late Roman Empire. Chicago, 1942. P.8

Какими бы жесткими не были хозяйственные отношения между арендодателем и колоном, последний «был человеком свободным, по крайней мере в том смысле, что его никогда не смешивали с рабом. В пяти десятках императорских указов, в которых определяется их юридическое положение, нет ни одного, где бы он назывался mancipium или servum. Его звание свободного человека подтверждается несколько раз»[1]. Как отмечает Н.Д. Фюстель де Куланж, «сохранение за колоном свободы ясно подтверждается тем обстоятельством, что его нельзя было продавать, как раба... Каждый раз, — продолжает он, — когда мы читаем о продаже колона или передаче его по завещанию, надобно понимать это в том смысле, что переходила в другие руки собственность на участок земли, который колон обрабатывал. Не существовало колонских рынков, как существовали рабские»[2]. Важным свидетельством статуса колона являлось также и законодательно закрепленное положение о том, что браки между колоном и рабыней рассматривались как браки между представителями различных классов, причем колон выступал в них как представитель свободного населения[3].

Между тем в свое время были выдвинуты и противоположные точки зрения, получившие распространение, в частности, в советской исторической литературе. Речь идет о трактовке колоната как смягченной формы рабства, как перехода от рабовладельческой системы к крепостничеству. Данная концепция брала свое начало в работе Г.Родбертуса[4] и нашла довольно широкую поддержку. Так, К.Бюхер пишет: «в Риме крупное землевладение поглощает мелкое, и труд крестьянина заменяется трудом раба, *который впоследствии превращается в колона*

---

1 *Фюстель де Куланж Н.Д.* Римский колонат. С.104-105

2 Там же. С.107

3 Там же. С.108

4 См.: *Rodbertus-Jagetzow G.* Untersuchungen auf dem Gebiete der politischen ökonomie des klassischen Altertums. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1864

(курсив мой. — *В.И.*). Экономический прогресс, достигнутый ойкосным хозяйством, — продолжает он, — был куплен ценою пролетаризации свободного крестьянства»[1]. Встречаются и другие высказывания такого типа, однако, они, как правило, базируются на реально существовавших, но при этом совершенно нетипичных формах римских поземельных отношений, в силу чего не обладают тем универсальным значением, которое вкладывают в них их авторы[2].

Следует отметить, что нередко колонат смешивают с иными формами зависимости, в том числе и с такими, которые действительно представляют собой смягченные формы рабства. Во II-III вв. н.э. земельные наделы все чаще передавались вольноотпущенникам богатых римских граждан. Их называли *адскриптиями*, а их потомков, занимающих выделенные им участки — *адскриптициями*. Начиная с 224 г. римские законы уже не называют адскриптиция рабом, однако, сохраняется право хозяев продавать их как с наделом, так и независимо от него. Ограничения продажи пределами определенной местности было введено только с 327 г.[3]. К данной категории примыкали и так называемые *инквилины*. Рост числа рабов, посаженных на землю, отмечают многие авторы. Так, Е.М.Штаерман и М.К.Трофимова подчеркивают, что они постоянно упоминаются в римских документах[4].

---

1 *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. Пг., 1918. С.71

2 Так, например, Ш.Летурно рассматривал колонат как смягченную государством форму рабства (См.: *Летурно Ш.* Эволюция собственности. СПб., 1899. С.299). Данная трактовка основывается на фактах исключительно кабальных арендных отношений, установившихся на императорских землях в I-II вв. Этот феномен, при котором под колонами никак не понимались свободные собственники, был подробно проанализирован (См.: *Latouche R.* The Birth of Western Economy. N.-Y., 1961. P.18-19), не изменяя общего понимания колоната, как процесса превращения свободного сельского населения в арендаторов, форма зависимости которых от арендодателя все более напоминала феодальные отношения.

3 См.: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Римский колонат. С.108

4 См.: *Штаерман Е.М., Трофимова М.К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971. С.88-89

Более того, по мнению В.П.Илюшечкина, подобные категории граждан составляли к тому времени уже большинство несвободных работников[1].

Некоторое сомнение вызывает распространение термина «квази-колоны», употребляемого, в частности, В.П.Илюшечкиным[2]. Под ним он понимает именно вольноотпущеническое держание, однако, на наш взгляд, не следует использовать в той или иной форме понятия «колон» там, где, как отмечает Н.Д. Фюстель де Куланж, нельзя найти ничего, что «позволяло бы ухватить нить филиации между рабским и вольноотпущеническим держанием, с одной стороны, и колонатом, с другой»[3].

Так или иначе, абсолютно доминирует точка зрения сторонников рассмотрения колоната как системы, переходной от свободной поземельной аренды к крепостному состоянию, причем указывается, что такое прикрепление создавало новый класс римского общества. Как отмечает М.Ростовцев, «прикрепление рабочих к городу и к промыслу, декурионов и землевладельцев к городу не создавало в большинстве случаев нового состояния (сословия). Прикрепление же колонов прикрепляло подданных не к государству, но к землевладельцу, который один был ответственен за колонов перед государством. Таким образом, — заключает М.Ростовцев, — возникло новое состояние, в хозяйственном отношении нечто среднее между арендаторами и рабами, между государственными крестьянами и крепостными»[4]. Аналогичной точки зрения относительно исторического места колоната придерживается и Г.Нибур[5].

---

[1] См.: *Илюшечкин В.П.* Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Вып. I. С.198

[2] См.: Там же.

[3] *Фюстель де Куланж Н.Д.* Римский колонат. С.69

[4] *Ростовцев М.* Римский колонат. // *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. С.429

[5] См.: *Нибур Г.Г.* Рабство как система хозяйства. М., 1902. С.43-44

Исследователи колонатных отношений рассматривают два возможных источника возникновения этой системы в ее римском варианте. Такой известный историк античности, как М.Ростовцев, отмечает поразительное сходство черт колоната и системы «царских земледельцев» на Востоке[1]. Констатируя тот факт, что колонатные отношения распространились в западной части Империи прежде всего на императорских землях, М.Ростовцев указывает на некоторое сходство юридического статуса этих угодий на Западе и Востоке. Так, если в Сирии «царские земли» не принадлежали к городской территории, то и в Риме была законодательно закреплена экстерриториальность императорских владений; как в Сирии, так и в Риме «царские земли» считались исключительной собственностью царя, а вассалам они могли быть лишь пожалованы. Если в Сирии сидящие на землях крестьяне платили в казну денежную ренту, то и в Риме арендаторы такого рода также несли денежные повинности. И, наконец, в обоих государствах крестьяне, обрабатывающие царские земли, были прикреплены к ним и могли перейти с них только для обработки целинных или запустевших земель[2]. В результате автор делает следующее заключение: «Империя застает, таким образом, на Востоке два основных принципа земельных отношений: экстерриториальность и зависимую аренду. Она переносит эти принципы на Запад, сначала в домены, лично принадлежавшие императорам, примыкая по отношению к аренде к эллинизму и старо-италийским традициям в противоположность латифундиальному и рабскому принципу, пришедшему из Карфагена и получившему полное признание в Римской республике. Постепенно в нормы императорского имущества вводится и весь ager publicus, сливающийся с личными доменами

[1] См.: *Ростовцев М.* Колонат. // Новый энциклопедический словарь. Т.XXII. СПб., 1911. С.219-221

[2] См.: *Ростовцев М.* Происхождение колоната. // Филологическое обозрение. Т.XIX. Кн.2. 1901. С.106

императора»[1]. При этом М.Ростовцев отмечает, что в Лациуме и других италийских областях колонатные отношения существовали издревле и влияние восточных хозяйственных форм здесь не было определяющим, как и влияние государственных форм колоната вообще. «Владение императоров в Италии, — пишет он, — ...не было таким делающим тон явлением, каким оно было в Египте, Азии или Африке. Здесь, таким образом, скорее императорское хозяйство следовало за эволюцией частного хозяйства»[2]. Данная позиция кажется нам наиболее аргументированной.

Существует и другая точка зрения, по форме, казалось бы, отрицающая предыдущую. Ее сторонники отмечают, что ager publicus, считавшаяся собственностью римского народа, также не была приписана к городской территории. Значительное количество экстерриториальных сальтусов существовало в западных провинциях и в Северной Африке задолго до активной римской экспансии на Восток. Поэтому утверждается, что «в западной части империи как экстерриториальность сальтусов, так и зависимость колонов возникла помимо всякого заимствования с Востока. Что же касается Востока, то там сальтусы были уже налицо к появлению римлян, а зависимые земледельцы, сидевшие на них, облегчили введение типичной формы сальтусного хозяйства»[3].

На наш взгляд, данная дискуссия не имеет принципиального значения для рассмотрения проблемы развития и совершенствования колонатных отношений. Гораздо более актуален вопрос о том, как вписывалась подобная хозяйственная форма в существовавшие экономические порядки и насколько новая система преобразовы-

---

[1] См.: *Ростовцев М.* Происхождение колоната. // Филологическое обозрение. Т.XIX. Кн.2. 1901. С.109

[2] *Ростовцев М.* Римский колонат. // *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. С.423

[3] *Белоруссов М.* Колонат. Очерк возникновения римского крепостного права. // Варшавские университетские известия. 1903. Вып. IV. С.82

вала и видоизменяла социальную структуру римского общества.

М.Ростовцев предпринимает оригинальное исследование истории развития колоната. В качестве основных его этапов он выделяет два периода: свободной земельной аренды и крепостного колоната[1], причем переход от первого ко второму автор считает принципиальным моментом в истории колонатных отношений. Уже во времена Августа превращение крестьян в колонов стало весьма распространенным и по сути разрушительным для экономики империи явлением[2], а ко II в. н.э. обработка колонами больших территорий вошла в широкую практику.

Следует обратить особое внимание на изменение формы основных повинностей, которые колоны обязаны были выполнять за обработку господских земель. Если в начале II в. н.э. колоны, находясь на положении свободных экономически и юридически арендаторов, вносили владельцу поместья фиксированную арендную плату, связанную с количеством и качеством используемой земли, то уже к концу века наиболее распространенной стала форма, фактически тождественная денежному оброку[3]. А в конце II — начале III вв. в африканских провинциях возникла барщина, окончательно утвердившаяся в IV-V вв. Колоны в восточных провинциях римского государства несли барщину 4-12, а иногда и более дней в году[4].

Серьезно изменилось и экономическое отношение колона к владельцу поместья, на земле которого он вел свое хозяйство. По мере замены фиксированных платежей за аренду участка земли платежами из доли урожая и барщинной системой возникает институт надсмотрщи-

---

1 См.: *Ростовцев М.* Колонат. С.216

2 См.: *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P.65

3 См.: *Пригоровский Г.* Развитие колонатных отношений в римской Африке. М., 1909. С.39

4 См.: *Липшиц Е.Э.* Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии.// Вестник древней истории. 1955. № 4. С.66

ков или управляющих поместьями (conductores), которые следят за правильностью уплаты налогов и отработкой барщинных работ. М.Ростовцев относит возникновение этого института к середине II в. н.э.[1], в то время как Г.Пригоровский приводит пример сбора налогов conductor'ами в более раннее время. В своей работе он анализирует жалобу колонов, которые обрабатывали земли одного из крупных африканских императорских saltus'ов — saltus Burunitanus. Она была вызвана тем, что conductor этого поместья произвольно устанавливал как суммы арендных платежей, так и число дней барщинных работ. Указывая на большое число подобных документов, отмечаемых уже с конца I в. н.э., автор считает, что «на императорских вотчинах conductor мало-помалу становится по отношению к колонам настоящим помещиком»[2].

Положение императорских колонов можно считать более благоприятным, чем тех, кто работал на землях частных владельцев. Реализуя на рынке значительную часть своей продукции, императорские колоны получали налоговые льготы, а те из них, кто имел на правах собственности более 25 югеров земли, часто привлекались к исполнению муниципальных обязанностей и имели статус свободных граждан. Их запрещалось принуждать к выполнению всякого рода «экстраординарных повинностей»[3]. Колоны, работавшие на землях частных лиц, имели значительно меньше прав.

Колонат на императорских владениях во II-III вв. н.э. преследовал строго определенную экономическую

---

[1] См.: *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. P.289

[2] См.: *Пригоровский Г.* Развитие колонатных отношений в римской Африке. С.26. Аналогичные положения см. в кн.: *Held W.* Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches. Berlin, 1974. S.102-103

[3] См.: *Гемп А.Г.* Крестьяне Римской Империи IV-V вв. н.э. и формы их зависимости. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954. С.11-12

цель — закрепить крестьян на земле и предотвратить запустение угодий, которое, начиная с III в. (особенно в западных районах Империи) стало все более и более четко прослеживаться как опасная тенденция. Поэтому прикрепление колонов к земле здесь шло, как правило, быстрее, чем в хозяйствах частных лиц. Некоторые авторы отмечают, что колоны от этого выигрывали, получая известную гарантию от потери земельного надела[1].

Однако вне зависимости от того, соответствовал ли такой ход развития событий интересам самих колонов, закрепощение ранее свободных арендаторов продолжалось. Когда обозначился упадок Империи, начались крупномасштабные акции по расселению на императорских землях в качестве колонов племен, покоренных Римом или живших на границах с императорскими владениями. Пленных варваров в IV-V вв. уже не обращали в рабство, а заставляли обрабатывать землю на правах колонов[2], приближая их к статусу крепостных.

Официальное провозглашение колонов крепостными связано с реформами Диоклетиана и его преемников, кардинально изменившими систему римского поземельного права. В соответствии с ними колон оказывался полностью привязан к своему участку земли и к своему хозяину; право перехода на другой участок с этого времени было фактически исключено. Колоны становились членами наследственной касты, и их положение приближалось к положению рабов. Мелкие полусвободные земледельцы, члены деревенских общин, также теряли свою экономическую самостоятельность и не могли покидать той земли, которую они обрабатывали[3]. Впоследствии издается ряд указов, направленных на закрепление крепо-

---

[1] См.: *Latouche R.* The Birth of the Western Economy. N.-Y., 1961. P.19

[2] См.: *Дроздов В.В.* Экономические проблемы генезиса феодализма в романизированных странах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., МГУ, 1979. С.11

[3] См.: *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. P.472

стного положения колона. Так, в 332 г. Константин I издает указ, по которому владелец участка, сознательно уведший колона из владений другого господина, должен был возвратить его, уплатив штраф, а самого колона обращали в рабство[1]. Таким образом, крепостные колоны оказывались на положении рабов не только чисто экономически, но и фактически. Юридически колон получал статус раба. В 382 г. был принят еще более важный эдикт, согласно которому все трудоспособные нищие и бродяги заносились в сословие колонов. Тот, кто доносил властям на такого человека, мог по праву получить его в качестве колона и закрепить за своими земельными владениями[2].

Итак, крепостное право в этот период проявлялось все более и более отчетливо и даже по законодательным формулировкам напоминало наиболее темные периоды европейского средневековья.

Таким образом, тенденции развития колоната, как специфической формы производственных отношений, характерной для периода поздней античности, достаточно ясны. Как правило, в колонатную зависимость попадали ранее свободные общинники-земледельцы. Римская империя ко времени широкого распространения колоната находилась еще в расцвете своего экономического могущества; в это время колонат был передовой формой производства, связанной с развитым товарным обращением, и обеспечивал подъем производительных сил.

Существуют различные точки зрения по поводу того, были ли колонатные отношения причиной или следствием кризиса античной экономики, однако, этот тип производственных отношений так или иначе связывается историками с периодом заката Римской империи. Чаще всего отмечается, что развитие колоната имело предпосылкой разорение мелких собственников, являвшихся основой

---

[1] См.: *Boak A.E.R.* Manpower Shortage and the Fall of the Roman Empire in the West. P.49

[2] См.: *Lucki E.* The Colonate Under the Late Roman Empire. Chicago, 1943. P.9

экономического благосостояния и устойчивости римского государства, и, как следствие, создало условия для распространения и возрождения натурального хозяйства[1], что, в свою очередь, вело к экономической дезинтеграции имперского хозяйства и к обострению экономического кризиса. В то же время отмечается, что в условиях экономического кризиса государство вынуждено было способствовать естественно происходившему процессу закрепощения колона, в результате чего его статус все более и более приближался к положению раба. Сторонники такого подхода приходят к выводу, что рабовладельческие отношения якобы охватывали все стороны жизни, усугубляя кризисные явления в экономической и социальной сфере[2]. Рассматривая сближение и фактическую унификацию положения рабов и колонов, авторы, придерживающиеся этой точки зрения, отмечают, что «с одной стороны, перевод известного числа рабов на пекулий не превратил их в собственников, а их полная зависимость от господина оставалась в силе; с другой стороны, масса бывших собственников из числа свободных производителей, крестьян, чем дальше, тем все более теряла свои права собственности, даже свое личное имущество, в том числе и на орудия производства»[3]. Это должно было свидетельствовать о неразрешимых противоречиях, в которых запуталась античная производственная структура. Между тем безапелляционно утверждается, что «рост латифундий, связанный с обезземеливанием мелких крестьян-собственников и превращением их в зависимых колонов, также сам по себе еще не мог иметь решающего значения для образования феодальной формы собственности. Последняя появляется лишь под воздействием отношений, принесенных варварами с их общиной-маркой»[4].

---

[1] См.: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской Империи. С.86

[2] См.: Всемирная история. Т.2. М., 1956. С.793

[3] *Гемп А.Г.* Крестьяне Римской Империи... С.14

[4] Там же. С.15

Таким образом, по мнению цитируемых авторов, колонат является последней формой в развитии античной производственной системы и не несет в себе потенциала, дающего ему возможность развиться в феодальные отношения. Эти исследователи, основываясь на широко известном тезисе Ф.Энгельса о том, что между колоном и средневековым крепостным стоит свободный франкский крестьянин, на положении из «Манифеста Коммунистической партии», где говорится о взаимной гибели борющихся классов как о возможном завершении классового противоборства, и на выводе И.В.Сталина о «революции рабов», уничтожившей рабовладельческий строй, считают, что колонатные отношения не стали основой для развития феодального способа производства. Один из ревностных приверженцев такого подхода А.Г.Пригожин, воздав должное идее «революции рабов», заявлял: «класс зависимых и несвободных истинных производителей создался не в результате простого перенесения колонатных, прекарных или патрициональных отношений из эпохи Римской империи в эпоху т.н. "средневековья".., а в связи с новым, более сложным процессом, обусловленным изменениями, сложившимися на основе частичного восприятия старых феодальных тенденций и развития новых отношений, какие мы видели на примере франкского королевства»[1]. Само по себе данное утверждение не вызывает сомнений, но автор, на наш взгляд, явно принижает роль позднеримских форм в процессе феодализации и отрицает возможность реального и полного развития феодальных тенденций, заложенных в римском обществе, вне варварского влияния на них.

Чтобы оценить обоснованность такого подхода, следует остановиться на процессе феодализации в римских

---

[1] *Пригожин А.Г.* Возникновение западноевропейского феодализма.// Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Пленум Государственной академии истории материальной культуры 20-22 июня 1933 г. В кн.: Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. № 103. М.-Л., 1934. С.70-71

провинциях в различные периоды. Обычно его ограничивают X-XI вв., так как с XIII в. уже начинают проявляться тенденции к размыванию феодальной структуры[1]. Между тем на ранних этапах формирования феодальных порядков колонат был широко использован варварами, захватившими ранее принадлежавшие Риму территории. 142 параграф Эдикта Теодориха поощрял развитие колоната, причем согласно ему колон терял свою привязанность к земле; его можно было продавать и дарить без земли[2], что вплотную приблизило колонов к статусу обычных средневековых крепостных. Отметим, что все эти изменения не выходили из рамок колоната, то есть античных по своим истокам производственных отношений.

Если считать сущностью колоната сближение, пусть в различных организационных формах, рабов и свободных в ходе формирования единого по своему статусу класса зависимого населения, то следует признать, что социальная структура поздней Римской империи, породившая домашних рабов, вольноотпущенников, колонов и крепостных, крайне близка социальной структуре раннего средневековья, и процесс сглаживания различий между указанными общественными группами, приведший к образованию феодального крестьянства, по сути способствовал развитию сложившегося социального уклада Римской империи[3].

Так, в период существования в Италии Остготского королевства аграрные отношения не были перестроены на германский лад, а полностью воспроизвели римские порядки; эволюция их была направлена в ту же сторону, что и в последние века Империи. Декларировалась полная личная зависимость колонов и других категорий земле-

---

[1] См.: *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т.1. СПб., 1898. С.563, 567, 588; Т.2. СПб., 1899. С.390, 394, 406

[2] См.: *Дроздов В.В.* Колонат в период раннего средневековья.// Вестник МГУ. Сер. экон. 1984. № 1. С.66-67

[3] См.: *Летурно Ш.* Эволюция рабства. С.324-325

дельцев от их господина, что предстояло осуществить и римлянам[1]. В Южной Галлии, Италии, Испании и некоторых других районах, покоренных варварами, неизменными сохранялись многие черты экономической организации имперских времен. В VII-VIII вв. там продолжали господствовать латифундии, основанные на эксплуатации рабов и колонов, но при этом существовали средние поместья горожан («curiales»), а также отдельные хозяйства мелких землевладельцев[2].

Для понимания масштабов сходства социальных структур римского и раннефеодального обществ, можно обратиться к такому известному источнику, как перепись населения Англии — Domesdaybook — второй половины XI в.. По данным переписи, число реальных собственников на это время не превышало 9 тыс. человек, т.е. около 3.3 процента населения. То же характерно и для верхушки римского общества. Число крестьян, которые были юридически свободны, не превышало 24 тыс.(7.6 процента), рабов было несколько больше, примерно 25 тыс.(8.4 процента), а все остальное население — около 200 тыс. человек — составляли крепостные, которые по своему положению могут быть приравнены к колонам[3].

Таким образом, социальная структура общества, достаточно далекого от Рима, оказывается весьма похожей на его структуру времен поздней Империи. Возникает вопрос, насколько серьезно повлияли варварские элементы на Римскую империю и какое прогрессивное воздействие они оказали?

Особенно трудно поверить в нефеодальную природу колоната, рассматривая развитие Византии. Ведь именно колонат являлся основной формой эксплуатации в

---

1 См.: *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С.104-105

2 Подробнее по этому поводу см.: *Korsunsky A.R.* The Early Feudal States and the Formation of Feudal Property in Western Europe. Moscow, 1970. P.2-3

3 См.: *Гильдебранд Б.* Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860. С.205

Византии не только в IV-VI вв., но и на первом этапе феодализации[1]; даже в X и XI вв. колонат и рабство играли в сельском хозяйстве весьма важную роль[2]. Данное явление получило и теоретическое обоснование. Так, советские историки выделили три типа генезиса феодальных отношений и рассмотрели в качестве второго из них путь, который в основном опирался на «протофеодальные» элементы с явным превалированием позднеантичных начал[3]. Однако и в этом случае подчеркивается роль синтеза хозяйственных структур античного общества позднего периода с общинными структурами варварских обществ.

Не отрицая роли и значения варварских общинных структур для образования того типа феодального общества, которое мы имеем в средневековой Европе, рассмотрим основные процессы, протекавшие в ходе феодализации. На основании «Бургундской правды» и некоторых других документов периода быстрого развертывания процессов феодализации можно утверждать, что колоны оставались весьма распространенной категорией раннефеодального общества и занимали промежуточное положение между свободными и рабами[4]. Завершение процесса феодализации обычно связывается с оформлением достаточно четкой социальной структуры, в условиях которой цельные и оформившиеся классы земельных собственников и непосредственных производителей противостоят друг другу. Между тем социальная структура, сложившаяся к VII-VIII вв. в романизированных странах и состоявшая из свободных, колонов и рабов, не была однородна.

---

[1] См.: *Липшиц Е.Э.* Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии... С.71

[2] См.: *Удальцова З.В., Гуппова Е.В.* Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970. С.12; *Браунинг В.* Рабство в Византийской империи (600-1200 гг.).// Византийский временник. XIV. 1958. С.46

[3] См.: *Удальцова З.В., Гуппова Е.В.* Генезис феодализма в странах Европы. С.7

[4] См.: *Фюстель де Куланж Д.* Римский колонат. С.163

Закрепощение свободных и изменение положения рабов привели к торжеству феодального типа общественных отношений, причем этот двуединый процесс протекал таким образом, что новая форма, фактически тождественная статусу крепостного крестьянина, была основана на тех же важнейших чертах, как и колонатная. Именно колоны, ставшие средневековыми крепостными, явились основными производителями в рамках новой исторической эпохи. Положение о том, что между колоном и крепостным стоит франкский крестьянин, как мы полагаем, не следует истолковывать так, будто франкские общественные отношения, синтезировавшись с колонатом, привели к образованию новых форм. Скорее этот тезис следует понимать в том смысле, что, попав в среду франкских общественных отношений, принципы колоната преобразовали их и на их основе восторжествовала система крепостничества.

Нельзя не согласиться с анализировавшими данное явление А.Богдановым и И.Степановым, которые констатировали, что «в развитии колоната выражался как бы своеобразный процесс расплывания и растворения форм античного мира в охватившей его со всех сторон варварской среде»[1]. Однако такое растворение являлось не простой химической реакцией, которая привела к образованию принципиально нового вещества, а взаимодействием, похожим на перемешивание двух жидкостей, из которых одна легче другой. В результате одна из форм, связанная с античным наследием, вновь поднялась на поверхность, чтобы в несколько измененном виде определять собой черты нового мира.

Как уже отмечалось, в положении колонов поздней Римской империи и крепостных имелось значительное сходство. Сам процесс образования колоната — в основном через закрепощение свободных и частично улучшение положения рабов — фактически аналогичен явлени-

---

1 *Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. Т.I. СПб., 1910. С.266

ям, характерным для периода генезиса средневековых порядков[1]. М.Ростовцев, говоря о колонате в тех его формах, в каких он был распространен в Италии во II в. н.э., отмечает: «это сельское население в Италии образовывало низший, угнетенный класс, и положение данного класса не отличалось от положения колонов в более поздний период и от положения крепостных в средние века повсюду в Европе»[2]. А.Р.Корсунский, обращаясь к анализу раннефранкского законодательства, констатирует, что положение сервов, то есть основной социальной прослойки, в системе феодальных отношений исключительно близко к положению колонов[3].

Черты сходства между колонами и крепостными наиболее четко прослеживаются при рассмотрении такого фундаментального аспекта как собственность. Крепостной крестьянин в условиях зрелой системы феодальных отношений имел право на земельное держание, что, собственно, и связывало его с феодалом, но собственником земли он не являлся. То же самое можно сказать и о колоне в последний период Римской империи. Отличие колона от крепостного, казалось, заключалось в ограниченной имущественной правоспособности колона. Однако необходимо принять во внимание относительно фиктивный характер подобных ограничений и весьма сомнительную хозяйственную правоспособность средневековых крепостных[4]. Таким образом, и в отношениях собственности мы видим фактически полную тождественность положения колона и крепостного, что еще раз убеждает

---

1 См.: *Адлер Г.* Социально-реформаторское движение в древности.// Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С.114

2 См.: *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. P.192

3 См.: *Корсунский А.Р.* Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV-V вв.). // Вестник древней истории. 1980. № 2. С.71

4 См.: *Дроздов В.В.* Экономические проблемы генезиса феодализма в романизированных странах. С.18

нас в том, что важнейшей чертой процесса феодализации было распространение колоната в его основных чертах на гораздо больший, чем ранее, слой зависимого населения.

Итак, колонат, как в рамках римского хозяйственного строя, так и вне их, не был институтом, дополняющим рабовладельческие порядки и обусловленным ими. Напротив, как вполне справедливо подчеркивает В.В.Дроздов, он «представлял собой принципиально новую систему эксплуатации, отрицавшую рабовладельческие производственные отношения»[1]. М.Белоруссов в уже цитировавшейся нами работе отмечает, что колонат во всей совокупности его проявлений может рассматриваться как новая, причем более передовая, форма хозяйственной жизни, а его развитие может быть связано с непосредственными процессами феодализации римского общества[2]. Это совершенно правильное указание, основанное на том, что определявшая принципы колоната группа производственных отношений (а в числе последних отмечаются, например, отношения непосредственного производителя к средствам производства, характер и формы личной зависимости колонов от земельных собственников, экономические формы реализации отношений колонатной зависимости и некоторые другие аспекты), может быть отнесена к классическим формам крепостничества[3]. Если не ограничиваться рассмотрением экономической сущности колоната и добавить другие моменты, характеризующие экономическое и политическое положение поздней Римской империи (в первую очередь такие, как снижение активности товарного обращения, растущую натурализацию производства, политический раскол Империи и обособленность ее отдельных территорий), то, на наш взгляд, имеется достаточно оснований отметить, что «в Римской империи медленно, но неуклонно совершался

---

[1] См.: *Дроздов В.В.* Экономические проблемы генезиса феодализма в романизированных странах. С.24

[2] См.: *Белоруссов М.* Колонат. Выпуск IV. С.84

[3] См.: *Дроздов В.В.* Указ. соч. С.20-21

переход от денежного хозяйства и сильной центральной власти к натуральному хозяйству и феодализму»[1].

Таким образом, колонатные отношения, зародившиеся в римском обществе, представляли собой элементы растущего феодального уклада в рамках античного типа производственных отношений. Ш.Летурно, анализируя систему и методы прикрепления римских колонов к земле, отмечал, что «такое положение дел как нельзя лучше подготовляло феодальное крепостное право, которое и было его конечным результатом»[2]. Историко-материалистический подход позволяет интерпретировать этот тезис как вывод о том, что между рабовладельческим и феодальным типами производства не существует непреодолимых границ; переход от одного к другому не опосредуется социальной революцией. Ныне даже сторонники рассмотрения рабовладения и феодализма как двух различных общественно-экономических формаций (что, казалось бы, должно подразумевать достаточно явственную границу между ними), все чаще признают, что «здесь нет резкого перелома между формациями»[3]. На наш взгляд, можно с полной уверенностью утверждать, что развитие колонатных отношений представляет собой прогресс нового способа производства, и в этом отношении нельзя говорить о регрессивном характере позднеримских производственных отношений, хотя подобная точка зрения является еще достаточно распространенной и поддерживается многими исследователями — историками, философами и экономистами.

Подведем некоторые итоги. Колонат, естественным образом выросший из противоречий античного общества, явился предвестником нового способа производства, возникающего из недр предшествующего, как это и свойст-

---

1 *Белоруссов М.* Колонат. Выпуск III. С.70

2 *Летурно Ш.* Эволюция собственности. С.294

3 *Кузищин В.И.* Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества. // Вестник древней истории. 1974. № 3. С.77

венно для всех способов производства, составляющих экономическую общественную формацию. Поэтому рассматривать это явление как регрессивное или стоящее в стороне от основного направления развития неверно даже с методологической точки зрения, не говоря уже о том, что этот подход противоречит реальным фактам. Становление феодального способа производства идет не прямым путем, а встречает на своем пути серьезные модифицирующие обстоятельства, важнейшим из которых является насильственное разрушение политической оболочки античного общества, обусловленное присутствием варваров. Однако при этом ни сам колонат, ни эти нашествия не стали факторами очевидного регресса.

Некоторые исследователи, если и признают такую точку зрения, при этом все же считают, что вторжения варваров и наступление «темных веков» безусловно приводят к регрессивным изменениям в обществе. Однако подобная постановка вопроса может и должна быть оспорена. Новые хозяйственные условия позволили отношениям, представленным колонатом, «раствориться» в огромной массе социальных связей и общественных групп и постепенно сумели проложить себе дорогу к господству, на этот раз уже в виде крепостнических отношений. И это господство стало не только в качественном, но и в количественном отношении совершенно новой формой, завоевавшей всю Европу, чего не удалось даже прославившим себя в боях римским легионам.

А раз так, то мы не можем назвать регрессом ни саму эту общественную форму, ни те обстоятельства, которые привели к ее широкому победному распространению. И уже с этих позиций, однозначно признавая прогрессивным явлением не только сам процесс смены античного способа производства феодальным, но и наступление продолжительного переходного периода, неизбежно лежащего между этими великими историческими эпохами, следует рассматривать проблему развития товарно-денежных отношений, формы товарного хозяйства и его основные характеристики на данном этапе исторической эволюции.

§ 4. Феодальный синтез. Становление основ системного товарного хозяйства

В большинстве работ, посвященных исследованию проблем хозяйственного развития поздней Римской империи, с какой бы точки зрения авторы их ни рассматривали, неизменно подчеркивается, что экономика государства находилась в то время в глубоком кризисе. В пользу этого тезиса приводятся совершенно различные, порой противоречивые аргументы, но чаще всего регресс связывается с усилением натуральнохозяйственных тенденций. Однако даже при безусловном признании прогрессивного характера товарного производства, позиция, согласно которой натурализация экономики рассматривается как регрессивное явление, требует дополнительных доказательств. Некоторые исследователи зачастую не утруждают себя их поиском и, отмечая, например, прогрессивный характер денежного хозяйства, категорично заявляют: «поэтому большая или меньшая интенсивность денежного обращения является одним из самых ярких показателей того, находится ли экономическая и социальная структура общества, присущая рабовладельческому строю, еще в состоянии расцвета или она уже затронута процессом разложения»[1].

Если подходить с такой точки зрения, то проблемы здесь вообще не существует: интенсивность денежного обращения в III-IV вв. снизилась, и вроде бы можно утверждать, что экономика стагнирует, а, следовательно, все потенции античного способа производства исчерпаны. Сокращение же темпов денежного обмена подтверждает-

[1] *Кондураки Э.* О натуральном и денежном обмене в Римской империи IV-V вв.// Византийский временник XIV. М., 1958. С.29

ся серьезным изменением системы поземельных отношений, развитием латифундиального хозяйства, снижением масштабов регулярного обмена продуктов земледелия на изделия свободных ремесленников. Тем самым устранялись необходимость и возможность взыскания денежных рентных платежей с колонов, в силу чего, «к концу императорского периода натуральные налоги и другие натуральные платежи снова стали приобретать все большее значение»[1], стали разрушаться экономические связи, терялась взаимозависимость отдельных хозяйств и усиливалась их замкнутость[2]. Между тем, как известно, развитие подобных процессов — важнейшая причина и основание подрыва политических устоев единого государственного организма.

С начала III в. в Империи усилились центробежные тенденции. Власть монархов, утративших реальные рычаги управления провинциями, которые фактически потеряли связь с центром и претендовали на независимость, оказалась серьезно подорванной. Государственные институты зачастую попадали в руки случайных людей, волею случая занимавших престол: императоры назначались преторианцами или солдатами, а отдельные провинции в некоторых случаях сами выбирали себе властителей. Государство раскалывалось на части. Кризис власти был особенно болезнен в обществе, где, как справедливо отмечает Г.Сальвиоли, «экономические явления не сплетались с социальной жизнью и не имели того значения, какое они имеют там, где производство носит общественный характер»[3].

Как показывает вся античная история, роль власти в Древней Греции и Древнем Риме была исключительно велика; по сути дела, именно политические факторы способствовали генезису той высокоразвитой экономики, которая характерна для правления первых императоров. Отстранение государства от хозяйственной жизни неми-

---

1 *Нейрап О.* История античного хозяйства. Николаев, 1924. С.92

2 См.: Всемирная история. Т.2. М., 1956. С.294

3 *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С.183

нуемо должно было привести и привело к ускорению процессов, разрушающих хозяйственную структуру античности. Симптоматично, что окончательное и полное торжество латифундиального хозяйства в западных провинциях приходится на период, когда потерпели неудачу отчаянные усилия Диоклетиана, направленные на объединение империи[1].

Итак, развитие хозяйственной обособленности регионов в последние столетия существования Римской империи и непосредственно после ее падения не может быть оспорено. *Однако принципиальное значение имеет не столько факт усиления натурального характера экономики, сколько причины его возникновения и основные характеристики проявляющейся в данном случае регрессивной, по своей видимости, тенденции.* Поэтому исследование процесса свертывания товарных отношений и изучение исторической роли возникающих хозяйственных форм представляются более важными, нежели констатация усиливающейся натурализации хозяйства. Между тем работ, рассматривающих и анализирующих столь важную тему, нам не встречалось.

Некоторая часть авторов склонна видеть причину возрождения натурального хозяйства в системе рабства. При этом применительно к античности даются два определения натурального хозяйства: это такое хозяйство, в котором производимый продукт потребляется в нем самом; и такое, где рабочая сила не является товаром. «Если рабочая сила не стала товаром, — отмечается в этой связи, — значит, общественное разделение труда еще не вовлекло в рыночный оборот все элементы хозяйства»; из этого достаточно логично вытекает, что «натуральное присвоение рабочей силы раба ставит определенные границы развитию товарного производства в рамках рабо-

[1] См.: *Mickwitz G.* Geld und Wirtschaft im römischen Reich. /Commentationes humanarum literarum. T.4. № 2. Helsingfors. 1932. S.3; *Held W.* Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches. Berlin, 1974. S.48.

владельческого общества»[1], то есть это общество остается ограниченно товарным. Иногда отсюда делается еще более категоричный вывод, что сами рабовладельческие отношения укрепляли основу натурального хозяйства. «Товарные отношения, — пишет, например, Г.А.Козлов, — играли весьма противоречивую роль. С одной стороны, их развитие втягивало различные группы производителей в рыночные отношения, стимулировало производство для обмена, с другой, поскольку развитие торговли и ростовщичества в конечном счете вновь приводило к рабовладельческим отношениям, закреплялась основа натурального хозяйства»[2].

М.Ростовцев, склонный оценивать римские производственные порядки времен начала Империи как отчасти капиталистические, также признает, что рабство способствовало развитию натуральнохозяйственных тенденций, но подходит к этому вопросу с другой стороны, отмечая: «для промышленности, удовлетворявшей нужды средних и низших классов, не было места в Италии, так как этот средний и низший класс либо обеднел благодаря развитию рабства, либо совсем был оттеснен от производительного труда и превратился в городской или столичный пролетариат. Конечно, крестьянство продолжало существовать, и не надо сгущать красок, утверждая его почти полное уничтожение; оно по-прежнему составляло главную часть населения Италии, но положение его было очень незавидным: крестьянин был беден и еле удовлетворял свои основные нужды. Два явления, таким образом, — подытоживает М.Ростовцев, — обеднение крестьянства и капиталистический характер пользования имениями при посредстве рабовладельческого хозяйства, не позволили Италии выйти из форм натурального хозяйства»[3].

---

[1] О натуральном хозяйстве и товарном производстве в рабовладельческом обществе.// Вестник древней истории. 1953. № 3. С.8

[2] *Козлов Г.А.* Первые ступени в развитии товарного производства. М., 1957. С.128

[3] *Ростовцев М.* Капитализм и народное хозяйство. С.208

Мы видим здесь указание на то, что рабовладельческое хозяйство породило натуральный тип производства в качестве продукта, отрицающего его собственные основы. Ранее был отмечен иной подход, основанный на признании натурального хозяйства имманентной чертой самого рабовладельческого производства. И в той, и в другой позиции есть значительная доля истины. Так или иначе, рабовладельческое хозяйство не являлось товарным по своей глубинной сути, его натуральнохозяйственная основа была не случайной, а закономерной. Последнее вполне согласуется с обоснованным выше выводом: товарное производство в условиях античных обществ развивалось лишь в отдельных нишах. Только в их рамках и происходил его динамичный рост, не выходящий за пределы своего структурного типа. Римская экономическая система не породила того производства, которое обеспечило бы реальное господство в обществе рыночных отношений, и поэтому товарное хозяйство не могло прочно закрепиться на почве, в изобилии порождавшей домашние и кустарные промыслы наряду с латифундиальным землевладением.

Следует весьма внимательно прислушаться к мнению М.Ростовцева, отмечавшего, что рабовладельческое производство «поддерживало и давало жизнь... натуральному хозяйству... даже тогда, когда, казалось, усилия императоров почти покончили с этой формой хозяйства. *В силу этого натуральное хозяйство не умерло, а только замерло, проявления его стали проявлениями новой эры мирового хозяйства* (курсив мой. — *В.И.*) и, когда вдруг в IV в. мы застаем империю всю вновь в этой примитивной стадии, мы с трудом миримся с мыслью, что вся деятельность императоров так быстро свелась на нет»[1].

Итак, по мнению этого известного исследователя, римская экономическая система во все времена своего существования основывалась на фундаменте натурального хозяйства. На первый взгляд такая точка зрения, хорошо сочетающаяся с положением о том, что товарные отно-

[1] *Ростовцев М.* Капитализм и народное хозяйство. С.216

шения, в наибольшей степени распространившиеся в период перехода от республиканской формы правления к императорской, затем пошли на спад, не кажется противоречивой. Однако эта трактовка далеко не бесспорна.

Рассмотрим последовательно ряд ключевых выводов исследователей социальной истории Древнего Рима периода поздней Империи. Широко распространена точка зрения, согласно которой «постепенное развитие сельскохозяйственного производства от средних размеров специализированного поместья к неспециализированной латифундии, национализация земельной собственности, начавшаяся в конце I в. и возникновение колоната — все это указывает на экономический регресс. В этом же направлении указывает упадок промышленности и ремесленного производства и быстрое распространение ойкосной системы внутри латифундий»[1]. Таким образом, «с III в. в жизни римского общества начинается регресс, обратный переход от более сложных ко все более и более простым формам; в IV-V вв. римское общество стоит уже вполне на стадии натурального, замкнутого хозяйства; другими словами, с III в. по Р.Х. начинается упадок римского общества и государства, начинается тот внутренний процесс разложения, в результате которого погибла громадная, мировая Римская империя, распавшись на мелкие части в виде отдельных варварских королевств»[2]. Отмечается также, что, несмотря на сокращение рабства, «свободный рабочий всюду утратил свою экономическую свободу и попал фактически в рабское состояние и в личную зависимость. Недостаточное количество денег и постепенное возвращение к натуральному хозяйству вызвали утрату экономической свободы, а с исчезновением последней стала невозможной и политическая свобода»[3].

---

[1] The Cambridge Ancient History. Volume XII. Cambridge, 1939. P.260

[2] *Кречмар М.* К вопросу о хозяйственной эволюции Древнего Рима.// Варшавские университетские известия. 1905. Выпуск VIII. С.135

[3] *Кеннингем В.* Западная цивилизация с экономической точки зрения. Т.1. М., 1902. С.183.

Список подобных цитат можно продолжать до бесконечности. Они свидетельствуют о том, что их авторы вполне однозначно видят в римском обществе периода поздней Империи явственные симптомы упадка и разложения. Внимание разных теоретиков фокусируется на разных обстоятельствах, но все они с редкой однозначностью отмечают регрессивное движение. С точки зрения марксистской диалектики и теории исторического материализма роль натурализации производства в кризисе античного общества выражена в тезисе, гласящем: «особенностью рабовладельческого способа производства являлось то, что его разложение и гибель связаны не с развитием товарно-денежных отношений, а с их свертыванием, с натурализацией хозяйства»[1].

Однако данный подход отличается известной парадоксальностью. Авторы в своем большинстве говорят о регрессе античного способа производства, но не о становлении феодального, которое отмечается только начиная с VI-VII вв. и связывается с модификациями германских и франкских общинных порядков. Между тем регресс какого-либо способа производства может наступить лишь тогда, когда внутри него вызревают характерные черты нового общественного устройства. *И, если уж говорить о регрессе античного способа производства, то необходимо заострять внимание не на возвращении к натуральному хозяйству, как базису этого общества, а выявлять черты нового общественного порядка, к чему исследователи прибегают очень редко.*

Кризис античного типа производства действительно приходится на III-V вв., однако, это следует связывать не с тем, что принципы ойкосного хозяйства вновь оказались господствующими, а с упадком *структурного товарного хозяйства* и возникновением новых отношений, по существу своему адекватных *экономической структуре феодального способа производства.*

---

[1] *Козлов Г.А.* Первые ступени в развитии товарного производства. С.128

Глубоко ошибочно утверждение о том, что ситуация, связанная с модификацией хозяйственных отношений в позднеримском обществе, приводит к отбрасыванию этого социума на много веков назад. Напротив, она отражает безусловно прогрессивные изменения в экономической основе общества, изменения, которые и привели впоследствии к торжеству принципов, характеризующих *новую ступень в развитии товарных отношений — ступень системного товарного хозяйства, обеспечивающего «атмосферу» и «почву» развития* третьего в составе экономической общественной формации способа производства — феодального.

История не идет прямыми дорогами. В историческом процессе возможны значительные деформации, отклонения от пути, кажущегося оптимальным, моменты регрессивного движения, выглядящие случайными в общей картине. Но подобные явления, свойственные гражданской истории, в гораздо меньшей мере имманентны истории экономической. Здесь существует гораздо меньше возможностей для возникновения случайных событий. В рамках экономической общественной формации господствует *тенденция*, выражающаяся в том, что товарные отношения уверенно прокладывают путь от своих примитивных форм к системе всеобщего товарного производства, и в рамках действия этой *тенденции нет и не может быть регрессивного движения в полном смысле этого слова.*

Переход от структурного товарного производства к системному являет собой для государств Европы противоречивый и продолжительный процесс феодального синтеза. Следует отметить две важнейшие составные части подобного перехода.

С одной стороны, развитие структурного товарного производства привело к тому, что в античном социуме максимально обострились противоречия, связанные с его гетерогенной природой. Античное общество на всех этапах своего развития, как справедливо отмечает Г.Ф.Ильин, «представляло собой единство принципиально различных укладов — рабовладельческого (классового) и первобыт-

нообщинного (бесклассового) — при постепенном укреплении господствующего положения первого и все большем подчинении и приспособлении к нему второго»[1]. Структурное товарное производство попыталось устранить эту двойственную природу общества, сблизить и соединить оба хозяйственных уклада. Товарное хозяйство в начале Империи оказалось ограничено узким сектором, обусловившим его структурный характер, так как в тех условиях рыночная экономика не имела возможностей осуществить мощную экспансию и охватить все слои общества. Античный мир вынужден был постоянно преодолевать сопротивление более ранних общественных порядков, привносимых варварской периферией, включаемой в «orbis romanus», что создавало дополнительные препятствия. По сути дела, борьба товарного хозяйства с натуральнохозяйственным базисом стала в античном обществе отражением борьбы прогрессивного уклада, пусть и не являющегося товарным по своей природе, с рудиментами примитивного товарного хозяйства, характеризующегося лишь эпизодическими актами обмена.

Три социальных типа трудящихся в условиях античного способа производства: свободный (civis romanus) крестьянин или ремесленник; зависимый от хозяина арендатор и порабощенный житель варварского мира, пройдя через стадию развития денежного хозяйства, разорившего свободного производителя, прикрепившего к земле арендатора и доведшего рабов до полного истощения при уменьшении их притока извне, модифицировались, превратившись в одного закрепощенного и привязанного к земле сельскохозяйственного производителя. Можно проводить более или менее детальные исследования, доказывать, что колонат породил крепостные отношения[2], что прекарий стал фундаментом феодального

[1] Общее и особенное в историческом развитии стран Востока (Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке. Азиатский способ производства). М., 1966. С.174

[2] См.: *Ростовцев М.* Римский колонат. С.429

бенефиция[1], но основной пункт наших рассуждений останется неизменным: разрешение противоречий многоукладного римского общества оказалось возможным только на пути становления его гомогенной структуры. Средством такого становления стало товарное производство античного типа, следствием — преодоление подобного типа организации хозяйства и соответствующей ему социальной структуры.

С другой стороны, переход к системному товарному производству обеспечил совершенно новые условия экономического прогресса. Граница, которая делала античное товарное производство структурным, оказалась прорвана. В позднеримский период движение в сторону товарного производства системного типа привело к интенсивному разделению труда внутри латифундии, уменьшило ее значение для развития товарного сектора, а затем и вызвало полную автаркичность экономики, ставшую, однако, натурализацией нового типа, которую никак нельзя назвать регрессивной по отношению к товарной по форме экономике времен начала Империи.

Ранее, при структурном товарном производстве, когда товарный сектор был отделен и отдален от натурального, развитие товарных отношений, не имея возможности распространиться вширь, попыталось уйти вглубь. Будучи не в силах подчинить себе все общественное производство ввиду низкого уровня развития производительных сил, товарно-денежные отношения, хотя и усовершенствовали свою внутреннюю структуру настолько, что римское хозяйство стали рассматривать как в полной мере товарное, а то и капиталистическое, не смогли преодолеть барьера, объективно воздвигнутого гетерогенностью классовой структуры римского общества.

Над основой, заложенной при структурном товарном производстве обменом продукции специализированных сельскохозяйственных производителей на изделия

---

[1] См.: *Фюстель де Куланж Н.Д.* История общественного строя древней Франции. Том V. С.117

ремесла, воздвиглась громадная надстройка из сложной денежной системы, внешней и внутренней торговли, гигантской сети кредита и так далее. Денежные операции приобрели необычайный размах, не имея под собой серьезного экономического основания. В определенной мере именно это развитие, не обладавшее исторической перспективой, и способствовало тому кризису товарно-денежных отношений, который проявился в античной экономике с конца I в. н.э. Разрушение же искусственно «переразвитых», не имевших перспективы форм товарного обмена было не просто неизбежно, но прогрессивно, ибо подобные искусственные формы, выросшие на неадекватной для прогресса товарного производства основе (главным образом — на государственном имперском устройстве) и подводившие эту основу к кризису, тормозили прогресс органического для товарного хозяйства массового производства товаров частными лицами, не подавляемыми внеэкономическим принуждением и действующими в условиях общественного разделения труда.

Этот кризис «переразвития» товарных форм, как мы отмечали, привел к общей переориентации товарных отношений, сначала переведя их в достаточно одностороннюю форму, а затем и вытеснив вообще, а также к замещению разделения труда между отдельными производителями, связываемыми товарным обменом, к разделению труда внутри большого хозяйства или, как его часто называют, ойкоса.

Наряду с кризисом, деструкции подверглось и само структурное товарное производство, которое до этого представляло собой довольно устойчивую систему. С соответствующих пор внешние признаки товарных отношений стали быстро исчезать с поверхности хозяйственной жизни, что и позволило рассматривать данный процесс как ренессанс натурального хозяйства. Когда по тем или иным причинам возникли элементы синтеза, с одной стороны, товарно-денежных отношений, ранее занимавших строго определенную нишу в хозяйственной системе, а с другой, отношений, господствовавших в сфере нату-

рального производства — с этого момента развитие пошло по новому пути: по пути генезиса системного товарного хозяйства и становления феодального способа производства. В этой ситуации товарно-денежные отношения, достаточно развившиеся при системе структурного товарного производства, как бы очутились не только в новой для них среде, что не самое существенное, но в среде, оказавшейся гораздо обширнее тех социальных страт, которые они могли подчинить себе ранее.

Мы уже говорили, что круг субъектов, связанных с товарным производством в условиях структурного товарного хозяйства, был весьма узок. Между тем с размыванием границы между товарным и натуральным сектором для товарно-денежных отношений открылось огромное поле, которого они, и это вполне естественно, не могли охватить, так как не приняли еще соответствующих масштабов и не опирались на в достаточной степени развитые производительные силы.

Естественно, в новых условиях была полностью или почти полностью уничтожена инфраструктура, придававшая внешний блеск имперскому хозяйству. Будучи погруженным в сложную систему хозяйственных связей, порожденную противоречивым синтезом позднеримских земельных отношений, домашнего рабовладения и германских общинных структур, *товарное хозяйство почти полностью исчезло с поверхности общественных отношений.* Однако явление это оказалось недолгим. Так исчезает на время перебродившая закваска, когда ее размешивают в тесте. Но вскоре вся новая среда оказывается пронизанной процессами брожения. То же самое может быть сказано и о роли товарных отношений в феодальном синтезе. Произошел процесс «растворения» элементов товарных отношений в общей натуральной структуре хозяйства. В данном случае иного пути развития не существовало, так как овладеть всей экономикой товарные отношения не могли по причинам, указанным выше. Но оставаться столь же структурно замкнутыми они тоже не могли, в силу того, что выросшая над ними

надстройка во многом охватила все общество, оказавшееся в сфере денежных отношений, не имеющих реального основания. В результате должен был произойти либо значительный рост товарного производства (но без кризиса и смены прежней неадекватной для товарного хозяйства основы он оказался невозможным), либо сужение той огромной надстройки, которая по своему размаху слишком сильно оторвалась от основы, что и привело к усиливающейся тенденции становления системного товарного производства.

История не знает сослагательного наклонения; его не знает и экономика. Поэтому мы не можем и не должны вдаваться в рассуждения относительно того, насколько быстро сумели бы товарные отношения, эта «закваска», раствориться в огромном объеме натуральнохозяйственных отношений, вызвать брожение «теста» и тем самым появление реальной системы всеобщего товарного производства, если бы данный процесс происходил в иных исторических условиях. Однако *мы полагаем, что он завершился бы быстрее в том случае, если бы экономическая структура, сложившаяся в имперский период, не подверглась испытаниям варварского нашествия.* В чисто экономическом аспекте последнее не несло серьезного деструктивного влияния; в своем большинстве римские аграрные отношения, остатки системы обмена и прочие хозяйственные формы не были разрушены варварами в той мере, в какой они разорили многие римские города. Серьезным образом не изменилась и социальная структура тогдашнего общества, по крайней мере, происшедшие сдвиги не препятствовали ее воспроизводству в соответствии с закономерностями, унаследованными и от римского прошлого. Гетерогенный характер античных социумов сам по себе уже обеспечивал достаточно разнородную классовую структуру, которая могла стать объектом воздействия товарных отношений нового типа. Феодальный синтез был вполне возможен без вмешательства «свободного франкского крестьянина», о котором говорили основоположники марксизма. Пример Византии в полной мере это подтверждает.

Варварское завоевание значительно расширило тот круг субъектов, который должен был быть «облагорожен» хозяйственными связями, заложенными в позднеримскую эпоху. Это явление имело гигантское положительное воздействие на ход экономического прогресса, связанное с тем, что фактически вся Европа стала полем, на котором взросли брошенные в почву еще в позднеримские времена многочисленные семена. Процесс этот активно шел уже с XII в., когда товарные отношения, ранее фактически полностью отсутствовавшие в средневековой жизни, стали быстро распространяться, захватывая при этом не только отдельных производителей, но и подавляющее большинство населения всех классов и социальных групп.

Что же препятствовало ранее предложить подобный подход, исключающий рассмотрение переломного периода IV-VI вв. н.э. как «темного» времени гибели великой цивилизации, реставрации старых порядков, тогда как на самом деле эта эпоха стала началом новой истории человечества, периода, когда количественный рост товарного хозяйства фактически беспрепятственно вел к становлению системы всеобщего товарного производства, к высшим этапам экономической общественной формации? Попробуем ответить на этот вопрос.

Во-первых, все доклассовые общества обозначались в советской исторической теории как основанные на натуральном хозяйстве, причем зачастую утверждалось, что речь может идти лишь об одной, «докапиталистической», формации, включающей и античность, и феодализм[1]. В силу этого не придавалось должного значения развитию форм товарного производства, что в свою очередь не позволяло учесть важных изменений в экономическом базисе соответствующих обществ.

Во-вторых, истинное понимание хода развития серьезно затруднил подход к средиземноморским цивилизациям древности как к государствам с *рабовладельческим способом производства*, что противоречит марксистской

[1] См.: *Илюшечкин В.П.* Указ. соч. Выпуск II. С.427

теории общественного прогресса, основоположники которой всегда говорили именно об античном способе производства. Внимание к феномену рабства и его эволюции, естественно вытекавшее из признания рабовладельческого способа производства, обусловило отнесение кризисных явлений к эпохе III-V вв., когда институты рабства стали рушиться, в то время как экономический базис во многом был уже качественно иным.

Наконец, *в-третьих,* сам подход к античному и феодальному обществам как к отдельным *формациям,* а не *способам производства в рамках* единой по своей сути *экономической общественной системы,* также не способствовал правильному осмыслению соответствующей проблематики. Ранее мы показали, что ни К.Маркс, ни Ф.Энгельс никогда не называли общественными формациями не только античность и феодализм, но даже и капиталистическое общество, объединяя их в единую экономическую систему, характеризующуюся своей поступательной, генеральной тенденцией развития. Отрицание этой единой тенденции приводит к непониманию разворачивавшихся в первые века нашей эры процессов как цельных по своему содержанию и предпосылкам.

Одни исследователи отмечают историческую преемственность древнеримского и феодального обществ, нашедшую свое полное воплощение в институтах последнего. М.Вебер, например, указывает: «...поместное землевладение приняло ту форму, в которой ее застало и по существу оставило неизменной германское нашествие. Разделение труда внутри ойкосов заменило разделение труда между отдельными крестьянами и промышленными хозяйствами... основной чертой экономического развития является отныне разделение труда внутри поместья, разделение, которое начало завоевывать себе почву на Западе в эпоху римских императоров»[1]. Таким обра-

[1] *Вебер М.* Поземельные отношения в древности.// Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899. С.39

зом, уже в период Римской империи были заложены основы наиболее важных для будущего развития поземельных отношений, что имело огромное значение для становления феодальных структур. Другие — оценивают значение возникавших в позднеримском обществе хозяйственных форм с точки зрения их влияния на производительность труда, отмечая преимущества этих форм перед чисто рабовладельческим хозяйством[1].

Так, с нашей точки зрения, шел процесс развития товарного хозяйства в важнейший переломный момент истории экономической общественной формации — перехода от товарного хозяйства структурного типа к хозяйству системного типа, то есть в тот период, когда возникали первые предпосылки для бурного и повсеместного развития производства, становящегося основой для системы всеобщего товарного хозяйства как высшего пункта развития экономической формации. Между тем само развитие системы товарного производства — это тот процесс, который фактически не исследован как самостоятельное историческое явление. Понимание феодального способа производства как хозяйственного организма, основанного на системном товарном производстве, определяет новые подходы к истории как развития, так и преодоления основ этого способа производства, дает возможность вскрыть истинные причины буржуазных революций и по-новому оценить истоки капиталистических порядков, считающихся отрицанием феодальных, но являющихся таковыми едва ли не в меньшей степени, чем сами феодальные порядки по отношению к основам античной хозяйственной системы.

---

[1] См.: *Рейхард В.* Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.-Л., 1934. С.119; *Ковалев С.И.* Экономика античного общества.// *Ковалев С.И., Некрасова Е.К., Равдоникас В.И., Смирнов И.И.* Краткое введение в историю докапиталистических формаций.// Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 99. М.-Л., 1934. С.97

Часть II

СИСТЕМНОЕ ТОВАРНОЕ ХОЗЯЙСТВО

§ 1. Зарождение европейского феодализма: причины и черты сходства хозяйственных систем раннего средневековья и поздней античности

Разрушение важнейших материальных основ римского сельскохозяйственного и ремесленного производства, утрата фактически всех хозяйственных форм, базирующихся на широком разделении труда и кооперации, ренессанс мелкого индивидуального хозяйствования, исчезновение ремесла как специфического вида занятия, — все эти моменты, характеризующие период варварских завоеваний европейских провинций Римской империи, обусловливают восстановление натурального хозяйства как основы экономической системы раннего средневековья.

Период от варварских завоеваний V в. и до формирования зрелого феодального общества в XI-XII вв., характеризуется несколькими направлениями эволюции хозяйственной жизни. С одной стороны, следует выделить регионы, в наибольшей мере испытавшие на себе воздействие римского наследия и ставшие в силу этого (а отчасти и ввиду своего выгодного географического положения) центрами ренессанса средневекового хозяйства. Прежде всего это Италия, из которой усилиями Юстиниана в VI в. были вытеснены варварские племена; вернувшись позднее, они в значительной мере ассимилировались поздне-

римскими и византийскими переселенцами, в результате чего италийские государства оказались безусловными лидерами хозяйственного возрождения. С другой стороны, территории, которые находились под римским владычеством двести-триста лет и были отторгнуты от Империи варварскими нашествиями, показывали примеры более радикального восстановления доримских хозяйственных форм и полного доминирования натурального хозяйства. В первую очередь это Британия, Германия и Галлия (такие регионы как Испания и римская Северная Африка, вскоре после гибели Империи подвергшиеся арабскому завоеванию, мы оставим в стороне).

Прогресс римского производства, эпизодические нашествия варваров и временное пребывание Италии в составе Византийской империи сделали свое дело: в римской метрополии не столько местные жители привыкали к обычаям и хозяйственному укладу варваров, сколько сами германцы усваивали римские порядки (например, в период существования в Италии основанного варварами Остготского королевства). Варварские короли лишь продолжили то, что делали последние римские императоры. Еще до византийского завоевания было осуществлено декларирование полной личной зависимости колонов и других категорий полусвободных земледельцев от их господина[1], стоявшее на очереди и для римлян. Аналогичные примеры можно привести и для других провинций, подвергшихся варварским завоеваниям, в первую очередь для Южной Галлии и Испании до ее завоевания арабами.

Во всех этих регионах, где римское влияние было весьма устойчиво, хозяйственная жизнь, восстанавливаясь после периода явной разрухи, явственно принимала все основные формы, присущие экономической организации времен поздней Империи, за исключением одной. Так, в VII-VIII вв. в Италии, Испании и Южной Галлии, а также

[1] См.: *Виноградов П.Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С.104-105

в отдельных районах Северной Африки продолжали господствовать латифундии, кое-где обособляющиеся в маленькие замкнутые территории, прообразы мелких государств времен феодальной раздробленности, основанные, как и ранее, на эксплуатации труда рабов и полностью закрепощенных колонов. Существовали также отдельные хозяйства мелких земледельцев-собственников, а вокруг городов образовались участки горожан («*curiales*»)[1]. Только одна хозяйственная форма римских времен безвозвратно ушла в прошлое — товарная вилла, основанная на высокой производительности труда рабов, умелом использовании кооперации и ориентированная на потребности рынка.

Необычность с точки зрения традиционной оценки генезиса феодальных порядков в Европе заключается не в том, что варварские королевства в Италии и Испании унаследовали многочисленные черты римских хозяйственных систем (это как раз представляется вполне естественным), а в том, что страны, в которых даже в эпоху императоров германское влияние явно превалировало над романским, также в значительной мере последовали по пути римской метрополии. Так, например, норманны, завоевавшие в XI в. Британские острова, обнаружили в этот период социальную структуру, фактически полностью идентичную поздней Римской империи и первых варварских королевств в Италии, что мы уже отмечали. Следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с социальной структурой страны, более шестисот лет не знавшей римского владычества.

Итак, при внимательном анализе выясняется, что структура общества, достаточно удаленного от Рима, была похожа на ту же структуру времен поздней Империи. Возникает вопрос, насколько серьезным оказалось влияние варварского общества и какое прогрессивное воздействие оно оказало?

---

[1] Подробнее об этом см.: *Korsunsky A. R.* The Early Feudal States and the Formation of Feudal Property in Western Europe. Moscow, 1970. P.2-3

В данном случае мы вновь вступаем в противоречие с известным высказыванием Ф. Энгельса, согласно которому между колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. На наш взгляд, не следует переоценивать значение этого тезиса, равно как и считать, что генезис европейского феодализма неизбежно и однозначно связан с взаимодействием римской и варварской хозяйственных структур. По крайне мере на территории всех прежних римских провинций влияние римского хозяйственного строя было, на наш взгляд, гораздо более заметным, нежели германской общины-марки.

Рассматривая становление европейского феодализма в первую очередь как результат внутренних процессов, происходивших в варварских государствах, основоположники марксизма абсолютизировали лишь одну из составляющих процесса феодализации. Наиболее важным явлением они считали обезземеливание крестьян и переделы земли между представителями господствующих классов. Так, анализируя возникновение класса безземельных свободных крестьян во франкском государстве, впоследствии составивших самую низшую общественную страту в феодальной Франции — сервов, Ф. Энгельс пишет: «этот класс стал образовываться вследствие начинавшейся концентрации землевладения, вследствие тех же причин, которые вызывали саму концентрацию; это были, с одной стороны, гражданские войны и конфискация имуществ, а с другой стороны, уступки земель церкви, вынужденные большей частью давлением обстоятельств и стремлением к безопасности»[1].

Между тем система дарений, известных под названием *аллода*, доминировала во франкском государстве на протяжении не более чем двух столетий и быстро доказала свою неэффективность. При этом сам дар (как правило, не только земля, но также и сидевшие на ней

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19. С.502

крепостные), на наш взгляд, не являлся главным катализатором образования класса безземельных крестьян.

Уже в VIII в., при Пипине Коротком и Карле Великом, произошел инициированный сверху решительный перелом в аграрных отношениях. Анализируя его, Ф. Энгельс пишет: «Этот переворот в своей основе покоится на двух новых установлениях. Во-первых, для того, чтобы прочнее привязывать магнатов государства к короне, им, как правило, коронных земель больше не дарили, а предоставляли в пожизненное пользование в качестве «бенефиция» на определенных условиях, под страхом отнятия бенефиция за несоблюдение условий. Так магнаты сами становились держателями земельных владений короны. И, во-вторых, для того, чтобы обеспечить крупным магнатам набор свободных держателей для военной службы, им была передана часть должностных функций графа данного округа по отношению к свободным людям, поселенным в их владениях, и они были назначены «сеньорами» над этими последними»[1]. В дальнейшем, к IX-X вв. бенефициальная система перерастает в ленную; формируются основы феодальной раздробленности.

Феодальный строй европейских государств VI-X вв., как это ни парадоксально, представляет собой в гораздо большей мере, нежели Римская империя, пример господства политических факторов над хозяйственными. Последнюю, несмотря на то, что она была создана и в течение столетий поддерживалась силой оружия, в то же самое время пронизывали хозяйственные связи, порожденные самим феноменом крупного рабовладельческого производства и широким распространением государственного хозяйства. Между тем тенденция к независимости и самодостаточности, перерастающая в примеры политической и хозяйственной автаркии, была крайне значительна для всех сторон жизни феодального обще-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. С.503

ства, вследствие чего хозяйственный строй европейского феодализма характеризуется прежде всего преодолением тех форм крупного производства, которые доминировали в античное время[1].

Мелкое производство в сельском хозяйстве и ремесле превалировало повсеместно; это сделало средневековое общество в хозяйственном отношении гораздо более однородным, нежели античное, и дало прогрессирующим товарным отношениям возможность распространиться на все общественное целое, чему в римскую эпоху была поставлена непреодолимая преграда в виде рассмотренной выше структуры производства. Как два важных следствия возникли, с одной стороны, прецеденты наемного труда, причем весьма разнообразные, вплоть до «форм, очень близких к покупке личности человека, через форму многолетнего контракта к сезонному и поденному найму, [которые] западноевропейское средневековье знает по крайней мере с XIII в.»[2]; с другой — элементы активной торговли не только предметами ремесла, но и продукцией сельского хозяйства, причем данная торговля сразу же приобрела международный, ориентированный на страны Леванта и Магриба, характер[3]. Последнее, разумеется, стало одной из причин того, что основные товарные потоки не затрагивали хозяйства большинства мелких и средних производителей, которые оставались по своей сути натуральными. Однако возможность иного пути развития европейской торговли периода раннего средневековья трудно было предположить. Ориентированность на расширение внутриевропейского товарного оборота возникает намного позже, начиная с XIV-XV вв., когда расширяется мануфактурное производство в североита-

---

[1] См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С.171

[2] *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С.147

[3] Подробнее этот вопрос рассмотрен в книге: *Блок М.* Апология истории. М., 1986. С.133-134

лийских республиках, а затем в Голландии, Англии и Франции.

Восстановление ремесла, как относительно автономной отрасли производства, относится к XI-XII вв., однако, этот процесс также не сразу стал основой возрождения рыночных традиций. Ремесленное производство, как правило, в основном удовлетворяло нужды весьма ограниченного круга потребителей, расположенных на сопредельных территориях.

§ 2. Адекватные формы системного товарного хозяйства. Хозяйственная жизнь Европы XIII-XVI вв.

Предваряя анализ хозяйственных отношений, заметим, что социальная система, основы которой сложились в большинстве стран Западной Европы к XII-XIII вв., весьма существенно отличалась от античного социума.

Господствовавшее в этот период крепостное право никак не походило ни на рабство, ни тем более на колонат — основные формы зависимости, которые знал античный мир. Подчеркиваемая же многими авторами тяжесть положения крепостных (сравнимая с положением зависимых классов в Римской империи) ни в коей мере не может явиться основанием для отождествления данных сословных групп. Крепостное состояние имело то существенное отличие от рабской зависимости, что «средневековый крепостной не связан неразрывно со своим положением и... имеет некоторую возможность приобретать собственность»[1]. А это в определенной мере обусловливало возможность ведения, пусть и в ограниченных масштабах, хозяйства, отделенного от феодала. И утверж-

[1] *Нибур Г.Г.* Рабство как система хозяйства. М., 1902. С.43

дение о том, что в условиях раннего средневековья «крестьянин передает свой земельный участок крупному землевладельцу и взамен этого получает от него защиту и помощь в нужде»[1], в корне неверно. Относительная *фактическая* (даже в условиях частого отсутствия *юридической*) свобода крепостного позволяла товарным отношениям развиваться в «низах общества» на весьма широкой социальной базе.

Дополнительным стимулом этому стала распространившаяся начиная с XII в. денежная рента или оброк, который взимался сеньорами с крепостных крестьян или зависимых арендаторов; перемежаясь с барщинными работами и натуральными поборами, денежный оброк к XIV в. стал основной формой присвоения прибавочного продукта землевладельцами-феодалами.

Товарные отношения в условиях феодализма стали широко распространяться во всем обществе, благодаря относительной унификации форм производства при феодальном строе, что привело к равномерному вовлечению в товарное производство большого количества субъектов, в первую очередь непосредственных производителей. Сам факт появления денежной ренты, относящийся, правда, уже к позднему средневековью, показывает, что товарное производство, хотя оно и не становилось господствующей формой, проникало в подавляющее большинство хозяйств. Тенденции к этому были заложены уже в период становления феодальных отношений.

Одновременно возникает целая общественная прослойка, жизнедеятельность которой непосредственно связана с товарно-денежными отношениями. Прежние общества не знали такого слоя. Даже римская аристократия, зачастую занимавшаяся денежными операциями, откупом налогов, ростовщичеством и другими подобными предприятиями, по существу оказалась детерминирована другой системой экономических отношений. И по своему экономическому положению, и по источникам дохода

[1] *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. Пг., 1918. С.71

она была связана с эксплуатацией рабской рабочей силы в различных формах.

Напротив, в условиях системного товарного хозяйства широкое развитие товарно-денежных отношений на «низовом» уровне привело к выделению значительной социальной группы, чья жизнь была непосредственно связана с этими отношениями и чье благополучие — с их прогрессом.

Проходившее параллельно распространение наемного труда во много раз увеличило число лиц, тесно связанных с товарным сектором экономики, так как продукция производств, использовавших наемный труд, предназначалась главным образом для реализации на рынке. Так в недрах феодального общества, внутри этой экономической системы, на «низовом» уровне, касающемся большинства производителей, возник товарно-капиталистический уклад, которого никогда не существовало в условиях общества античного типа.

Существенно изменились и функции торговли, денежного обращения и кредита. Торговля приобрела устойчивый внутренний оборот, кредитные операции стали производиться во все больших масштабах не для кредитования расходов на потребление, а для обеспечения прибыльной производственной деятельности.

Рассматривая системное товарное хозяйство, следует отчетливо осознавать, что данный тип производства основывается не на определенных модификациях натурально-хозяйственного базиса социума, а на активном обмене продуктами труда, охватывающем все секторы экономики. Между средневековой цеховой и торговой организацией, с одной стороны, и капиталистическим обществом, с другой, на первый взгляд мало общего, однако, здесь отсутствует тот непреодолимый барьер, который разделял античный и феодальный способы производства, структурное и системное товарное хозяйства. Всеобщее товарное хозяйство в той же мере является частным случаем системного, в какой примитивное рассматривается нами

как частный случай структурного. В то же время, если структурное товарное хозяйство по отношению к примитивному становится зрелой и исторически передовой формой, то системное представляет собой основу для возникновения всеобщего товарного производства, являясь последним звеном, между которым и системой всеобщего товарного хозяйства не существует иных опосредующих звеньев.

Возвращаясь к проблеме сходства и различия античных и средневековых обществ, подчеркнем, что социальная структура средневекового общества по своей внешней форме весьма напоминала времена поздней Империи. Была широко распространена практика рабовладения, существовавшая в основных европейских государствах вплоть до XV в. И если до конца VIII в. основные рабские рынки находились в Риме, то с IX до XV в. они сосредоточились в Северной Италии — Пизе, Генуе и Венеции, где продавались тысячи рабов ежемесячно.

Лишь к XV в. их число снизилось до трех тысяч в год[1]. Последние сделки по купле-продаже рабов зафиксированы в Сардинии в 1641 г.[2], и в Генуе — в 1677 г.[3]. При этом формы крепостной зависимости оставались жесткими, что было унаследовано ранним средневековьем от хозяйственных порядков поздней Империи. Вплоть до XI в. в Европе широко применялись нормы римского права, в том числе и хозяйственного. Так, в Италии крепостные (сервы) фактически не отличались по своему правовому положению от римских рабов[4], а во Франции в XIII в. некоторые состояния крепостной зависимости предполагали, что «крепостные так подчинены своим

---

1 См.: *Лучицкий И.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886. С.13, 55

2 См.: *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т.2. М., 1900. С.313-314

3 См.: *Лучицкий И.* Указ. соч. С.55-56

4 См. *Илюшечкин В.П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С.129

сеньорам, что эти сеньоры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют (над ними) право жизни и смерти, могут держать их в заключении по своей воле — за вину или без вины — и никому за них не ответственны, кроме как одному Богу»[1].

Однако повторим, данные черты сходства были в значительной степени поверхностными. Несмотря на жестокое угнетение, которому подвергались сервы и другие категории крепостных, средневековое общество по содержанию было иным, в том числе и в правовом положении, не будучи основано на юридических нормах античного периода в полной мере. Само возникновение системы барщины, не говоря уже об оброке, не оставляло сомнения в том, что рабочее время крестьянина делилось на необходимое и прибавочное, и обеспечение его жизни зависело не от феодала (в отличие от рабовладельца), а от него самого. При этом крестьяне обладали определенной хозяйственной самостоятельностью; они были вольны изыскивать оптимальные с их точки зрения формы производства продуктов или поиска денег для выплаты ренты феодалу. Это обстоятельство очень важно. *Впервые эксплуатируемый работник получает возможность предпринимательской деятельности* (пусть и в весьма ограниченных масштабах), *что открывает такие возможности экспансии товарных отношений в среде непосредственных производителей, которых не знал древний мир*. Поэтому мы считаем вполне справедливым замечание Н.Кареева, считавшего, что «определение крепостного состояния как смягченного рабства должно оказаться не выдерживающим критики... в случае, если сравнивать обе формы зависимости... с точки зрения строгого постановления юридической нормы»[2].

---

[1] См. *Илюшечкин В.П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990. С.126

[2] Кареев Н. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879. С.2-3

Это положение подтверждается тем, что, в отличие от античности, в средневековой Европе с XI в. начинает распространяться наемный труд. Как отмечает Ф.Бродель, «на Западе переходы к наемному труду были явлением необратимым, зачастую ранним, и, главное, они были более многочисленны, нежели это обычно принято считать»[1]. Известны трудовые контракты, заключавшиеся в Ломбардии между 1288 и 1290 гг. В этот же период наемный труд развивался в португальских деревнях, получил распространение поденный найм во Франции и Германии. С XIII в. в Париже формировались, по сути дела, рынки труда — Гревская площадь и площадь под апсидой церкви Сен-Жерве, — где происходил найм работников, как слуг, так и рабочих различных специальностей[2].

К концу XVII в. наемные работники использовались исключительно широко. По данным Г.Лефранка, в Париже в 1682 г. на 17 тыс. владельцев мастерских приходилось 38 тыс. «компаньонов», пять тыс. продавцов и шесть тыс. помощников, т.е. 49 тыс. наемных работников. В конце века данное соотношение составляло уже 60 тыс. наемных на 12 тыс. хозяев. При этом грань между хозяевами и наемными работниками выступала все более отчетливо[3]. Большая часть ремесленников была представлена наемными работниками. С развитием промышленного производства по всей Европе постепенно разрушались основы свойственного классическому средневековью цехового строя, при котором подмастерье или ученик целиком зависели от прихоти мастера. Все больше ремесленных организаций стали применять труд наемных работников, пусть не сразу на ответственных участках

---

[1] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Игры обмена. Т.2. М., 1988. С.38

[2] См.: *Poete M.* Une Vie de cite, Paris de sa naissance a nos jours. T.1. P., 1924. P.301

[3] См.: *Lefranc G.* Histoire du travail et des travailleurs. P., 1975. P.164

производства[1]. Хотя А.Р.-Ж. Тюрго и утверждал, что «обращения труда, подобного обращению денег, не существует»[2], в североганзейских городах наемные работники составляли в тот же период более половины населения, а в Париже накануне Революции их число превысило этот критический показатель.

Более того, в период позднего средневековья распространились сообщества рабочих и организации лиц наемного труда. Естественно, что первоначально протесты наемных работников носили малоорганизованный характер и редко достигали поставленных целей. Известно, например, что в 1393 г. в Бургундии работники, занятые на виноградниках, устроили стачку, выдвинув экономические требования к владельцу имения[3]. Но уже с XV в. возникают организованные рабочие товарищества, причем, как отмечает М.М.Ковалевский, «в первой половине XVI столетия рабочие товарищества уже кажутся правительству настолько опасными для общественного спокойствия, что эдиктом 1539 г. Франциск I запрещает лицам, занятым строительным делом... всякие сходбища и собрания подобного рода. В середине XVII столетия, — подчеркивает автор, — compagnonages оказывают рабочим те самые услуги, какие в наши дни приносят им английские trade unions»[4].

Таким образом, классовая структура феодального общества даже на относительно ранних этапах его развития претерпела весьма значительную модификацию. Начав свою эволюцию с фактически полного воспроизведения позднеримского общества, она внешне малозаметно, но по существу радикально тансформировалась. С одной

---

1 См.: *Farr J.R.* Hands of Honour. Artisans and Their World in Dijon, 1550-1650. Ithaca and London, 1988. P.83

2 *Бродель Ф.* Указ. соч. С.39

3 См.: *Delafosse M.* Les Vignerons d'Auxerrios (XIV-XVI siecles). // Annales de Bourgogne. T.XX. № 77. 1948. P.22

4 *Ковалевский М.М.* История общественного строя древней Франции. Т.3. М., 1898. С.223

стороны, происходило наделение работника собственностью, права которой часто оставались иллюзорными, однако, открывали пути для принципиального расширения социальной базы товарного обмена. С другой стороны, все большая часть населения, в первую очередь представителей ремесленных профессий и слуг, начинала работать по найму, чем вызывала к жизни рынок рабочей силы и впервые в мировой истории породила достаточно устойчивый платежеспособный спрос на ремесленные изделия и сельскохозяйственную продукцию со стороны значительной и постоянно расширяющейся социальной страты. Последнее было одним из важнейших моментов, обусловивших быстрое развитие производства в условиях позднего средневековья и облегчивших становление всеобщего товарного производства.

Мы видим, таким образом, что товарное хозяйство средневековой Европы носило (в отличие от античной эпохи) системный характер, проникая во все поры общественного организма, что не могло не сказаться на темпах развития производства.

Товарные отношения европейского средневековья начали развиваться фактически с той же точки, на которой остановился их прогресс в условиях античного общества. Вновь основными объектами обмена стали предметы роскоши, оружие и другие подобные изделия, массовое производство которых не практиковалось. Европейская торговля, однако, имела два преимущества, способствовавшие ее быстрому прогрессу: с одной стороны, феодальная раздробленность не позволяла наладить крупное производство в государственных мастерских, как это имело место в Риме, когда возникла необходимость обеспечения армии; с другой стороны, внешняя торговля, в первую очередь с Левантом, требовала активизации производства тех товаров, которые имели спрос на Востоке (ткани, одежда, металлы). Поэтому промышленность северо-итальянских городов — естественной «перевалочной базы» в левантийской торговле — быстро приняла характер

массового производства, позднее распространившегося вглубь континента, вплоть до Фландрии и Англии. Но, как только технические новшества голландских и английских мануфактуристов сделали их продукцию более дешевой и конкурентоспособной, она пришла в упадок.

Быстрый рост товарных отношений отмечается со второй половины XIV в. Повсюду в Европе основными предметами торговли становятся ремесленные изделия, предназначенные для массового производства. Северо-итальянские города перестают быть главными мануфактурными центрами континента, куда для переработки поступала шерсть из Англии, драгоценные металлы с Востока, ткани из Франции и Германии. Упадок итальянского ткацкого производства, столь очевидный в XV в.[1], был обусловлен появлением на рынке большого количества английской шерсти. Новая специализации Англии привела к распространению фактической монокультуры в ее сельском хозяйстве. Поголовье овец возросло там с 1.5 до 2.7 млн. между 1350 и 1467 гг.[2]; животноводство развивалось такими темпами, что доля фуражного зерна в общем объеме производства зерновых выросла менее чем за сто лет фактически в три раза — с 16 до 44 процентов[3], в результате чего начались закупки зерна на континенте — один из первых примеров специализации отдельных национальных экономик.

Нельзя не отметить, что вместе с ростом производства шерсти быстрыми темпами развивалась и обрабатывающая промышленность. Экспорт необработанной шерсти сократился с 28.3 тыс. мешков в год в 60-е гг. XIV в. до 8.1 тыс. мешков в 90-е гг. XV в.; одновременно за этот же период экспорт тканей вырос с эквивалента в три тысячи

---

1 См.: Allgemeine Geschichte des Mittelalters. Ed. by *B.Topfer*. Berlin, 1985. S.315-322

2 См.: *Bautier R.-H.* The Economic Development of Medieval Europe. L., 1971. P.200

3 См.: Ibidem.

мешков в год до 13.9 тыс.[1]. Так зарождалась европейская торговля Нового времени, причем, как мы видим, отнюдь не предметами роскоши, как это было свойственно древнему миру.

Одним из принципиальных отличий развития ремесла и промышленности в условиях Средних веков по сравнению с античным периодом явилось возникновение понятия «инвестиций». В римскую эпоху сообщения об основании мастерских и приобретении для них орудий производства, в отличие от описаний земледельческих хозяйств, чрезвычайно скупы, так как производство ремесленных изделий велось в основном в рамках домашнего хозяйства. В условиях же средневековья, даже раннего, развитие рыночно организованных отраслей сельского хозяйства и промышленности требовало огромных затрат капитала и значительного количества рабочих рук. Несмотря на то, что мелкое ремесленное производство процветало и обеспечивало значительную долю продукции ремесла посредством эксплуатации мастерских с количеством работников не более 20 человек и примитивными средствами производства, имелись примеры и широкомасштабной инвестиционной деятельности. Фабрика шелковых тканей, построенная в 1656 г. около замка Мадри, обошлась ее хозяевам в 300 тыс. ливров, фабрика по производству олова в Бомонте — в 350 тыс., а сахарорафинадная мануфактура в Сету в начале XVIII в. — в 450 тыс. ливров. Однако наиболее впечатляющим примером являются рудники Анзена, освоение которых продолжалось более двадцати лет и которые обошлись в 12 млн. франков[2]. Если в большинстве известных мануфактур и фабрик в XVIII в. работало от 600 (как, например, на производствах готового платья в Лангедоке), до 1.800 (на

[1] См.: *Cipolla C.M.* Before the Industrial Revolution. European Society and Economy, 1000-1700. L., 1981. P.278

[2] *Renard G., Weulersee G.* Life and Work in Modern Europe. XV to XVIII century. L., 1968. P.189

хлопчатобумажных мануфактурах в Лиможе) человек, то анзенские рудники обеспечивали работой более 4 тыс.[1]. Достаточно совершенная для своего времени техника добычи и эффект кооперации обеспечили рост производства на этих рудниках только с 1744 по 1789 гг. на 681 процент[2].

Доходность производящего хозяйства в средневековую эпоху не поднималась выше доходности сельского хозяйства античных времен. Как правило, норма прибыли была больше в первые годы функционирования предприятия, пока его товар не испытывал серьезного влияния конкурентной борьбы. В сельском хозяйстве прибыли первых лет также были выше, ввиду того, что позднее приходилось затрачивать дополнительные средства на повышение плодородия почвы. Так, для XVI в. обычная прибыль сельскохозяйственного производства находилась на уровне 15-30 процентов в первые годы, традиционно снижаясь затем до 3-5 процентов[3]. По данным Ф.Броделя, прибыли на европейских мануфактурах в XVIII в. колебались от 2.5 до 25 процентов, однако, наиболее часто повторяющаяся величина для успешно работающих предприятий составляет от 8.5 до 15 процентов[4]. В такой ситуации промышленные предприятия обладали значительно большим потенциалом для новых инвестиций, чем сельскохозяйственные производители.

Это имело своим следствием разительное отличие темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производств, что можно видеть на примере французской экономики XVII-XVIII вв. Быстрее всего развивались новые отрасли, ориентированные на массовое производство

---

[1] См.: Ibidem.

[2] См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. Т.1. Ч. 1. М., 1978. С.210

[3] См.: *Люблинская А.Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. Л., 1965. С.85

[4] См.: *Бродель Ф.* Указ. соч. С.340

товаров, на которые существовал устойчивый спрос на рынках. Так, в угольной промышленности рост в течение первых двух третей XVIII в. составил 700-800 процентов, производство хлопчатобумажных тканей в районе Руана за 1732-1766 гг. увеличилось вдвое, на производстве мюлузских ситцев данный показатель с 1758 по 1786 гг. достиг 738 процентов (при этом прибыль в 70-е гг. устойчиво закрепилась на уровне около 25 процентов). Число станков на предприятиях по производству шелка в Дофине возросло с 1720 по 1788 гг. фактически в три раза, а само производство выросло там с 1730 по 1767 гг. на 400 процентов[1].

Весьма интересно отметить различия в темпах развития производства по провинциям. Те префектуры, которые оказались наиболее восприимчивы к промышленному росту еще начиная с XVI в., стали как бы «притягивать» к себе новые и новые предприятия. Так, в течение столетия в Лангедоке производство выросло в два с половиной раза, в Шампани только за 1762-1789 гг. — в 1.27 раза, в Бордо — более чем в два раза, в Берри — на 81 процент, в Орлеане — на 45 процентов. В то же время в Лимузене и Провансе наблюдался спад промышленного производства: эти округа приобретали явственную сельскохозяйственную специфику.

Бурное развитие промышленности поддерживало высокую активность торговых операций. При этом развивалась не только внутренняя (в пределах европейского континента), но и внешняя торговля, в основном с Востоком, а с начала XVI в. — с Вест-Индией. Основанная в Нидерландах специально для торговли с Востоком Ост-Индская компания, экспортировавшая европейские товары и закупавшая в основном предметы роскоши и пряности, к концу XVII в. обладала флотом в 60 кораблей, поставляла товаров на 10-12 млн. флоринов в год, дивиденды составляли до 30 процентов, а рыночная цена

[1] См.: *Жорес Ж.* Указ. соч. С.210

акций выросла к 1670 г. в шесть раз[1]. С 1716 по 1787 гг. в три раза увеличился объем французского экспорта, причем доля в нем промышленных товаров также выросла в три раза[2]. Положительное сальдо внешней торговли Франции составляло до 50 процентов ее оборота.

Внешнеторговые операции обусловили экономические и финансовые потрясения начала XVI в., о которых упоминали в своих трудах все известные экономисты Нового времени, от А.Смита до К.Маркса. С открытием и колонизацией Америки испанцы и португальцы импортировали в Европу огромное количество золота — результат ограбления местных племен. Ввоз золота и серебра был сопоставим с общим количеством этих металлов, обеспечивавших на тот период денежное обращение европейских стран. Огромное обесценение денег, падение стоимости золота и серебра, вызванное беспрецедентным ростом предложения, привели к серьезному финансовому и экономическому кризису, когда многие производства становились нерентабельными и убыточными. Данный прецедент — первый в истории случай радикального воздействия изменившейся ситуации в денежной сфере на процессы производства. Сравнение с римским денежным кризисом III в. показывает, что товарное хозяйство феодальной эпохи действительно обладало системным характером и было тысячами нитей связано со всеми элементами социального организма.

Торговые операции требовали развития инфраструктуры. С начала XV в. в Европе стали создаваться (в Брюгге в 1409 г., в Антверпене — в 1460 г., в Лионе — в 1462 г., в Тулузе и Руане — в 1556 г. и так далее)[3] и

---

[1] См.: *Beaud M.* A History of Capitalism 1500-1980. N.-Y., 1983. P.25

[2] См.: *Жорес Ж.* Указ соч. С.52, 61, 208, 210, 211; *Блан Л.* История Французской революции. Т.1. СПб., 1907. С.114-115, 119, 185, 251-252, 254-257; *Каутский К.* Противоречия классовых интересов в 1789 г. М., 1923. С.46-47; *Кропоткин П.А.* Великая Французская революция. // *Кропоткин П.А.* Собрание сочинений. Издание, проверенное автором и разрешенное им для России. Т.2. М., 1919. С.7-10

[3] См.: *Бродель Ф.* Указ. соч. С.86

быстро развиваться первые товарные биржи. С середины XIV в. в североитальянских городах появляются рынки долговых расписок и векселей, а несколько позднее — компании, торгующие долговыми обязательствами казны или муниципальных займов. Таким образом, происходил активный рост товарных отношений, затрагивающих все стороны жизни средневекового общества.

Таким образом, можно констатировать, что *основы товарного хозяйства, распространенного в феодальную эпоху, весьма существенно отличаются от товарных тенденций античности.*

Во-первых, основным движущим элементом развития товарного хозяйства оказывается индивидуальный сельскохозяйственный производитель, формы зависимости которого от феодала, начиная с XIII-XIV вв., уже не имеют основополагающего значения, ибо этот работник фактически обладал некоторой хозяйственной свободой, получив возможность заниматься предпринимательством. С целью выплаты феодалу денежной ренты и приобретения ремесленных изделий, крестьянин предлагал на рынке значительную часть своей продукции. Если предположить, что прибавочный продукт составлял от четверти до трети общего объема его производства, а стоимость используемых им и его семьей ремесленных изделий, приобретаемых на рынке, достигала одной десятой, а иногда и одной шестой части стоимости его продукции, то получается, что среднее крестьянское хозяйство поставляло на рынок не менее трети своей продукции. Часть ее, конечно, обменивалась на другие сельскохозяйственные товары либо продавалась сеньорам за деньги. Однако зарождающаяся промышленность подтверждала относительно высокую и нелинейно растущую степень товарности хозяйства.

Во-вторых, сельскохозяйственному производству противостояло ремесленное, а позже — и возникающая промышленность, масштабы которых были весьма значительны. Так, в начале XVIII в. стоимость производимого в течение года во Франции промышленного продукта со-

ставляла более 1/6 от общего объема сельскохозяйственной продукции страны. Необходимо при этом учитывать, что потребление государства было, в отличие от античных времен, вполне рыночным: поставки для армии и двора осуществлялись не казенными производствами с занятыми на них рабами, а уполномоченными поставщиками, которые оплачивались из доходов казны. Кроме того, рост промышленного производства имел две важных особенности: с одной стороны, значительная часть продукции производилась на мелких предприятиях, целиком зависимых от рынка, с другой — крупные мануфактуры поставляли существенную долю продукции на экспорт, что оживляло и внешнюю торговлю, делая ее сбалансированной (оборот внешней торговли предреволюционной Франции более чем в полтора раза превышал объем ее промышленного производства).

В-третьих, резкий импульс товарному обращению придало превращение в товар рабочей силы (этот процесс мы эмпирически наблюдаем уже с XIII в.). Если торговля рабами в античные времена велась достаточно узким кругом лиц, чаще всего принадлежавших к аристократическому слою, то в средние века покупка и продажа рабочей силы осуществлялась постоянно и на широкой основе. Покупателями ее становились в той или иной мере фактически все работавшие на рынок субъекты производства. Вовлечение данного товара в рыночные отношения было весьма важным еще и потому, что купля-продажа рабов сводилась к одномоментному акту, в то время как рынок рабочей силы оказывался постоянно воспроизводящимся. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что рабочую силу приобретали исключительно с точки зрения экономической целесообразности. Значительная часть наемных работников трудилась в хозяйствах, производивших продукцию для ее последующей реализации на рынке.

В-четвертых, происходило становление отвечающей потребностям рынка системы финансовых институтов и инструментов. Как следствие усовершенствования денеж-

ной системы и системы обращения разного рода долговых обязательств возникли банки и биржи. Начало данному процессу положили займы правительств — система, совершенно неизвестная античному миру, который знал только санкционированную государством порчу монеты и снижение ее реальной рыночной стоимости. Правительства же европейских государств, начиная с XIV-XV вв., активно использовали разного рода инструменты заимствования. Тем самым возникал финансовый рынок, широкое распространение которого — важное косвенное свидетельство высокой степени товаризации средневекового хозяйства.

Однако для того, чтобы определить хозяйство средневековой Европы как *товарное хозяйство системного типа*, необходим анализ не столько количественных, сколько качественных факторов. Его результат свидетельствует о том, что товарный обмен в данный период был не просто широко распространен: *в хозяйстве периода позднего феодализма не существует секторов, которые не были бы вовлечены в товарные отношения.* Данное явление, конечно, не следует смешивать со всеобщим товарным хозяйством, однако, совершенно очевидно, что между ними не существует жесткой границы: системное товарное хозяйство переходит во всеобщее в результате количественного роста товарных потоков, активизации обменных операций и формирования слоя наемных работников как автономного и структурированного класса общества.

Однако системное товарное хозяйство, и это необходимо подчеркнуть особо, в силу своего внутреннего потенциала, предполагающего бурное развитие, нестабильно, формы его постоянно меняются. Исторически рождаясь из структурного, системное товарное хозяйство постоянно порождает всеобщее товарное производство, являющееся высшей точкой развития экономической общественной формации. Именно внутреннее развитие, присущее системному товарному производству как открытой в будущее хозяйственной форме, обусловливает те важные

социальные и политические сдвиги, которые происходят под его влиянием в феодальном обществе.

Развитие товарного хозяйства, которое в античный период не могло серьезным образом воздействовать на фундаментальные устои общества, базовые отношения собственности и классовую структуру, в средневековой Европе приводит к последствиям, оказавшимся катастрофическими для представителей господствующего класса.

Как известно, экономической основой феодального строя являлась монополия аристократии на землю. По мере развития ремесла и промышленности, по мере роста доли промышленной продукции в национальном продукте земля утратила значение исключительного фактора в процессе производства, и роль (как экономическая, так и политическая) земельных собственников стала снижаться. Земля осталась лишь весьма важным средством вложения капитала как с целью сохранения его от обесценения, так и для производства сельскохозяйственной продукции, реализуемой на рынке. Как следствие, аристократы зачастую были вынуждены продавать или закладывать свои поместья, а буржуа и торговцы начали вкладывать свои капиталы в землю. Все это способствовало сокращению дворянской земельной собственности, которая была единственным экономическим основанием власти и могущества аристократии. Когда же ситуация, при которой господствующие сословия перестали владеть абсолютным большинством земель фактически во всех европейских монархиях, стала реальностью, экономическая основа их власти была подорвана, и на континенте со всей определенностью возникли первые призраки антифеодальных революций.

§ 3. Деструкция экономических основ власти аристократии. Вызревание политических предпосылок антифеодального переворота

XVIII в. стал последним столетием господства феодальной системы. И если политическая форма общества еще давала возможность говорить о его феодальном характере, если королевские дворы еще блистали своими роскошными резиденциями, то хозяйственные основы уже свидетельствовали о его нефеодальной природе. Могущество господствующего класса по-прежнему базировалось на двух факторах: с одной стороны, аристократия сохраняла монополию на землю как на основное условие производства, а с другой, — дворянское сословие полностью контролировало институты политической власти, что давало ему возможность устанавливать контроль над налогами и использовать в своих целях средства казны. К середине XVIII в. как первый, так и второй факторы носили по преимуществу политический характер, и потому даже самые радикальные изменения существовавшего тогда строя не должны восприниматься как социальная революция в классическом марксовом понимании этого термина, обладая преимущественно политическим характером. Чтобы вскрыть их причины, следует прежде всего дать оценку истинному состоянию богатства привилегированных сословий (особенно земельной собственности), а также проанализировать значение государственного бюджета как средства пополнения состояний дворянства и духовенства. Это даст нам возможность понять причину перерождения феодального общества накануне революции и показать, каким образом рамки товарного хозяйства расширились к этому времени до пределов всего экономического целого.

Начнем с оценки земельной собственности. Система средневекового хозяйства основывалась на сложном механизме реализации феодальной собственности на землю, который принимал различные, порой весьма запутанные, формы. Между тем уже в XVI в. были заложены основы тех процессов, которые определили закономерности поземельных владений в предреволюционной Франции. Это в первую очередь приобретение значительных количеств земли представителями третьего сословия — крестьянами и торговцами. Как подчеркивает А.Д.Люблинская, «именно XVI век явился переломным веком в развитии аграрных отношений во Франции и с полным правом должен именоваться первым этапом первоначального накопления в этой стране»[1].

Говоря о распределении земельной собственности в последние столетия перед Французской революцией, не приходится отрицать все те элементы социальной несправедливости (неравномерность распределения, паразитизм праздных классов и т.д.), о которых говорили знаменитые трибуны Революции. Вместе с тем к XVII в. уже была безвозвратно утрачена *монополия* на землю, являвшаяся единственной прочной материальной опорой феодального режима. Потеряв ее, он оставался всего лишь ширмой, которая не могла долго скрывать за собой уже сложившуюся новую хозяйственную структуру.

В конце XVII в. дворянство как класс в большинстве стран континентальной Европы и Англии составляло не более двух процентов населения. Так, для североитальянских государств — Тосканы, Пьяченцы и Ломбардии — наиболее адекватной, по различным источникам, является цифра, не превосходившая одного процента[2] в Англии не более 2.5 процента семей получали годовой доход более 200 фунтов, причем сюда входили не только дворяне-

---

[1] *Люблинская А.Д.* Франция в начале XVII в. (1610-1620 гг.). Л., 1959. С.23

[2] См.: *Nasalli Rocca E.* Il Patriciato Piacentino nell'eta del principato.// Studi in onore di Cesare Manaresi. Roma,1952. P.227-257

землевладельцы, максимальное число которых вместе с семьями не превышало для всего королевства 600-700 человек[1].

Как отмечает Ф.Бродель, во Франции начала XVIII в. старинное дворянство составляло не более 80 тыс. человек, а численность первого сословия (вместе с новыми дворянами) не поднималась выше 300 тыс. человек. По мнению автора, относительное количество дворян не превышало, таким образом, 1.5 процента общей численности французского населения[2].

Аналогичные данные могут быть приведены и для духовенства. По данным авторов комментариев к русскому переводу книги Ж.Жореса «Социалистическая история Французской Революции», во второй половине XVIII в. на территории Франции находилось 139 епископств и более 34 тыс. приходов, а высшее духовенство состояло из 2900 прелатов и кафедральных каноников, 5-6 тыс. коллегиальных каноников и 3 тыс. духовных лиц без бенефициев. Низшее духовенство составляло около 60 тыс. человек. Прибавляя к этому числу обитателей мужских (25 тыс.) и женских (40 тыс.) монастырей[3], получаем цифру, схожую с данными Р.Моо о численности духовенства в 130 тыс. человек[4], что составляет, по мнению комментаторов Жореса, не более 1.8 процента населения.

Исходя из числа лиц дворянского сословия, нетрудно установить неравномерность распределения земельной собственности. Дворяне в начале и середине XVIII в. владели весьма обширными земельными угодьями. Так, данные за 1717 г., использовавшиеся при исчислении

---

[1] См.: *Parreaux* A. La societe anglaise 1760-1810. P.,1966. P.8

[2] Согласно статистике конца XVIII в., население Франции накануне революции составляло 25 млн. человек. Сельское население преобладало, доходя до 17 млн. человек. 8 млн. жили в больших и мелких городах (см.: *Boiteau P.* Etat de la France en 1789. P.,1889. P.6)

[3] См.: *Жорес Ж.* Социалистическая история Французской Революции. Т.I. Кн. 1. С.202

[4] См.: *Moheau R.* Recherches sur la population de la France. P., 1778. L. 1-2

тальи, показывают, что в центральных районах Франции по 22 процента земель имели в собственности дворяне и священнослужители, 43 процента составляла крестьянская собственность и 13 процентов — собственность буржуазии[1]. Некоторая корректировка этих цифр для северных провинций Франции того же периода предоставляет следующие данные о наличии собственности: у дворян и священнослужителей — по 20-25 процентов; у крестьян — около 40 процентов; у городской буржуазии — 13.5 процента[2].

Нельзя не отметить и серьезные различия в распределении земель по отдельным провинциям Франции.

Наибольшей земельной собственностью дворяне и священники владели в северных областях, на юге же значительные земельные угодья принадлежали третьему сословию. Так, по данным И.Лучицкого, в середине XVIII в. дворянская земельная собственность в северном департаменте Лаона составляла 41.7 процента от той, что находилась в руках дворянства, церкви и буржуазии, тогда как в Лимузене — не более 32.6 процента. Соответственно доли буржуазной собственности составляли 15.1 и 58.9 процента[3]. Надо только принять во внимание, что все эти данные не учитывают размеров крестьянского землевладения.

Накануне революции владения церкви, существенно различавшиеся по отдельным провинциям, были незначительны. Данные о 20 процентах церковных земель в Парижском районе, Пикардии, департаменте Нор, Артуа и Эна резко отличаются от сводок по департаменту Кот-дю-Нор (0.025 процента) и району Тьера (0.6 процента)[4]. В среднем же доля церковной собственности не

---

[1] См.: *Goubert P.* A Regional Case Study of the Seventeenth-Century Peasantry. / The Peasantry in the Old Regime. Ed. by I.Woloch. N.-Y., 1970. P.32

[2] См.: *Люблинская А.Д.* Французские крестьяне в XVI-XVIII вв. Л., 1978. С.47

[3] См.: *Лучицкий И.В.* Крестьянское землевладение во Франции накануне революции. Киев, 1900. С.119

[4] См.: *Жорес Ж.* Указ. соч. Т.I. Кн.1. С.201-202

превышала 10 процентов. Однако она не только оценивалась в 4 млрд. ливров и давала ежегодный доход от 80 до 100 млн., но и гарантировала многочисленные поборы в пользу церкви. Размер десятины составлял не менее 120 млн. ливров в год, более 10 млн. выплачивалось за проведение церковных обрядов или назначалось в качестве милостыни монастырям и монашеским орденам. По расчетам М.Ковалевского, ежегодные доходы церкви составляли не менее 236 млн. ливров[1].

Эти весьма значительные цифры говорят, однако, отнюдь не о всемогуществе дворянства и церкви, а, напротив, констатируют весьма незначительную их роль как в землевладении, так и в присвоении общественного богатства. Совершенно очевидно, что доля земельной собственности, находившейся в руках третьего сословия, заметно превышала феодальное землевладение. Представление об этом дают предельные значения собственности для отдельных сословий, которые составляют: для дворянства — от 9 до 44 процентов, для духовенства — от 6 до 20 процентов, для крестьянства — от 22 до 70 процентов[2].

Таким образом, крестьянская собственность в 2-2.5 раза превышала дворянскую, и в 3-4 раза — собственность духовенства.

При этом активно шел процесс перераспределения собственности в пользу третьего сословия. Так, исследуя движение земельной собственности в Лимузене, И.Лучицкий отмечает, что 70 процентов всех земель за последние двадцать лет перед революцией буржуазия приобрела у дворянства и еще 17 процентов — у духовенства. Эти наделы, как правило, перепродавались, причем конечными покупателями выступали крестьяне (от 80.5 до 100

---

1 См.: *Ковалевский М.* Происхождение современной демократии. Т.I. М., 1895. С.132

2 См.: *Lefebvre G.* Les recherches relatives a la repartition de la propriete et de l'exploitation foncieres a la fin de l'Ancien Regime. / Revue d'histoire moderne. 1928. № 2. P.103-125; *Soboul A.* La civilisation de la Revolution francaise. P., 1970. P.113

процентов всех таких продаж)[1]. Автор заключает: «из всей суммы той земли, которая была предметом купли и продажи, дворянство приобрело всего 9.5 процента, а отчуждило 49.5... буржуазия выиграла 30.6 процента и потеряла 36.6; потери и выигрыш духовенства выразились в незначительных размерах: 4.9 процента было приобретено и 5.3 потеряно. Таким образом, в Лимузене в выигрыше оказалось одно лишь крестьянское население. На его долю в предреволюционном процессе перемещения собственности досталось около 55 процентов всей земли, переходившей из рук в руки, и только 8.5 процента этой земли было им потеряно»[2].

Таким образом, процесс перемещения земельной собственности шел весьма активно, и, как отмечает Ж. Жорес, «налицо было бесчисленное множество сельскохозяйственных владений, свободных от всяких феодальных повинностей, а буржуазная промышленная собственность... создавалась и росла от дня в день вне всякого влияния феодалов». Совершенно справедлив и последующий вывод автора: «если бы французское общество XVIII в. не страдало другими пороками, кроме досадного пережитка устаревшей системы, оно не нуждалось бы в лечении посредством революции»[3].

Экономическая власть феодалов, подорванная во многом благодаря распылению собственности и потере контроля над крупными земельными владениями, не могла обеспечить присвоения значительной доли общественного богатства. Так, накануне революции стоимость совокупного продукта французского сельского хозяйства, по данным А.Юнга, составляла 5.5 млрд. ливров[4], а промышленной продукции, по данным Г.Кунова, — 1 млрд.[5]. При

---

[1] См.: *Лучицкий И.В.* Указ. соч. С.186-187

[2] См.: Там же

[3] *Жорес Ж.* Указ. соч. Т.I. Кн. 1. С.52

[4] См.: Там же.

[5] См.: *Кунов Г.* Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789-1794 гг. М., 1919. С.31

этом прибавочный продукт в земледелии и промышленности достигал суммы, превышающей 2 млрд. ливров. Расширялся и оборот внешней торговли, выросший со времен Утрехтского договора в четыре раза. В 1787 г. стоимость экспорта составила 524 млн. ливров, а положительное сальдо внешней торговли превысило 200 млн.[1]. Между тем непосредственные доходы феодалов, получаемые ими за счет монополии на средства производства, не поднимались выше 100 млн. ливров. Церковная десятина также не стала главным источником истощения жизненных сил нации.

Между тем представители феодальной аристократии предпринимали определенные усилия для того, чтобы приспособиться к новым экономическим отношениям, и, нельзя не отметить, что некоторые из них достигли при этом заметных успехов.

Феодалы и священнослужители стали сдавать свои земли в аренду, понимая, насколько новая система экономически выгоднее барщины и оброка. На сдаваемых землях фактически устанавливалась капиталистическая система земледелия. Так, рассматривая доходы одного из крупных монастырей, А.Д.Люблинская отмечает резкое сокращение традиционных источников прибылей и повышение их от сдачи в аренду не только земель, но даже недвижимости, специально приобретаемой для этих целей. По приведенным ею данным, «общая сумма доходов внесеньориального происхождения составляла в 1530 г. 63.1 процента, в 1789 г. — 88.6 процента. Из сеньориальных доходов ценз фактически исчез, а доля десятины упала почти втрое, в то время как доход от арендной платы с крупных ферм, составлявших 60 процентов земельных владений, достигал в 1789 г. 63.4 процента. Таков был удельный вес капиталистической ренты в доходах монастыря; мелкая аренда давала ему 25.2 процента»[2].

---

[1] См.: *Жорес Ж.* Указ. соч. Т.I. Кн.1. С.102

[2] *Люблинская А.Д.* Французские крестьяне в XVI-XVII вв. С.156

Экономическое положение феодалов и степень проникновения в их хозяйства новых отношений были различными. Выше мы отмечали, что доля феодальной собственности в отдельных районах весьма сильно различалась; соответствующими были и модификации хозяйственных укладов. Во многих районах страны распространились фермерские хозяйства. Так, по свидетельству Л.А.Пименовой, «в 12 сеньориях юга Амьенуа в Пикардии феодальные повинности давали в XVIII в. в среднем около 25 процентов дохода. От 17 до 41 процента сеньоры получали от сдачи в аренду земель домена. Самыми значительными были поступления от хозяйственного использования лесов — от 40 до 75 процентов. В двух сеньориях Нормандии на долю феодальных повинностей приходилось 12.52 и 17.50 процента доходов. Самый крупный земельный собственник Верхнего Мэна граф де Тессе получал с 12 сеньорий за счет повинностей в среднем только 10.8 процента дохода»[1]. Между тем в тех областях, которые оставались оплотами старого дворянства, превалировали феодальные порядки. Здесь «в доходах дворян-сеньоров удельный вес традиционных феодальных повинностей оставался очень значительным. В Бретани они давали 34.5 процента дохода в 25 сеньориях семьи Шатожирон и 57 процентов — в 6 сеньориях диоцеза Ренн. В 37 сеньориях верхней Оверни доля доходов от повинностей достигала 34.31 процента; в округе Тюль в Лимузене — 33.21 процента. В Бургундии, в округе Семюр-аг-Оксуа, удельный вес дохода от повинностей колебался от 10 до 63 процентов и в среднем был выше 30 процентов. В трех сеньориях Франш-Конте повинности давали 60-100 процентов дохода, в двух сеньориях Пуату — свыше 2/3»[2].

Однако рост доходов дворян от сдачи в аренду своих земель или взимания платы за пользование лесами гово-

---

[1] См.: *Пименова Л.А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М.,1986. С.45

[2] См.: Там же. С.44

рил о более эффективном использовании прежнего ресурса — монополии на земли и угодья, которой феодалы владели со времен Средневековья. Принципиальное же значение с точки зрения нашего анализа может иметь лишь факт массового выхода за пределы старого феодального круга: использование дворянского капитала в торговле и промышленности. В значительном числе случаев так называемое «новое дворянство» стремилось как можно быстрее занять свое место в широко распространяющихся буржуазных хозяйственных формах. Основные капиталы дворяне начали вкладывать в ростовщичество, что было особенно характерно для Парижа и южных районов Франции. В Париже, Тулузе и многих других городах наиболее крупными кредиторами становились дворяне. К ним поступало более 81 процента всех доходов по ссудам частным лицам и около 86 процентов — от государственных рент[1].

Во второй половине XVIII в. дворяне начали вкладывать капиталы в торговлю и промышленность, однако, продолжали в основном оставаться лишь собственниками производств, в ряде случаев сдавая их в долгосрочную аренду предпринимателям-капиталистам. В главных районах французской металлургической промышленности дворянам принадлежало от 52 до 63 процентов металлургических предприятий[2].

Однако, несмотря на определенные перемены в статусе дворянства и попытки некоторых его членов инкорпорироваться в новые экономические реалии, эти возможности всячески пресекались основной массой дворян, контролировавшей государственный аппарат. Только с 1767 г. дворяне получили право владеть мануфактурами и банками[3]. Феодальная знать, традиционно ориентированная на получение основных доходов от службы двору,

---

[1] См., например: *Sentou J.* Fortunes et groupes sociaux a Toulouse sous la Revolution. Toulouse, 1969. P.81-82

[2] См.: *Richard G.* Noblesse d'affaires au XVIII siecle. P., 1974. Ch. 5

[3] Op. cit. P.18

упорно не желала отступаться от прежних привилегий и упускать из рук политическую власть.

В сложившейся ситуации создался прецедент, в наиболее полной мере отражающий и подтверждающий слова К.Маркса относительно политической природы буржуазных революций. Ранее, рассматривая созданную основоположниками марксизма концепцию революционных изменений, происходящих в рамках экономической общественной формации, мы отмечали в качестве наиболее удачной формулировки, определяющей суть буржуазной революции, следующий тезис, выдвинутый К.Марксом и Ф.Энгельсом в «Немецкой идеологии»: «...ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), — властью, которая в конечном счете может быть сломлена только посредством революции»[1]. Это положение прекрасно иллюстрирует реальную социальную ситуацию, сложившуюся в предреволюционной Франции и разрешившуюся серией радикальных политических сдвигов, начиная с переворотов 1789-1792 гг., а также последовавших за ними гражданской войной, реакцией и установлением режима первой империи.

Однако не засилье феодальной собственности, на которое часто ссылались трибуны революции, и не подавление нации духовенством и королевской властью послужили поводом к революции, а противоречия между базисными экономическими и хозяйственными отношениями, с одной стороны, и политической надстройкой — с другой, что справедливо отмечали классики марксизма.

Итак, предреволюционная ситуация во Франции характеризовалась тем, что феодальная аристократия в значительной своей части потеряла собственность *на землю как фундаментальную основу* своего экономического

[1] *Marx-Engels Werke*. Bd.3. S.72

могущества. Однако та же аристократия, умело используя иерархичность средневековой социальной структуры, сумела *сохранить власть как инструмент перераспределения в свою пользу общественного достояния.* Тот факт, что власть может быть эффективной только в случае, если она опирается на отношения собственности, аристократией как бы «не принимался во внимание», и она все более радикальными методами пыталась заменить доходы от собственности доходами от своего положения в государственной структуре. Государственные финансы и бюджет королевства стали основой безбедного и зачастую праздного существования высших классов общества.

Последнее требует некоторых существенных пояснений. Дело в том, что в отличие от большинства европейских стран во Франции со времен окончания Столетней войны сформировался пусть не в полной мере совершенный, но нормально функционирующий механизм сбора налогов в централизованную казну, обеспечивавшую основные потребности государства. До конца XVI в., когда основные доходы дворянство в той или иной форме получало со своих земельных владений, государственные финансы пребывали в относительно благополучном состоянии. Их дестабилизация стала первым признаком отмирания традиционно феодального общества и свидетельством того, что системное товарное хозяйство постепенно исчерпывало себя, открывая дорогу всеобщему товарному производству.

Ко времени прихода к власти Генриха IV государственный бюджет получал в год около 25 млн. ливров. При этом основной прямой налог — талья — приносил около 19 млн., а соотношение косвенных налогов к прямым составляло около 34:100[1]. Существовали также другие налоги — эды, габель, позднее капитация, которыми облагались в основном представители третьего сословия.

---

[1] См.: *Гольцев В.* Государственное хозяйство во Франции XVII в. М., 1878. С.102

Начало кризиса государственного бюджета связано с испанской войной и первыми десятилетиями XVII в. Ожесточенная борьба крестьян, вылившаяся в серьезные волнения в 1597-1598 гг., снизила поступление тальи, причем в 1602 г. доход по этому налогу упал по отношению к уровню 1596 г. на 20 процентов. Всего же с 1596 по 1610 гг. снижение поступлений составило 12 процентов[1], или, как отмечают исследователи, казна потеряла около 2 млн. ливров[2]. Между тем реформы А.Сюлли привели к тому, что соотношение косвенных и прямых налогов в 1609 г. составляло уже 72.84 к 100[3], в результате чего общее налоговое бремя даже выросло.

Между тем именно в последние годы правления Генриха IV наступил период, непосредственно предшествовавший расстройству государственных финансов, не преодоленному до самой революции. Если в 1604 г. расходы на армию и ведение военных действий составляли лишь самую незначительную из четырех основных статей бюджета, то уже с 1610 г. они стали главной расходной статьей, а с 1620 г. превысили все остальные расходы, вместе взятые. Несмотря на то, что первые годы правления Людовика XIII, а затем и период министерства Ришелье были мирными годами, обеспечение армии требовало 23 млн. ливров в год, т.е. 65 процентов всего бюджета королевства[4], в то время как в 1630 г., например, расходы на содержание двора составляли около 5 млн. ливров, пенсии и пожертвования требовали 3.5 млн. прочие расходы составляли немногим более 2 млн. Однако и это было только началом. В последней трети XVII в. доля военных расходов в королевском бюджете (за исключением средств, направляемых на обслуживание госу-

---

1 См.: *Clamageran J.J.* Histoire de l'impot en France. T.II. P., 1868. P.360

2 См.: *Mariejol J.* Henri IV et Louis XIII. P., 1911. P.59

3 См.: *Гольцев В.* Указ. соч. С.102

4 См.: *Hayden J.M.* France and the Estates General of 1614. Cambridge, 1974. P.22

дарственного долга) составляла от 75 до 83 процентов[1], причем периоды войны и мира фактически не оказывали воздействия на эту устойчивую величину.

Основные средства государственного бюджета направлялись непосредственно или опосредовано на поддержание благосостояния высших классов общества. Уже с начала царствования Людовика XIV члены Королевского совета, статс-секретари, канцлеры и сюринтенданты финансов стали получать огромные жалованья, достигавшие 100 тыс. ливров в год и более[2], каждое из которых составляло до 0.15 процента всех доходов бюджета. Возникла практика продажи должностей, причем цена их достигала 700 и более тысяч ливров, что превышало один процент всех бюджетных поступлений[3].

Подобная практика была выгодна государству, так как торговля должностями привлекала значительные суммы в королевский бюджет. Поступления в него от продажи должностей выросли с 1675 по 1715 гг. почти в 20 раз, с 2.1 до 38.8 млн. ливров в год[4], но данные выгоды были временными и впоследствии огромные жалованья и пенсии, определенные для занимающих продаваемые должности лиц, сводили на нет все плюсы подобной торговли. Не случайно этот подход встречал решительное сопротивление многих реалистично мыслящих финансистов, в первую очередь Кольбера.

Несмотря на это, выплаты сановникам в начале XVIII в., при Людовике XV и в первые годы царствования Людовика XVI, резко возросли[5]. Четверть всех гражданских расходов бюджета направлялись на содержание

---

1 См.: *Briggs R.* Early Modern France 1560-1715. Oxford, 1977. Graph 5

2 См.: *Копосов Н.Е.* Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990. С.211

3 См.: *Mousnier R.* Le Conseil du Roi de Louis XII a la Revolution. P., 1970. P.186, 188

4 См.: *Briggs R.* Early Modern France 1560-1715. Graph 7

5 См.: *Button D.* The French Nobility in Crisis 1560-1640. Stanford, 1969. P.123-124

королевского дома (до 25 млн. ливров в год) и пенсии аристократам (31 млн. ливров)[1]. В военном бюджете, который составлял в предреволюционные годы более 76 процентов всех государственных расходов, 46 млн. ливров было предназначено для выплаты жалованья 12 тыс. офицеров-дворян, тогда как 135 тыс. солдат обходились казне лишь в 44 млн. ливров[2]. При этом особенно серьезные противоречия возникали в связи с неравномерным налогообложением отдельных сословий. Значительные состояния и крупная собственность, принадлежавшие в основном аристократии, освобождались от налогов, в то время как представители третьего сословия несли всю их тяжесть. С начала XVII в. соотношение между поступлениями платежей от третьего сословия и привилегированных классов составляло 3 к 1, а перед революцией стало еще более неравномерным: если духовенство «уплачивало государству в виде налогов никак не больше четверти своего дохода, дворянство только одну шестую, то третье сословие приблизительно две трети»[3].

Однако наиболее полно кризис государственного бюджета выявился накануне прихода к власти Генриха IV. Если в XVI в. дефицит фактически отсутствовал, то теперь он приобрел поистине фантастические размеры. Усилия А.Сюлли привели к устранению дисбаланса, и последние годы его правления ознаменовались положительным сальдо платежного баланса. Между тем уже в начале царствования Людовика XIII казна пришла в упадок. Начиная с 1615 г. средства, сбереженные при Генрихе IV, растрачивались, и правительство вынуждено было прибегать к широкомасштабным займам. Уже в 1614 г. было занято 600 тыс. ливров, а в последующие годы заимствования выросли и проценты по ссудам достигли

---

[1] См.: *Braesch F.* Les Recettes et les depenses du Tresor pour l'annee 1789. Le compte rendu au Roi, de mars 1788. Le dernier budget de l'Ancien Regime. P.,1936. P.193

[2] См.: *Жорес Ж.* Указ. соч. Т.I. Кн. 1. С.55

[3] *Кареев Н.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879. С.168

25 процентов годовых. В 1623 г. сумма ренты только на парижский муниципалитет (*rentes sur l'Hotel-de-Ville*) достигла 2.5 млн. ливров. К концу 1626 г. был потрачен не только весь предполагаемый доход 1627 г., но и треть 1628 г. И это при том, что солдаты не получали жалованья три (!) года[1].

Попытки финансовых реформ, предпринятых сюринтендантом финансов маркизом д'Эффиа и кардиналом Ришелье, привели главным образом к переструктуризации долга и совершенствованию его обслуживания, но не более. Суммарный долг казны вырос за пятьдесят лет (с 1610 по 1660 гг.) с 65 до почти 800 млн. ливров[2]. Правительство прибегло к залогам значительной части государственных имуществ. Несмотря на все усилия Ришелье, ему не удалось выкупить заложенные земли королевского домена[3]. Государство вынуждено было отдавать подати на откуп, в результате чего сознательно шло на потерю 18-23 процентов налогов, которые забирали себе откупщики[4]. По данным, приводившимся в докладах д'Эффиа и Ришелье на парижской ассамблее в декабре 1626 г., из 19 млн. ливров, получаемых в виде тальи, до казны доходило только 6 млн., а из 7.4 млн. ливров габели — только 1 млн. Остальные средства шли на погашение государственных обязательств или оседали у откупщиков налогов, число которых превысило 22 тыс.[5].

Последняя попытка радикально изменить ситуацию была предпринята Кольбером. Как только он начал проводить самостоятельную финансовую политику, доходы королевства (с 1662 г.) стали превосходить расходы, причем доходная часть бюджета (с 1661 по 1671 гг.) удвои-

---

1 См.: *Гольцев В.* Указ. соч. С.90

2 См.: *Briggs R.* Op. cit. Graph 6

3 См.: *Люблинская А.Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л., 1982. С.40

4 См.: *Гольцев В.* Указ. соч. С.90

5 См.: *Treasure G.R.R.* Cardinal Richelieu and the Development of Absolutism. L., 1972. P.201

лась[1]. В отличие от своих предшественников, Кольбер по-новому подошел к проблеме подъема доходов казны. Во-первых, был принят целый ряд актов, поощрявших мануфактурную деятельность и торговлю, причем многие крупные мануфактуры, включая знаменитых Гобеленов, были превращены в королевские. Большинству из них выдали специальные грамоты, которые подчеркивали их отличие от цеховых производств и ставили, таким образом, вне стесняющих производство цеховых предписаний[2]. Был принят протекционистский таможенный закон[3], начали создаваться крупные государственные компании в области внешней торговли. В 1660 г. была реорганизована Вест-Индская компания, получившая на сорок лет монополию на торговлю с Северной и Южной Америками. Ост-Индской компании в 1664 г. был пожалован Мадагаскар. В 1670 г. учредили Левантийскую компанию для торговли со странами Ближнего Востока, а через два года — Северную для торговли со Скандинавскими странами и Россией[4]. Дополнительные средства, привлекаемые в бюджет, в том числе и от государственной торговли, помогли осуществить самое значительное достижение министерства Кольбера. Им стал выкуп королевского домена и начало эффективного использования королевской собственности. В результате домен, который ранее приносил лишь убытки, в 1671 г. дал 5 млн. ливров чистого дохода[5].

Под руководством Кольбера правительство начало резкое сокращение государственных расходов. Размер государственного долга снизился с более чем 700 до 210 млн. ливров. Подобное по своим масштабам никогда более не повторялось во французской истории. Текущие

---

[1] См.: *Кожокин Е.М.* Государство и народ. От Фронды до Великой французской революции. М., 1989. С.71

[2] См.: *Кунов Г.* Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789-1794 гг. С.31

[3] См.: *Кожокин Е.Н.* С.71

[4] См.: *Lodge E.C.* Sully, Colbert, and Turgot. A Chapter in French Economic History. L., 1969. P.160

[5] См.: Там же. С.69

расходы бюджета сократились с 52 до 24 млн. ливров[1]. Были выкуплены многие правительственные должности, что резко снизило затраты на содержание двора[2]. При этом Кольберу удалось на протяжении первых лет своего управления серьезно снизить талью, хотя и за счет роста прочих налогов.

Главным же достижением новой политики стала высокая степень предсказуемости сбора налогов: до 85 процентов бюджетных поступлений обеспечивалось за счет регулярных налогов, и только 15-20 процентов приносили экстраординарные сборы[3].

Однако подъем продолжался не более десяти лет. С 70-х гг., когда началась голландская война, масштабные государственные проекты потребовали дополнительного финансирования. В результате с 1672 г. был начат выпуск новых государственных займов, сначала на сумму 200 тыс. ливров, а в 1682 г. — уже на 5 млн.

Ставки колебались от 5.5 до 7.14 процента годовых[4]. С 1674 г. начинает действовать постоянная заемная касса (*caisse des emprunts*), обеспечивающая доход по вкладам в размере пяти процентов годовых. Одновременно талья, сниженная с 42 млн. ливров в 1661 г. до 33.8 млн. ливров в 1671 г., в 1675 г. вновь возросла до 41 млн.[5]. Косвенные налоги в этот период росли еще быстрее и их отношение к прямым достигло невиданной пропорции: 162.69:100[6]. Однако даже эти меры не помогли стабилизировать бюджет королевства. После смерти Кольбера правительство все чаще стало обращаться к экстраординарным источникам его пополнения. С 1689 по 1700 гг. посредством ординарных налогов обеспечивались поступления лишь

---

1 См.: *Кожокин Е.М.* Указ. соч. С.69

2 См.: Там же.

3 См.: *Briggs R.* Early Modern France 1560-1715. Graph 6

4 См.: *Гольцев В.* Указ. соч. С.96-97

5 См.: *Базаров И., Степанов И.* Общественные отношения во Франции XVII и XVIII вв. СПб., 1902. С.49, примеч.

6 См.: *Гольцев В.* Указ. соч. С.102

на 78 млн. ливров, в то время как средние ежегодные расходы государства составляли 183 млн.[1]. Как следствие началось беспрецедентное нарастание государственного долга. С начала 80-х гг. в обращение были выпущены казначейские билеты. Если в 1683 г. сумма бумажных денег составляла около 20 млн. ливров, то к 1715 г. она выросла более чем в двадцать раз и превосходила 400 млн. Неконтролируемый рост государственного долга с 1683 по 1715 гг. привел к тому, что задолженность казны вплотную приблизилась к астрономической сумме в 2 млрд. ливров[2].

Бюджетные проблемы, принявшие подобные масштабы, не только не были разрешены в XVIII в., но и приобрели еще большую остроту. Мы вполне солидарны с мнением Ж.Кореса, задающего в своей книге вопрос: «Как в условиях такого двуличия королевской власти могла совершиться Революция? Что послужило непосредственным поводом для нее? Что стало средством для ее осуществления?» и однозначно отвечающего: «Поводом для Революции стал невыносимый дефицит бюджета»[3]. Актуальность данной проблемы не переоценена автором. Именно в 70-е гг. XVIII в. наметился исключительно быстрый рост дефицита бюджета: с 37 млн. ливров в 1774 г. до 80 млн. в 1783 г., 112 млн. в 1787 г. и 126 млн. в 1788 г.[4].

Страна являлась банкротом; сумма внутренних заимствований, заложенная в бюджете на 1788 г., фактически соответствовала всем гражданским расходам бюджета[5]. Согласно отчету, представленному Неккером Учредительному собранию, государственный долг в 1789 г. составлял 4.47 млрд. ливров, причем около половины этой суммы

---

[1] См.: *Энгельгардт Р.Ю.* Социально-экономическое положение Франции в конце XVII-начале XVIII в. Кишинев, 1976. С.13

[2] См.: *Briggs R.* Early Modern France 1560-1715. Graph 6

[3] *Жорес Ж.* Указ. соч. Т.I. Кн. 1. С.63

[4] См.: *Shapiro M.* The Penniless Billionaires. P.58

[5] Жорес Ж. Указ. соч. Т.I. Кн. 1. С.204

представляли собой вечные или пожизненные ренты, приносившие доходы высшей аристократии[1]. Обеспечение платежей по государственному долгу потребовало в 1788 г. 51 процента всех расходов бюджета, что соответствовало 63.5 процента реально полученных доходов[2]. Было совершенно очевидно, что финансовое положение является критическим, и политическая катастрофа становится неизбежной.

Что могло спасти экономику? Ответ был совершенно очевидным, и данная программа была по сути реализована революционерами. Отказ от привилегий первого сословия сокращал долг практически вдвое. Вторая половина долга фактически равнялась стоимости церковных имуществ, определенной в докладе Шассе Учредительному собранию. Национализация имущества церкви и отказ от феодальных привилегий полностью позволяли произвести все выплаты по государственному долгу. Эти же меры, ликвидировавшие долг казны, автоматически приводили к экономии ежегодно выплачиваемых в виде процентов по ссудам 318 млн. ливров, что обеспечивало полуторакратное превышение бюджетных доходов над расходами[3]. Возможность беспрецедентного снижения налогов была бы достаточна для снятия самой серьезной социальной напряженности в обществе.

Однако политическая верхушка королевства не была способна на такие меры. Напротив, последние десятилетия перед революцией ознаменовались беспрецедентным повышением тяжести налогового бремени. В целом по сельской местности Франции налоги выросли за тридцать предреволюционных лет на 60 процентов. Встречаются и вовсе экстраординарные случаи, когда в отдельных местностях от конца правления Людовика XIV до революции одна только талья выросла в 8.5 раз[4]. Сборщики налогов

---

1 Жорес Ж. Указ. соч. Т.I. Кн. 1. С.76-77

2 Там же. С.204

3 См.: *Жорес Ж.* Указ. соч. С.77, 204

4 См.: *Кареев Н.* Крестьяне и крестьянский вопрос... С.167

стремились получить максимальные суммы, так как далеко не все из собранных средств шли в казну, оседая в карманах откупщиков. Никого не волновали тяжелые последствия налогового бремени для хозяйства отдельных районов. Осуждая царившую в стране неразбериху, Неккер обращает внимание, например, на то, что Шампань, лишь на одну пятую превосходящая по населению Франш-Контэ, платит налогов в шесть раз больше последней[1].

Таким образом, не желая замечать новой экономической ситуации, политическая верхушка страны пыталась восстановить хозяйственную систему, свойственную феодализму, чем планомерно и методично уничтожала предпосылки хозяйственного развития в экономике, где главным агентом *de facto* стало третье сословие.

Оно было искусственно поставлено в условия, фактически исключавшие возможности пользоваться плодами собственного труда. Политический переворот должен был стать той естественной реакцией на подобные проявления паразитизма привилегированных сословий, которая не могла не возникнуть в условиях общего кризиса всех государственных институтов. Ею и стала череда политических столкновений и переворотов 1789-1794 гг.

Революция изменила общественный строй и ввергла Францию в период сначала гражданской, а затем и европейской войны, продолжавшейся с перерывами до 1815 г. Завоевания Революции, выразившиеся для буржуазии в первую очередь в статьях Гражданского кодекса 1804 г., во многом *de jure* повторяют то, что *de facto* было обретено еще в начале правления Людовика XVI. Резкий рост промышленного производства в начале XIX в. может быть с большим успехом объяснен милитаризацией экономики и новыми техническими изобретениями, массовое применение которых в промышленности началось в этот период, нежели совершенствованием

[1] См.: *Necker J.* De l'Administration des finances. / Цит. по кн.: Documents of European Economic History. Ed. by S.Pollard and C.Holmes. Vol. 1: The Process of Industrialisation 1750-1850. L., 1968. P.136

производственных отношений, освободивших от оков производительные силы. Однако, как бы то ни было, революции XVIII и первой половины XIX вв. закрепили не только экономически, но и законодательно факт перехода от товарного производства системного типа к всеобщему, а в политической форме — от феодальной монархии к господству буржуазии.

§ 4. Буржуазные революции как констатация перехода от системного товарного хозяйства ко всеобщему. Политический характер буржуазных революций

Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. и образование Первой республики во Франции положило начало самой великой политической революции в истории человечества, на протяжении пяти лет приводившей в движение все народы Европы. Революция 1789-1794 гг. устранила французскую монархию, реквизировала собственность многих роялистов и часть собственности церкви, произвела гигантские изменения в менталитете нации, на двадцать пять лет противопоставив Францию всему остальному миру. Однако революция произвела не столько переворот в экономическом фундаменте общества, сколько в его политических институтах.

После всех перипетий революции, гражданской войны и завоевательных походов Наполеона правительство Людовика XVIII застало Францию в состоянии, которое не отличалось кардинальным образом от предреволюционной эпохи. Многолетние потрясения и войны не изменили основной ориентации французского хозяйства. Страна оставалась преимущественно сельскохозяйственной; промышленность получила в большей мере количественное, нежели качественное развитие; элементы промышленной революции проявились только в конце пер-

вой половины XIX в. Непосредственно же после завершения наполеоновских войн и реставрации власти Бурбонов французское хозяйство во многом копировало структуру, существовавшую в конце XVIII в.

При этом нельзя не отметить существенные социальные сдвиги в обществе. Дворянские привилегии были устранены, и буржуазия в городах занимала доминирующее положение. Между тем многие буржуа не отказались от стремления к дворянским титулам и обретения формальных атрибутов знати. Результатом реставрации Бурбонов явился приход к власти специфического симбиоза обогатившихся представителей третьего сословия и старой аристократии, причем доминирующую роль, по крайней мере в первое десятилетие после свержения Империи, играла последняя. Многим вернувшимся из эмиграции дворянам были возвращены ранее конфискованные имения. Естественным следствием этого стало издание целого ряда законов, направленных на поддержание и развитие французского сельского хозяйства, как основного источника доходов правящего класса. Как при Людовике XVIII, так и при его преемнике Карле X, Франция придерживалась протекционистских норм во внешней торговле, которые способствовали относительному процветанию сельского хозяйства. Развитие промышленности существенным образом тормозилось не только вследствие несовершенного законодательства, но также и по причине относительной малодоступности дешевого сельскохозяйственного сырья, ранее импортировавшегося из других европейских стран.

В результате стала восстанавливаться прежняя структура общественного производства. На долю сельского хозяйства в середине 20-х гг. XIX в. приходилось несколько более 5 млрд. франков национального дохода, тогда как во всех остальных отраслях промышленности, включая и государственные мануфактуры, национального дохода создавалось на 1.9 млрд. франков, а в торговле — на 1.8 млрд. Численность всех занятых в промышленности работников — ремесленников, мануфактурных и фабрич-

ных рабочих — не превышала 13-15 процентов от общего числа населения страны[1]. Хотя это и свидетельствует о росте доли промышленного производства в национальном доходе (приблизительно в 1.3-1.4 раза по сравнению с серединой XVIII в.), подобные цифры не дают возможности говорить об активном промышленном развитии в годы революции и Первой империи.

Несмотря на все меры королевского правительства, направленные к активизации сельскохозяйственного производства и повышению экономической роли старого дворянства, преимущество промышленности было достаточно очевидно, особенно в текстильной и металлургической отраслях, которые лучше всего отражали рост потребления населения и индустриального сектора. Статистические данные свидетельствуют о том, что после реставрации монархии промышленность стала развиваться значительными темпами по сравнению с последними годами наполеоновской эпохи. Это показывает, на наш взгляд, что никакие экономические свободы, никакое раскрепощение энергии третьего сословия, порожденное сначала Декларацией прав человека и гражданина, и затем не менее знаменитым Гражданским кодексом Наполеона, не могли компенсировать пагубное воздействие на экономику политической нестабильности, крайней милитаризации хозяйства и явной депопуляции как города, так и деревни, вызванной сначала взаимными репрессиями отдельных революционных групп, а позже — продолжительными завоевательными войнами времен Империи.

Все это может быть прекрасно проиллюстрировано статистическими данными. Так, если в 1812 г. шерстяная промышленность потребляла 35 тыс. тонн шерсти, то к 1825 г. этот уровень повысился почти в полтора раза и составил 50 тыс. тонн; стоимость изделий шелковой промышленности выросла с 1815 по 1830 гг. вдвое — с 40 до 80 млн. франков, а объемы потребления хлопка на прядильных мануфактурах увеличились с 1813 по 1830 гг.

---

[1] *Charlety S.* La Restauration. P., 1921. P.314-315

в три раза. Однако система организации производства претерпела при этом минимальные по сравнению с периодом старой монархии изменения: преобладала система мелкого полукустарного производства, при котором работники были объединены на основании принципов функционирования рассеянной мануфактуры. Так, в Лионе — главном центре французской промышленности — в 1831 г. 750 мануфактуристов передавали полученные подряды восьми тысячам мелких мастерских, выполнявших отдельные производственные операции и обеспечивавшие работой около 30 тыс. подмастерьев и наемных работников других категорий[1]. Не останавливаясь более подробно на принципах организации промышленности конца первой трети XIX в., отметим, что те 600 тыс. человек, которые были накануне революционных событий 1830 г. заняты в наиболее развитой отрасли промышленности — текстильной[2], составляли не более двух процентов всего французского населения.

Более заметными были прогрессивные сдвиги в горнорудной промышленности и металлургии, где была достигнута относительно высокая степень развития еще в дореволюционный период и по самой специфике предполагалось быстрое вытеснение ремесленных и мануфактурных форм крупным машинным производством. В результате объемы добытого во Франции каменного угля и выплавленного железа выросли за десятилетие с 1814 по 1825 гг. более чем в полтора раза, а показатели производства чугуна с 1818 по 1828 гг. — в два[3].

Подобный прогресс, однако, не должен восприниматься как выдающиеся успехи французской экономики по сравнению с прежними временами. Удар, нанесенный двадцатью пятью годами потрясений и войн, оказался

---

[1] См.: *Потемкин Ф.В.* Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937. С.66-67

[2] См.: *Потемкин Ф.В.* Промышленная революция во Франции. Т.1. М., 1971. С.189

[3] См: История Франции. В 3-х тт. Т.2. М., 1973. С.187

весьма значительным и не мог быть быстро преодолен. Несмотря на относительно быстрое развитие крупных городов и увеличение численности городского населения в период правления Людовика XVIII и особенно Карла X, только Париж, Лион и Марсель насчитывали непосредственно после Реставрации более ста тысяч жителей каждый. Предреволюционная численность населения Парижа (более 600 тыс. человек) была превзойдена только во второй половине 20-х гг. XIX в. Медленное развитие промышленности и искусственное возрождение феодальных порядков приводили к стагнации и в торговых отношениях. Так, объем внешней торговли только в середине 20-х гг. достиг отметки в 900 млн. франков, что едва соответствовало торговому обороту в последние предреволюционные годы[1].

Не изменилась существенным образом и система землепользования. Хотя доступ к земельной собственности получили многие разбогатевшие в ходе Революции и наполеоновской эпохи представители третьего сословия, это привело не к более справедливому распределению угодий, а, напротив, резко обострило расслоение земельных собственников, приобретшее более явные формы, нежели при старой монархии. Хотя общее количество полноправных земельных собственников выросло и в 1815 г. достигло 3.8 млн., всего 0.6 процента этого числа владели 42.3 процентами всех земельных угодий, тогда как 50.2 процента мелких собственников ограничивались не более чем 4.2 процентами земель королевства[2]. Так же как и ранее, большинство землевладельцев не создавали в своих владениях капиталистически организованные хозяйства, ориентированные на рынок: преобладала мелкая аренда, в условиях которой крестьяне вынуждены были вносить ежегодную плату, фактически воспроизводившую систему денежного оброка существовавшего с XIV в.

---

1 См.: *Levasseur E.* Histoire du commerce de la France. T.2. P., 1912. P.152-153

2 См.: *Lavergne., de.F.* Economie rurale de la France depuis 1789. P.49

Относительно медленное развитие промышленности и торговли в первой трети XIX в. во Франции компенсировалось бурной активизацией финансового рынка. Несмотря на то, что после реставрации не удалось преодолеть дефицит государственного бюджета, он перестал быть актуальным. Развивались ростовщические операции и торговля ценными бумагами. Объемы учета коммерческих векселей выросли более чем в три раза (с 1815 по 1830 гг. с 209 до 617 млн. франков). На парижской бирже, где в 1814 г. котировались ценные бумаги всего лишь четырех эмитентов, в 1830 г. торговали уже акциями 38 компаний. С 1815 по 1829 гг. только в промышленности было основано около 100 крупных акционерных обществ, ценные бумаги которых котировались на биржах в Париже и других крупных городах Франции. В 1830 г. ежегодно выдавалось в полтора раза больше патентов на занятия промышленной и коммерческой деятельностью, чем в 1817.

Между тем революционные события 1830 г. показали, что во Франции продолжал существовать уродливый симбиоз полуфеодального землевладения и зарождающейся фабричной промышленности, в условиях которого представители аристократии уже не занимали привычного для себя общественного положения. В большинстве своем они не смогли стать владельцами крупных торговых и промышленных предприятий, однако, серьезно противодействовали бурному развитию промышленности политикой поощрения сельскохозяйственного производства. Революции 1830 и 1848 гг. не столько положили конец феодальным пережиткам, как это принято предполагать, сколько стали проявлениями медленного процесса унификации социальных отношений и приведения их в соответствие с принципами всеобщего товарного хозяйства, основы которого начали закладываться с середины XVIII в.

Очерк четвертый

ВСЕОБЩЕЕ ТОВАРНОЕ ХОЗЯЙСТВО

§ 1. Всеобщее товарное хозяйство как целостная система. Основы воспроизводства системы всеобщего товарного хозяйства

В рамках марксистской экономической концепции принято считать, что всеобщим товарное хозяйство становится в условиях капиталистического способа производства — наивысшей точки развития товарных отношений. Ткань его экономической жизни в большей степени пронизана товарными отношениями, чем другие способы производства, составляющие экономическую общественную формацию. При данной форме организации производства товаром становится сама способность человека к труду — рабочая сила, что является основным признаком всеобщего товарного хозяйства. Именно на превращении рабочей силы в товар основана вся марксова теория буржуазного способа производства. Вместе с тем этот тезис служит и одной из основ концепции исторического перехода от капитализма к коммунизму. Снятие частнокапиталистического присвоения, капитала как производственного отношения и преодоление товарной формы рабочей силы — все эти факторы служат отражением того фундаментального изменения, которое с точки зрения основоположников марксизма неизбежно приведет человечество к становлению коммунистической или третичной, как ее называл К.Маркс, общественной формации.

Между тем закончившийся кризисом так называемого «социализма» опыт революционных изменений на протяжении всего XX в. показывает, что ортодоксальная марксистская система зачастую приходит в противоречие с практикой, что отнюдь не способствует достижению ставящейся революционерами цели. Обобществляя сред-

ства производства, противопоставляя работника как члена общества всему социуму в целом и декларируя при этом нетоварный характер рабочей силы, сторонники радикальных социалистических преобразований не смогли достичь нетоварного производства. Напротив, попытка создать плановое хозяйство на основе подобных принципов привела к серьезной дискредитации коммунистической идеи как таковой.

Для того, чтобы понять причины противоречий между реальным историческим процессом и марксистской теорией перехода к коммунизму, необходимо, на наш взгляд, несколько иначе рассмотреть сущность всеобщего товарного производства.

Рабочая сила, которая, по мнению основоположников марксизма, стала при капитализме товаром и определила характерные черты этого общества, в действительности хотя бы эпизодически становилась товаром уже на самых ранних ступенях развития экономической общественной формации. Хотя на добуржуазных стадиях качество человека как носителя рабочей силы зачастую сращивалось и с остальными свойствами индивида, по мере развития товарного хозяйства, какими бы узкими рамками оно ни ограничивалось, способность человека к деятельности, отделенная от остальных его черт, все чаще, хотя и спорадически, становилась объектом купли-продажи. Принципиальное же отличие капиталистического способа производства, основанного на всеобщем товарном хозяйстве, от всех прочих хозяйственных форм, составляющих экономическую общественную формацию, заключается не только в доминировании именно этого типа соединения работника со средствами производства (отделения рабочей силы от остальных свойств индивида и превращения ее в товар), но и в том, *что в этом обществе принципы вовлечения в товарный оборот рабочей силы стали адекватны принципам, на которых вовлекаются в хозяйственный оборот все остальные товары.*

Определяя стоимость рабочей силы, основоположники марксизма понимали ее как стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания и воспроизводства жизнедеятельности рабочего. Эта формулировка верна для всех способов производства, входящих в экономическую общественную формацию. К.Маркс в первом томе «Капитала» отмечает: «стоимость рабочей силы определена рабочим временем, необходимым для производства и воспроизводства рабочей силы»[1]. Во втором томе «Капитала» он утверждает еще более категорично: «стоимость рабочей силы определяется количеством труда, необходимого для ее воспроизводства»[2]. Между тем определения стоимости товара, рассматриваемые К.Марксом и Ф.Энгельсом, более разнообразны.

Так, в трудах основоположников марксизма можно встретить по меньшей мере четыре определения стоимости. Соотнося их со стадиями развития товарного хозяйства, можно предложить нижеследующую систематизацию.

Первое определение встречается в одной из ранних экономических работ Ф.Энгельса. Не считавшееся в советский период полностью марксистским, оно гласит: «стоимость есть отношение издержек производства к полезности»[3]. Данное положение, на наш взгляд, представляется оторванным от концепции товарного производства и в значительной степени адекватно описывает только эпизодические и случайные акты обмена. Было бы правильнее отметить, что указанное отношение не определяет стоимость товара, а лишь обусловливает пропорции товарного обмена в условиях неразвитого товарного хозяйства.

Второе определение, согласно которому под стоимостью товара понимается общее количество овеществлен-

---

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.17. С.308

2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.24. С.429-430

3 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.1. С.552

ного в данном товаре абстрактного труда[1], представляется наиболее общим. В различных вариантах акценты делались на разные его стороны: на то, что субстанцией стоимости является только абстрактный труд как элемент, содержащийся в любом процессе человеческого труда; на то, что мерой стоимости выступает не любой труд, а только сведенный к элементарным затратам физической и умственной энергии (так называемый «простой» труд); на то, что под индивидуальными затратами труда в большинстве случаев понимаются затраты, обусловленные общественными условиями производства, и так далее. В целом, это определение более или менее адекватно отражает пропорции обмена в обществе, где простое товарное производство приобрело достаточно широкое распространение.

Третье определение развивает и конкретизирует второе. Как отмечает К.Маркс в «Капитале», «стоимость каждого товара определяется количеством труда, материализованного в потребительной стоимости товара, рабочим временем, *общественно* (курсив мой — *В.И.*) необходимым для его производства»[2]. Данная формулировка утверждает принципы товарного обмена в том обществе, где производство благ для их последующей реализации принимает устойчивый характер и относительно широкие масштабы.

Между тем полностью соответствующим системе всеобщего товарного производства является лишь *четвертое* определение, включающее в себя предшествующие в той же степени, в которой всеобщее товарное производство инкорпорирует в себе все ранее существовавшие системы товарного хозяйства. Согласно этому определению, величина стоимости определяется не тем количеством общественно необходимого рабочего времени, которое затра-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16. С.138, 141; Т.23. С.46, 47, 54, 84, 104, 106; Т.20. С.191; Т.22. С.184; Т.24. С.422; Т.25. Ч. I. С.188; Т.25. Ч. II. С.438, и др.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.198

чивается на создание того или иного блага, а тем, которое необходимо для *воспроизводства* товара указанного вида[1], причем «при данном состоянии общества, при определенных общественно-средних условиях производства, при данном общественно среднем уровне интенсивности и искусности применяемого труда»[2].

Только последнее определение стоимости, рассматриваемое К.Марксом применительно к капиталистическому способу производства, в полной мере соответствует тому, которое может быть с равной степенью справедливости применено для оценки стоимости рабочей силы на самых разных ступенях развития товарного производства. Таким образом, *система всеобщего товарного производства — первая из форм товарного хозяйства, при которой пропорции обмена всех вовлекаемых в товарный оборот благ определяются согласно единому принципу: количеству общественно необходимого рабочего времени, затрачиваемого на их воспроизводство.*

Имманентной чертой системы всеобщего товарного производства является потенциальная и реальная воспроизводимость всех составляющих общественного богатства — как факторов производства, так и его результатов — в качестве товаров, стоимость которых определяется указанным выше способом. Всеобщее товарное производство не столько инкорпорирует в круг обмениваемых благ новое специфическое благо, сколько обеспечивает обменные отношения единым базисом — количеством рабочего времени общественно необходимого для воспроизводства того или иного товара.

Отмеченное обстоятельство делает систему всеобщего товарного производства исключительно устойчивой. Если в более ранних формах организации хозяйства товарный сектор занимал более и менее важное, но всегда ограниченное и подчиненное место в общественном воспроизводстве, противостоя нетоварному сектору и взаимодей-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23. С.221

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16. С.127

ствуя с ним, *то при системе всеобщего товарного производства не существует того сектора, производство и движение товаров в котором происходит отличным от основного принципа всеобщего товарного хозяйства образом — путем обмена по воспроизводственным издержкам.*

Последнее определяет и материальные условия данного типа хозяйствования, и специфические черты его продуктов, и систему общественных отношений, а также многие другие стороны жизни общества, вплоть до духовных. Как совершенно справедливо отмечал К.Маркс, а ранее и представители классической политической экономии, важнейшее условие становления всеобщего товарного производства — это широкое распространение углубленного разделения труда и формирование системы машинного производства на одном полюсе, при обособленности производителей на другом. В этой ситуации представляется совершенно очевидным, что *основой всеобщего товарного хозяйства является массовое производство воспроизводимых благ.*

Система всеобщего товарного хозяйства обладает гораздо большей внутренней стабильностью, чем структурное или системное товарные хозяйства. Продукты массового производства незамедлительно возвращаются в воспроизводственный процесс либо как вещественные факторы производства, либо, потребляемые работниками, — как рабочая сила. Нетоварный сектор отсутствует, потому нет и взаимодействия с ним. Единственным не чисто рыночным обстоятельством является то, что часть прибавочного продукта перераспределяется под контролем общества для обеспечения воспроизводства не только отдельных индивидов, но и всего социального организма.

К.Маркс и Ф.Энгельс, создавая теорию революционных изменений, осознавали, что подобную систему нельзя с легкостью разрушить. *Всеобщее товарное производство, воспроизводясь на собственной основе, не может быть устранено посредством одной лишь политической революции.*

Это прекрасно поняли основоположники марксизма, отмечая, что низвергающая капитализм революция будет социальной. Однако они не поднялись до осознания того, что эта революция не обязательно нуждается в политической форме.

Всеобщее товарное производство создает условия, в которых впервые в завершенных формах возникают такие важнейшие феномены экономической жизни как *труд, стоимость и эксплуатация.*

Понятие труда как основополагающей категории всеобщего товарного производства и экономической общественной формации в целом нуждается в конкретизации по сравнению с его традиционными трактовками в ортодоксальной марксистской, и особенно учебной, литературе. В советский период понимание сущности труда в собственном смысле этого слова затруднялось тем, что К.Маркс и Ф.Энгельс не различали терминологически труд, выступающий в качестве «производительной деятельности человека вообще... в ее естественном бытии независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ»[1], то есть в виде «социально определенной человеческой деятельности»[2] и в качестве несвободной деятельности, порожденной внешней материальной необходимостью[3]. Хорошо известны слова К.Маркса, называющего труд отчужденной активностью, деятельностью, производящейся под влиянием внешней необходимости и потому не свободной. «Одно из величайших недоразумений, — пишет он, — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности»[4]. Вполне естественными при этом выглядят: отрицание необходимости освобождения труда, так как он уже «свободен»; проповедь *уничтоже-*

---

1 *Маркс К.,Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.I. С.381-382

2 *Маркс К.,Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.26. Ч.III. С.185

3 Подробнее об этом см.: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М.,1995. С.203-231

4 *Маркс К.,Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.42. С.113, 242

ния трудовой деятельности[1], указание на то, что коммунистическая революция выступает против прежнего характера деятельности, устраняет труд[2], и другие подобные положения.

Между тем в условиях всеобщего товарного производства, когда несомненно доминирует только одна возможность придания продукту общественной экономической значимости — превращение его в товар, человеческая деятельность принимает общественную экономическую форму только в том случае, если она включается в процесс производства общественных благ. Однако поскольку целью всеобщего товарного производства является увеличение массы создаваемых стоимостей, постольку и мотив человеческой деятельности сводится к созданию максимально возможного количества общественно необходимых благ. Учитывая данные обстоятельства, можно констатировать, что в условиях всеобщего товарного производства труд в наибольшей степени проявляется как *сознательная и целесообразная физическая или умственная деятельность, выступающая реакцией человека на внешнее окружение и служащая удовлетворению его физиологических и социальных потребностей, отличных от потребности в совершенствовании собственной личности.*

В условиях всеобщего товарного производства стоимость товара, становясь основополагающей категорией общественного хозяйства, в наибольшей степени подчиняет себе все стороны общественной жизни. Каждое создаваемое благо производится именно в качестве стоимости; тем самым оно унифицируется по сравнению с другими благами, вне зависимости от того, насколько индивидуальными являлись усилия по его созданию и каковы были мотивы и цели его производства. Эта максимальная унификация в условиях стабильного массового воспроизводства на индустриальном базисе проявляется в

---

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.42. С.91

2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.3. С.70; Т.42. С.242

том, что обмен начинает регулироваться даже не собственно стоимостными пропорциями, а ценами производства, включающими в себя не только общественно необходимые затраты труда, но и социально приемлемую прибыль. Стоимостные характеристики подчиняют себе даже те секторы производства и сферы социальной жизни человека, в которых создаются блага, сами по себе не воспроизводимые и не обладающие стоимостью в собственном смысле этого слова. Попадая в круг обмениваемых на рынке товаров, они получают рыночную цену, которая, хотя и не имеет в данном случае стоимостной природы и является в определенной мере иррациональной, тем не менее определяет пропорции обмена подобных благ на другие товары.

Знаменуя собой высший этап развития экономической общественной формации, система всеобщего товарного хозяйства максимально унифицирует классовую структуру общества и обостряет социальные противоречия. Подчиняя себе все неэкономические факторы общественной жизни, данный хозяйственный уклад ставит поведение людей в зависимость не друг от друга и не одной группы от другой, а непосредственно от экономической необходимости. С того момента, как целью производства становится не потребительная, не меновая, а прибавочная стоимость, все интересы субъектов производства, кроме материальных, выраженных в величине присваиваемых стоимостей, полностью отходят на второй план. Конфликт, лежащий в основе эксплуатации, выступает здесь особенно наглядно. Если в условиях докапиталистических способов производства эксплуататоры стремились обеспечить отчуждение в свою пользу максимального количества благ, а эксплуатируемые боролись в первую очередь *за сохранение возможности произвести продукты для собственного потребления*, то в условиях всеобщего товарного хозяйства возможность индивидуального натурального производства фактически полностью исключена. Рабочие борются *за изменение пропорции распределения созданных стоимостей*, присвоить кото-

рые в их вещественном выражении они не имеют возможности.

Все это, и в особенности последнее обстоятельство, привели основоположников марксизма и их последователей к гипотезе о возможности преодоления системы всеобщего товарного производства путем мощных революционных процессов, в основе которых лежат три фактора: уничтожение эксплуататорского класса и обобществление средств производства, устранение товарного хозяйства, а также снятие экономической детерминанты человеческой деятельности. Актуальность и бескомпромиссный характер классовой борьбы, как следствие капиталистической эксплуатации, привел основоположников марксизма к ошибочному, на наш взгляд, выводу о том, что преобразование экономической общественной формации начинается именно с изменений политической формы общества, за которой следуют хозяйственные перемены.

В действительности, как показала практика XX столетия, политическое разрушение внешних форм всеобщего товарного хозяйства не приводит к преодолению его основных закономерностей. Более того, на наш взгляд, правомерна гипотеза, в соответствии с которой *само существование предпосылок для политического переворота, сама острота классовой борьбы в условиях господства всеобщего товарного производства показывают, что данная система уже в полной мере реализовала собственные внутренние закономерности, хотя не переживает еще периода перерождения.* В этой ситуации оказавшиеся на поверхности предпосылки политического переворота на деле означают всякое отсутствие возможности возникновения той гигантской социальной революции, которая единственная способна устранить всеобщее товарное производство и открыть путь к преодолению фундаментальных закономерностей экономической общественной формации в целом.

Обосновывая эту гипотезу, заметим, что, во-первых, при глубине социальных изменений, связанных с отмира-

нием экономической общественной формации, политические перевороты не могут внести в данные процессы сколь-либо существенные изменения, а, во-вторых, становление адекватной основополагающим принципам экономической общественной формации системы всеобщего товарного производства происходило постепенно: вызревание ее предполагало *медленное освоение товарными отношениями сначала отдельных секторов, а затем всей общественной системы*. Поэтому можно предположить, что и отмирание этой системы будет длительным и сложным процессом. Иллюзорной является надежда на то, что товарное хозяйство может быть устранено, не пройдя подобных же стадий своего свертывания, или регресса.

Нетоварное хозяйство не может исторически сменить систему всеобщего товарного производства без возникновения и развития многообразных переходных форм, приходящих на смену классическому типу капиталистического хозяйства. Естественный путь развития нетоварного хозяйства — это медленное, эволюционное вызревание по мере отмирания основ экономической общественной формации. Этапы такого преодоления во многом аналогичны этапам становления самой экономической общественной формации.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению этапов преодоления товарного производства, следует акцентировать внимание на тех противоречиях, которые реально заложены в его системе, и на основных направлениях возможного кризиса этой системы. В конце концов мы придем к выводу, что распространенный среди ортодоксальных марксистов традиционный подход к революционному ниспровержению основ буржуазного строя, как главной предпосылке построения коммунистического общества, имеет мало общего с наиболее реальным историческим сценарием их эволюционного преодоления.

§ 2. Предпосылки и основные направления кризиса всеобщего товарного производства

Основными направлениями кризиса системы всеобщего товарного производства являются: преодоление труда более высоким типом человеческой активности, диффузия стоимости как основы хозяйственной жизни и устранение эксплуатации человека человеком в том ее виде, который в течение столетий оказывал определяющее воздействие на весь комплекс общественных отношений.

Имея в виду историческую ограниченность труда, следует отметить, что при переходе от трудовой деятельности к творческой наиболее значительные изменения претерпевают такие черты человеческой активности, как *мотивация деятельности, ее цель, основные характеристики производимого продукта, и в целом отношение человека к внешнему миру.* Трудовая деятельность характеризуется внешним по отношению к человеку, хотя и осознаваемым им, побудительным мотивом, который в ряде случаев не воспринимается в качестве чего-то «естественного» или «противоестественного». Однако в любом случае цель трудовой активности — материальный или нематериальный продукт, результат труда, причем мотив и результат непосредственно не совпадают. Что касается продукта труда, то его форма может быть различной, однако, несомненно одно: он является благом, прямо или косвенно удовлетворяющим *материальные* потребности производителя. Одно из основных качеств продукта *труда* — его воспроизводимость, т.е. способность индивида создавать аналогичный продукт при аналогичных условиях. Продукт *труда* отчуждаем, может переходить от одного человека к другому, в частности в процессе возмездного обмена.

Именно эти характеристики и сделали *труд* основным видом деятельности, свойственным эпохе экономической общественной формации, в условиях которой ограниченность, недостаток материальных благ и средств их производства вызывает противостояние человека природе как враждебной ему среде. Исходя из подобного понимания труда и рассматривая самодеятельность в условиях преодоления экономической общественной формации как положительное снятие и вместе с тем диалектическое отрицание труда, попытаемся дать определение трудовой активности, которую мы называем *творчеством*[1].

Под творчеством мы понимаем *деятельность человека, которая воспринимается им как внутреннее стремление к самореализации и предполагает данную самореализацию в качестве основной цели; которая невоспроизводима другими людьми как в своем процессе, так и в результате, и несопоставима в силу этого с деятельностью других людей, в которой мотив и результат достигают своего полного тождества.* В этом определении мы стремились подчеркнуть все основные черты творчества: характер деятельности; ее независимость от внешних материальных обстоятельств как от предпосылок и побудительных мотивов; всецело субъективный способ реализации; несопоставимость с трудом (равно как и с творчеством) других людей и невоспроизводимость того материального результата, который может оказаться продуктом творческого процесса.

Конкретизируем эти положения. Итак, творчество кардинально отличается от труда. *Во-первых,* мотивы деятельности перестают быть непосредственно зависимыми от внешних материальных обстоятельств и приобретают имманентную индивидуальную специфику. *Во-вторых,* главной целью деятельности оказывается не некий продукт как материальное благо, а сам человек, активный

[1] Подробнее об определении творчества см.: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. С.203-218.

субъект. Материальное благо, даже если оно и произведено, является скорее побочным следствием, нежели целью творческого процесса. *В-третьих*, результат творческой деятельности невоспроизводим — прежде всего потому, что он состоит непосредственно в развитии личности творящего субъекта, а деятельность, направленная на самосовершенствование, носит сугубо индивидуальные черты, которые не могут быть скопированы и воспроизведены. *В-четвертых*, продукт, выступающий *целью* творческой деятельности, неотчуждаем, ибо приобретенное человеком в процессе деятельности удовлетворение или раскрытие новых способностей не могут быть у него отняты; между тем отчуждаемым, хотя и невоспроизводимым, остается материальный или нематериальный продукт, созидаемый в *результате* творчества. При этом творчество не направлено на достижение вещественного результата столь однозначно и жестко, как труд; в силу этого и окружающий мир не воспринимается творящей личностью в качестве чего-то чуждого. Существовавшее в процессе труда субъективное противостояние личности и природы в значительной мере преодолевается.

Итак, *творчество не есть труд*. Однако в рамках марксистской теории — как в работах самих основоположников марксизма, так и в трудах советских авторов — не проводилось *терминологического* разграничения деятельности в условиях экономической и коммунистической общественных формаций. И та, и другая определялись в конечном счете как *труд*, а отличия их друг от друга фиксировались лишь на основании описания того или иного вида *труда*. Между тем западные исследователи, начиная с середины нынешнего столетия обратившиеся к анализу специфических черт современной деятельности, отметили принципиальное различие между трудом и творчеством и отразили его в своей терминологии.

Так, в английском языке существует несколько вариантов обозначения явления, определяемого русским словом «труд», и среди них такие как «work», «job» и «labour». В качестве наиболее общего фигурирует обычно

понятие «work», применяющееся для обозначения любого вида человеческой деятельности. Именно такие термины применяет описывающий доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную деятельность («pre-industrial, industrial and post-industrial *work*») Д.Белл, понимая под доиндустриальной — взаимодействие с природой («a game against Nature»), под индустриальной взаимодействие с преобразованной природой («a game against fabricated Nature»), и под постиндустриальной — взаимодействие между людьми («a game between persons»)[1].

Таковы рамки использования термина «work». Как мы видим, они весьма широки. Это обстоятельство подтверждается и работами Ф.Беста, анализирующего проявления творчества в современных процессах деятельности человека. Рассуждая о том, что в сегодняшнем мире она требует большей автономности, свободы самовыражения, творческих моментов, чем в доиндустриальную или индустриальную эпохи[2], автор исследует два процесса: современную трудовую деятельность в широком смысле слова («the *work* activities of today») и непосредственно трудовые процессы сегодняшнего дня («today's *jobs*»). На основании этого и других примеров можно говорить о применимости терминов «work» и «job» (разумеется, с соответствующей конкретизацией) к описанию процессов творческой деятельности.

Это прослеживается и в работе Э.Жакс, где автор разграничивает и противопоставляет друг другу два понятия: «creative work» и «employment work». В первом случае говорится о том, что продукт «creative work» имеет только символический характер, а сама деятельность порождается внутренними стремлениями человека; во втором, — прямо указывается, что «employment work» предполагает наличие внешнего принуждения и не осно-

---

1 См.: *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. P.146-147

2 См.: *Best F.* Technology and the Changing World of Work. // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. № 2. April. P.64

вывается на возможности использования бессознательных процессов. Таким образом, возникают два различных определения — творческой и трудовой деятельности — на базе универсального термина «work». И, наконец, согласно Ш.Бейлину, совершенно справедливо и терминологически правильно использовать понятие «creative work»[1], но абсолютно недопустим для теоретического анализа термин «creative labour»[2].

Таким образом, можно утверждать, что в английской терминологии категории, связанные с творчеством, не используются применительно к деятельности, предполагающей внешнее принуждение и имеющей целью материальное благо. И так как слово «labour» в большинстве случаев обозначает процесс деятельности, совершаемой в условиях господства внешней необходимости, то понятие «creative labour» выступает совершенно иррациональным в свете общепризнанного в западной науке определения творчества в качестве вида активности, свободного от внешней необходимости, довлеющей над человеком.

Аналогичную ситуацию можно проследить и в немецкой терминологии. Термин, обычно использующийся немецкоязычными авторами для обозначения понятия «труд» («Arbeit»), представляется в меньшей степени выражающим зависимость от внешней необходимости, чем английское «labour». Но и при этом словосочетание «kreative Arbeit» не применяется, а используются два термина: «Kreativität», как обозначение собственно творчества, и «kreative Tätigkeit», как творческая деятельность. Понятия «Arbeit» и «Kreativität» не только не пересекаются, но и зачастую рассматриваются как нечто противоположное[3].

---

[1] См.: *Bailin Sh.* Achieving Extraordinary Ends. An Essay on Creativity. P.10, 109, 113, 117

[2] См.: Ibidem. P.106, 118, 121

[3] См.: *Glaser H.* Das Verschwinden der Arbeit. Die Chancen der neuen Tätigkeitsgesellschaft. Düsseldorf, 1988. S.196

Эти терминологические различия, прослеживающиеся в понятийном аппарате английских и немецких исследователей, подтверждают наш тезис о том, что творчество качественно отличается от труда: во-первых, субъективным отношением индивида к процессу деятельности, и, во-вторых, невоспроизводимостью ее результата. Поэтому мы можем утверждать, что между трудом и творчеством пролегает непреодолимая граница. *Любая деятельность порождена либо стремлением к самосовершенствованию, либо вызвана внешней материальной необходимостью; ее результат либо воспроизводим, либо невоспроизводим; и сама она воспринимается индивидом либо как свободное творчество, либо как извне обусловленная активность, как труд.* Tertium non datur.

Сегодня мы стоим перед лицом непосредственной замены труда, как более низкой формы человеческой активности, творчеством, как более высокой ее формой. Творчество, рассматриваемое как деятельность, порожденная специфическими, надутилитарными мотивами и характеризующаяся своим индивидуальным и межсубъектным характером, является основным видом деятельности в условиях преодоления базовых черт экономической общественной формации. Переход от труда к творчеству ведет к явному кризису этой формации. Не существует более глубинных и сущностных процессов, подрывающих основы данной формы общества.

Выделение отдельных этапов становления творческой деятельности может быть предпринято только с долей условности; однако следует отметить два фактора, косвенно свидетельствующих о формировании предпосылок перехода от труда к творчеству.

Первый. Принимающая творческий характер деятельность как феномен, призванный изменить основные производственные отношения социума в целом, развивается в массовом масштабе только тогда, когда материальные потребности, определяющие структуру и направление человеческой активности в условиях экономической общественной формации, оказываются в значительной

мере удовлетворенными. Степень этой удовлетворенности в материальных благах выражается в изменении воспроизводственных пропорций, которое приводит к существенному сокращению доли производства материальных благ и переносит акцент с их производства на процесс создания услуг и информации.

Второй. Творческий процесс предполагает в качестве необходимого условия своего становления не только преодоление доминирующей роли материального производства, но и возрастание роли тех отраслей деятельности, где, согласно Д.Беллу, взаимодействие человека с преобразованной им же самим природой замещается взаимодействием его с себе подобными[1]. В советской социологии данный процесс рассматривался как расширение сферы субъект-субъектных взаимодействий[2].

Здесь необходимо некоторое пояснение. Сфера услуг, рассматриваемая зачастую как нечто единое (что свойственно как российским, так и зарубежным исследователям), таковым в действительности не является. Внутри данной отрасли народного хозяйства проходит грань, гораздо более принципиальная, нежели та, которой обычно отделяют сферу услуг от материального производства.

С одной стороны остается сектор, в котором оказываются услуги, направленные на совершенствование человека, выступающего, как это ни парадоксально, *в качестве вещества природы.* К нему относятся бытовое обслуживание, здравоохранение (правда, с определенной степенью условности), и т.п.

С другой стороны оказываются отрасли, в которых доминирует субъект-субъектное взаимодействие. К ним можно отнести всю сферу образования, производство и

---

[1] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.-Y.,1973. P.163; *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.-Y.,1978. P.146

[2] См.: *Батищев Г.С.* Методологические аспекты формирования целостной личности. // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1962. № 1.

потребление информации, область культуры и отрасли так называемых социальных услуг. Деятельность в этих секторах сферы услуг сопряжена с человеком как активным субъектом. Производство услуг без усилий такого субъекта, направленных на потребление, усвоение (а в процессе со-творчества — на распредмечивание) соответствующей услуги не имеет смысла. «Продукт» подобных усилий, заключенный в совершенствовании личности или способностей человека, индивидуален и невоспроизводим. В каждом конкретном случае его деятельность не идет по некоему шаблону, ее результат не зависит напрямую от количества затраченной энергии и рабочего времени; связь между затратами труда и результатами деятельности, столь свойственная эпохе экономической общественной формации, отсутствует.

Творческая по характеру мотивации деятельность, *воплощающаяся в самовыражении и саморазвитии индивида, является общественной только по своей форме и результатам, но не по сущности и предпосылкам.*

Итак, становление творческой деятельности обусловливается следующими факторами: во-первых, формированием ее предпосылок, вызванным снижением роли материального производства в связи с высокой степенью насыщения традиционных материальных потребностей; во-вторых, изменением форм и характера производственной активности благодаря переходу от субъект-объектного к субъект-субъектному типу взаимодействия в ходе производственного процесса, и, наконец, в-третьих, кардинальными переменами, происходящими в системе мотивации деятельности, в результате чего намечается преодоление традиционной трудовой активности и замена ее деятельностью, определяемой внутренними потребностями индивида. Эти три фактора не являются этапами становления творческой деятельности в собственном смысле слова; они представляются, скажем так, наиболее значимыми характеристиками отдельных периодов ее вызревания в рамках высших фаз экономической общественной формации. Однако параллельно с вытеснением

труда и заменой его творческой деятельностью, — процессом, имеющим определяющее значение для понимания сущности постэкономической общественной формации, — развертываются и иные феномены, также заслуживающие внимания в той мере, в какой они задают направление прогрессу современного социума.

По мере углубления кризиса экономической общественной формации происходит не только постепенное вытеснение труда более высокими формами человеческой деятельности, но и преодоление собственно *экономических* отношений. Поскольку одним из наиболее важных экономических законов, действующих на всем протяжении вторичной общественной формации, является закон стоимости, постольку первостепенное значение имеет проблема кризиса стоимостных отношений. Последняя рассматривается нами как проблема *диффузии стоимости* в классических марксистских определениях, приведенных нами выше.

Отметим, что стройная концепция стоимости, созданная К.Марксом и Ф.Энгельсом и положенная ими в основу объяснения закономерностей развития всеобщего товарного производства, на наш взгляд, резко противоречит представлениям основоположников марксизма о путях преобразования капиталистического общества и становления коммунистической общественной формации. Согласно логике К.Маркса и Ф.Энгельса, капиталистический способ производства гибнет, будучи не в силах преодолеть внутренние противоречия, и освобождает дорогу коммунистическому обществу. На смену хаотичному товарному производству приходит планомерное общественное социалистическое хозяйство. Ф.Энгельс по этому поводу замечает: «непосредственно общественное производство исключает всякий товарный обмен, следовательно, превращение продуктов в товары, а, значит, и превращение их в стоимости»[1].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.20. С.320

Однако это рассуждение далеко не убедительно. Ведь даже при общественном *материальном производстве* можно отметить ряд существенных обстоятельств, обусловливающих регенерацию стоимостных закономерностей. Сохраняются сам труд как деятельность, направленная на удовлетворение материальных потребностей (ибо коммунизм, когда «богатства польются полным потоком», отнесен к результатам, а не к предпосылкам планомерного производства), категория затрат труда, количества рабочего времени, необходимого для воспроизводства того или иного блага и даже сам процесс обмена продуктами, ибо в противном случае хозяйство социалистического общества оказалось бы натуральным, характеризуясь заметной регрессивностью. Таким образом, инструменты, делающие затраты общественно необходимого рабочего времени на воспроизводство блага стоимостью, сохраняются за исключением одного фактора — стихийности товарного обмена. Но ведь Ф.Энгельс указывал, что закон стоимости имел место и в докапиталистические эпохи, когда степень стихийности обмена была намного меньшей, чем при капиталистическом способе производства; а К.Маркс признавал, что стоимость так или иначе обусловлена отношением издержек производства к полезности. Обе же эти категории отнюдь не элиминируются при устранении товарного хозяйства.

Все отмеченные обстоятельства свидетельствуют, что даже при плановом производстве обмен продуктами будет оставаться условием жизнедеятельности общества вплоть до полного выхода человека за пределы «собственно материального производства»; труд останется условием производства продукта, а его затраты станут важнейшим элементом общественной калькуляции, коль скоро они должны быть сопоставляемы с общественной полезностью производимых продуктов. И, наконец, большинство продуктов будут воспроизводимы, ибо новое общество предполагалось построить даже на тех производительных силах, которые были достигнуты еще при жизни основоположников марксизма. *Таким*

образом, в обществе, основанном на труде, который создает материальные блага, овеществляясь в них в общественно необходимом для их воспроизводства размере, и предполагает изготовление продуктов ради удовлетворения материальных потребностей своих членов, не могут быть естественным образом преодолены стоимостные отношения. Перспективы построения нового общества на старом технологическом базисе иллюзорны. При этом образовавшийся социум неизбежно приходит к самоуничтожению. Гигантский исторический эксперимент, начало которому было положено русской революцией, — блестящий тому пример.

Тем самым мы подходим к пониманию явлений, которые должны сопровождать устранение стоимостных характеристик в рамках постэкономической общественной формации. Чтобы обнаружить их, следует еще раз напомнить условия возникновения стоимостных отношений в том виде, в котором они отражены в марксистской теории.

Во-первых, это товарное производство, которое предполагает общественное разделение труда и экономическую обособленность, независимость производителей, осуществление хозяйственных связей между ними посредством обмена продуктами их труда.

Во-вторых, это сложившиеся (с точки зрения качественной определенности) отношения между индивидуальными товаропроизводителями, на основе которых определяются пропорции при обмене благ.

В-третьих, это величина (с точки зрения количественной определенности) общественно необходимых затрат абстрактного труда, опосредующих воспроизводство товара того или иного типа.

Таковы условия, образующие фундамент теории стоимости. Все это было отмечено советскими авторами, но далее общих рассуждений о том, что определенные изменения в экономической жизни могут вызвать модификацию стоимостных отношений, их исследования не продвинулись.

Между тем существуют и такие хозяйственные изменения, которые действительно могут устранить стоимостные закономерности. Соответственно рассмотренным нами условиям формирования стоимости, подобные изменения могут быть трех видов.

Во-первых, стоимостные отношения устраняются при плановой организации народного хозяйства в масштабах целого общества (что, как показал опыт, неэффективно, во всяком случае, в реально существовавших формах).

Во-вторых, стоимостные отношения могут быть преодолены (хотя и не полностью) при невозможности количественного определения стоимости, когда устраняется сама *воспроизводимость* значительного количества благ, и исчисление затрат на их *воспроизводство* становится нереальным (причиной этому может быть как развитие производства мелкосерийных и уникальных благ, так и прогресс в производстве информации и расширение сферы субъект-субъектных взаимодействий).

В-третьих, и это наиболее принципиальный и радикальный путь решения проблемы, *стоимость может быть окончательно устранена в случае устранения самого труда, являющегося ее субстанцией.* В этом случае обмен благами полностью теряет свой стоимостной характер и начинает базироваться на иных, не определяемых сегодня с достаточной точностью, принципах.

Итак, мы убеждаемся, что преодоление стоимостных отношений посредством внедрения планово организованной экономики неэффективно. В лучшем случае удастся устранить некоторые формальные проявления закона стоимости или до неузнаваемости извратить пропорции обмена. Единственная возможность преодоления стоимостных закономерностей путем планирования — попытаться вывести человека за пределы материального производства на основе прогресса производительных сил. Но если это и окажется реальным без использования социалистической плановой экономики, то смысл ее внедрения исчезает сам собой. Поэтому магистральный путь, веду-

Таблица 1. Занятость по секторам экономики в отдельных странах (в процентах)

	1985 г.			1990 г.			1995 г.		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Канада	6.8	23.6	69.6	5.6	23.1	71.3	4.0	22.8	73.1
США	4.0	27.1	68.8	3.4	25.6	70.9	2.7	24.1	73.1
Япония	9.0	34.7	56.4	7.3	34.0	58.7	5.3	33.7	61.0
Австралия	7.7	25.8	66.4	6.9	24.0	68.9	5.2	22.6	72.2
Финляндия	11.9	31.6	56.5	8.6	30.8	60.6	7.2	27.9	65.0
Франция	8.2	31.4	60.4	6.0	29.6	64.4	4.5	26.1	69.4
Германия	5.5	40.1	54.4	4.2	39.1	56.7	3.3	37.5	59.2
Норвегия	8.5	26.1	65.4	7.6	23.7	68.8	4.8	23.4	71.8
Швеция	5.1	29.5	65.3	3.7	28.7	67.5	3.0	26.3	70.7
Швейцария	6.1	35.6	58.3	5.7	34.9	59.5	4.0	28.8	67.2
Великобритания	3.7	30.4	65.9	2.1	28.6	69.2	2.4	24.0	72.7

Источники: Labour Force Statistics, OECD, 1973—1993. OECD, 1995. P.54-439; Quarterly Labour Force Statistics. OECD, 1996. № 1. P.8-69.

профессионального (здравоохранение, образование), личного (туризм, спорт, театры, кино, аренда жилья и т.д.) и делового характера.

Поскольку развитие сферы услуг весьма неоднородно, ее можно подразделить на сектора: непосредственно третичный, охватывающий услуги материального характера (транспорт, связь, складское хозяйство), четвертичный (торговля, финансы, страхование, недвижимость) и пятеричный (личные, профессиональные, деловые услуги и услуги государственного управления). Наиболее быстрыми темпами растет общественный продукт, создаваемый в тех ее отраслях, которые в наибольшей степени охвачены субъект-субъектными взаимодействиями и продукт которых в наименьшей мере воспроизводим[1]. Это же обстоятельство может быть прослежено и на примере

[1] См.: *Иноземцев* В.Л. К теории постэкономической общественной формации. С.225-227, 246

распределения числа занятых по отдельным отраслям. Так, если с 1950 по 1993 гг. в США относительная численность занятых в сельском хозяйстве и лесоводстве сократилась в 5,2 раза, в добывающей промышленности — в 4 раза, в обрабатывающей индустрии — фактически вдвое, то в отличающихся высокой индивидуализированностью продукта отраслях вторичного сектора, таких, например, как строительство, а также в наиболее примитивных подотраслях третичного — транспорте, связи и складском хозяйстве сокращения численности занятых не наблюдается; незначительный рост числа занятых обнаруживается в торговле (с 19 до 21 процента от общего числа занятых). На этом фоне весьма впечатляющим выглядит рост числа работников личных, профессиональных и деловых услуг (с 20 до 35 процентов), а также занятых в сфере финансов, страхования и операций с недвижимостью (с 3 до 12 процентов)[1].

Самая большая группа работников, профессионалов и специалистов технического профиля, сосредоточена именно в пятеричном секторе — секторе производства «идей и информации»[2]. При этом активность этой категории работников представляет собой взаимодействия субъект-субъектного типа, требующие активной позиции сторон, личных контактов, деятельности, ориентированной скорее не непосредственно на производство, распределение, обмен и потребление материальных благ, а на развитие и взаимообогащение сторон. Подобные отношения не только адекватны деятельности, свойственной постэкономическому состоянию общества, но и являются ее нематериальными и неотчуждаемыми результатами. Они пронизывают собой всю социальную структуру, как в пространстве, так и во времени, ибо возникают не только с непосредственными партнерами по диалогу, но и с современ-

[1] См.: *Clark D.* Post-Industrial America: a Geographical Perspective. N.-Y.-L., 1985. P.220; Statistical Abstract of the United States 1995. Washington, 1995. P.416.

[2] См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.-Y., 1973. P.117; *Clark D.* Op. cit. P.23

тельных сил и уровне самоидентификации активного субъекта проблема стоимостной природы продукта деятельности в значительной степени зависит от того, как воспринимает каждый конкретный субъект характер своего труда. На первый план в исследовании процесса эволюции социального организма постепенно выходят психологические проблемы, и прогресс отдельных индивидов может стать и становится определяющим по отношению к прогрессу всего человечества. Дополним теперь картину преодоления основ экономической общественной формации рассмотрением третьего направления кризиса всеобщего товарного производства — устранения эксплуатации.

Большинство социальных философов во все времена стремились избавить человечество от эксплуатации, под которой обычно понималось изъятие у производителя части создаваемого им продукта в пользу праздного класса. Все авторы, так или иначе подходившие к данной теме, делали один и тот же вывод: эксплуатация может быть устранена только при ликвидации эксплуататорского класса. *Между тем ни предшественники основоположников марксизма, ни они сами не отмечали, что отчужденный характер труда, являющегося объектом эксплуатации, связан не столько с системой частнособственнических отношений, сколько с внешним характером побудительного мотива деятельности, каковым характеризуется труд.*

Приняв во внимание подобное обстоятельство, мы может утверждать, что эксплуатация — это отнюдь не изъятие у производителя части его продукта (или даже всех произведенных им благ), *а отчуждение результата такой деятельности работника, при выполнении которой он считал его достижение своей целью.* Продолжая данное рассуждение и имея в виду то обстоятельство, что труд обусловлен утилитарными мотивами удовлетворения материальных потребностей трудящихся, можно прийти к очевидному выводу: любое изъятие у производителя продукта его *труда* при любых обстоятельствах — как

при азиатском способе производства, так и в условиях социалистического общества, — будет субъективно восприниматься им как противоречащее его целям, как угнетение, как прецедент социальной несправедливости, как *эксплуатация*[1].

Таким образом, *эксплуатация не может быть устранена в результате изменения отношений распределения или на основе реорганизации классовой структуры общества, сколь бы глубокими ни оказались соответствующие изменения.* Поскольку деятельность преследует определенную цель — получение материальных благ и является тем самым объектом эксплуатации, то оказывается совершенно очевидным, что преодоление эксплуатации может быть достигнуто исключительно как обратная сторона процесса устранения самого труда как основного вида человеческой деятельности.

Более того, именно на примере преодоления эксплуатации можно наблюдать наиболее интересные стороны развития социума периода устранения основ всеобщего товарного производства и экономической общественной формации. Как было отмечено, с развитием тенденции к расширению сферы творчества в процессе преодоления труда огромное значение приобретает фактор субъективного восприятия индивидом собственной деятельности либо как мотивированной утилитарными потребностями, связанными с «воспроизводством своей материальной жизни», либо же как свободной творческой активности, направленной на самосовершенствование.

Вопрос о трудовом либо творческом характере деятельности представляется нам одним из важнейших для определения путей совершенствования современных социумов, причем наиболее заметно это именно при анализе проблемы эксплуатации. Осознание человеком своей деятельности как внутренне свободной не устраняет проблему распределения прибавочного продукта как *соци-*

---

[1] Подробнее см.: *Иноземцев В.* Эксплуатация: объективная данность и феномен сознания. // Коммунист. 1991. № 10. С.8-17

альную, как проблему воспроизводства частей общественного богатства; указанные выше потребности общества как целого продолжают и вечно будут продолжать поддерживать необходимость отчуждения части продукта на удовлетворение общественных нужд. Между тем понимание творческого характера деятельности человека преодолевает данное противоречие *как личную проблему, как проблему собственной самоидентификации и отношения индивида к социальной структуре.*

Трем этапам развития человеческой цивилизации, первый из которых характеризовался доминированием инстинктивной предтрудовой деятельности, второй — господством труда и третий — замещением его творческой активностью, имманентно присущи три типа индивидуальных интересов, три типа их соподчинения и три типа конституирования результирующего социального интереса.

На первом этапе индивид оставался еще частью живой природы, родовой общины, не идентифицируя самого себя как отдельного деятельного субъекта. Здесь не приходится говорить об индивидуальном интересе вообще, ибо определяемый инстинктами и традицией «интерес» каждого конкретного субъекта был аналогичен соответствующему «интересу» любого другого члена сообщества. Таким образом, все «интересы» как бы равновелики и равнонаправленны. Именно поэтому данная общность исключительно устойчива, и ее состояние можно рассматривать как *дообщественное*, хотя для традиционного понятийного аппарата социологической теории такая формулировка кажется странной.

На втором этапе, характеризующемся господством труда, стало возможно формирование сугубо общественной формы социальной связи. Феномен эксплуатации проявился там тогда, когда возник труд как процесс, осознанной целью которого выступает материальное благо. Ограниченность материальных благ, очевидная на ранних ступенях прогресса человечества и не преодолеваемая в полной мере даже в условиях зрелого состояния

экономической общественной формации, обусловливает ситуацию, при которой, как уже было сказано, *любое изъятие части производимого продукта, в чью бы пользу оно ни производилось, как правило, воспринимается трудящимся субъектом как противоречащее основной цели его деятельности, как эксплуатация.* Между тем, поскольку потребности в материальных благах всего человеческого сообщества как единого целого существовали всегда, перераспределение их части в пользу старейшин или немощных членов рода происходило и до превращения человеческой деятельности в труд в собственном смысле этого слова. Поэтому можно утверждать, что труд как осознанная деятельность, направленная на создание и присвоение материальных благ, экономический интерес, формирующий основы отношений собственности, и эксплуатация как неизбежное следствие любого перераспределения продуктов в исторических рамках эпохи трудовых отношений, возникли одновременно и естественны для того состояния человечества, которое мы называем привычным для социологов словом *«общество». Общество*, на наш взгляд, может быть в строгом соответствии с принятой нами методологией определено как *совокупность людей, объединенных противоречивостью их материальных интересов.* В связи с этим стоит упомянуть позицию Ж.-Ж.Руссо, который пусть несколько наивно, но вполне образно утверждал, что тот человек, который первым произнес слова: «Это мое!», стал истинным основателем гражданского общества.

Таким образом, если применить примитивную математическую аналогию, можно получить следующую картину: в дообщественном состоянии, когда людьми управляли инстинкты, унаследованные ими из биологического мира, и примитивные традиции родовой общины, все их «интересы» являлись как бы векторами, равными по величине и направлению и находящимися в единой плоскости. Результирующая данных векторов не отличалась по направленности от каждого из них, в силу чего соподчинения интересов не существовало, отсутствовали

противоречия между ними, а соответствующая система не несла в себе источника развития, находящегося в сфере производственных отношений. Единственный источник прогресса в дообщественном состоянии — это противоречие между биологическими потребностями людей и крайне несовершенными средствами их удовлетворения.

На следующем этапе развития общества, когда прогресс производительных сил, вызванный ранее отмеченным противоречием, обеспечил, с одной стороны, достижение того уровня благосостояния, при котором возникли предпосылки появления «прибавочного» продукта, и, с другой стороны, дал возможность осуществления производительной деятельности в относительно автономном режиме, что способствовало отделению в сознании индивида результата собственной деятельности от результата деятельности других членов общности, возник индивидуальный материальный интерес, не тождественный примитивным, обусловленным инстинктами, «интересам» других людей. Продолжая следовать нашей математической аналогии, можно сделать вывод, что все интересы в данной ситуации, как и ранее, лежат в одной плоскости, и направлены на достижение материального благосостояния, однако, они оказываются с определенного момента как разновеликими, так и разнонаправленными. Естественным образом возникает и результирующий вектор, который символизирует интерес общества в целом, однако, совершенно очевидно, что он может полностью соответствовать заинтересованности отдельного члена социума лишь по чистой случайности. Процесс субординации интересов как раз и стимулирует жизнедеятельность общества. Сама же реализация материальных интересов, происходящая через взаимодействие с окружающим миром, называется нами трудом, а воздействие социума на трудящегося индивида с целью любого перераспределения создаваемых им благ выступает как эксплуатация.

Третий этап — замещение труда творческой деятельностью — знаменует собой преодоление эксплуатации.

Мы считаем, что ликвидировать ее возможно только с преодолением труда и с устранением общественного типа связи между индивидами. При этом следует отметить, что процесс превращения труда во внутренне свободную деятельность, в творчество, является содержанием той исторической эпохи, которая может быть квалифицирована как нисходящий этап экономической общественной формации.

На протяжении этой эпохи прослеживаются этапы устранения эксплуатации, в значительной мере аналогичные этапам преодоления труда. Уже сегодня марксовы оценки степени эксплуатации оказываются фактически исчерпанными не столько в связи со сдвигами в структуре общественного производства, сколько благодаря росту уникальных и невоспроизводимых благ, в результате чего ни их стоимость, ни стоимость рабочей силы не исчисляются в рамках марксовой доктрины.

Таким образом, идеи К.Маркса о количественных оценках степени эксплуатации оказываются лишенными их реального содержания. Между тем, как известно, доктрина социальной революции пролетариата основана именно на признании того, что существенная часть рабочего времени непосредственного производителя безвозмездно присваивается капиталистом вместе с прибавочной стоимостью. Так как задача социальной революции — не устранение прибавочного продукта вообще, а *чисто количественное изменение пропорций его распределения, в результате чего у производителя изымался бы только тот прибавочный продукт, который используется на нужды всего общества, а не удовлетворяет потребности праздных классов,* то сама такая задача сегодня с очевидностью снимается с повестки дня, так как не существует реальной возможности с уверенностью констатировать, что подобная цель уже не достигнута в современных постиндустриальных обществах. Следовательно, уже на нынешнем этапе общественного прогресса «объективистская», количественная, сторона процесса

эксплуатации представляется в значительной мере преодоленной.

Одновременно с ростом индивидуализированности производимых благ в масштабах всего человечества ориентиры и цели деятельности постепенно смещаются от традиционных материальных стимулов, достаточно легко поддающихся экономической оценке, к иным видам мотивов, такой оценке, как правило, не поддающимся. Сегодня еще нельзя утверждать, что совершенствование собственной личности является не только единственной, но даже основной целью, которую ставит перед собой большинство наших современников. Последнее может быть достигнуто только в рамках состояния, целиком основанного на творческой деятельности. Однако фактор общественной значимости того или иного вида активности, признания ее результативности, сегодня становится одним из основополагающих элементов системы мотивации современной деятельности. Это показывает возрастание роли не только субъективного фактора в развитии общества, но и оценок деятельности каждого конкретного индивида со стороны других людей. Роль этих интер- и межсубъектных оценок, которая уже сегодня весьма велика, будет несомненно расти и в будущем.

Поэтому в нынешних условиях проблема эксплуатации, как никогда ранее, не сводима только к одной, объективистской ее стороне. Будучи тесно связанной с целью, которую ставит перед собой человек в процессе деятельности, она не может быть обнаружена только на основе анализа ее вещных результатов. Говоря же о целеполагании, мы сразу оказываемся в кругу проблем индивидуальной психологии. Эксплуатация, чисто количественное измерение которой усложняется пропорционально степени развитости современных хозяйственных систем, подрывается окончательно только тогда, когда исчезает субъективное восприятие постоянно воспроизводящегося противоречия между материальными интересами отдельных индивидов.

Если продолжить нашу примитивную математическую аналогию, то с экспансией творческой деятельности интересы сначала лишь некоторых индивидов, а затем и значительной части членов общества как бы выпадают из той плоскости традиционных материальных интересов, на которые были направлены все стремления людей экономической эпохи. В этом случае удовлетворение экономической заинтересованности одних людей за счет присвоения продуктов творчества других не воспринимается и не может быть воспринято последними как эксплуатация, так как не возникает конфликта между удовлетворением материальных потребностей «эксплуататоров» и осуществлением целей, которые ставят перед собой «эксплуатируемые». Более того, в этом случае изменяется и система ориентиров во всем обществе, так как результирующий интерес социума пусть медленно и очень нерешительно, но с непреодолимой силой смещается в сторону от традиционной экономической плоскости.

Когда основные потребности отдельных членов общества удовлетворяются достижениями различных как по уровню, так и по сути целей, когда объект, являющийся для одного человека вожделенной целью, для другого оказывается мимолетным, побочным результатом его самосовершенствования, то самого факта отчуждения произведенного блага становится недостаточно для фиксации отношений эксплуатации.

Именно этот путь преодоления данного феномена, столь ненавидимого гуманистами всех времен и народов, и является основным для человечества, вступающего на путь преодоления основ экономической общественной формации. Отчуждение части продуктов человеческой деятельности всегда сопровождало и всегда будет сопровождать человечество, как абсолютно необходимый фактор для обеспечения его нормального существования. Поэтому преодолеть эксплуатацию можно только лишь в ее субъективно-нравственном, а не в объективно-экономическом аспекте. Данный путь преодоления эксплуатации совпадает с магистральным направлением прогресса

человечества в сторону возрастания роли и возможностей личности, причем одного только субъективного преодоления эксплуатации достаточно для того, чтобы никогда впредь изъятие части продукта у его создателей не оказывало своего прежнего разрушительного воздействия на всю систему межличностных отношений.

Двести лет назад идеологи Великой французской революции говорили: властители и короли кажутся великими только потому, что мы сами стоим на коленях; поднимемся же! Эксплуатация воздействует на общественные отношения до тех пор, пока большинство людей с их утилитарными потребностями являются винтиками единой машины, всецело зависимыми от воли другого человека, организации или государства. Так же, как в условиях массового производства материальных благ действуют в полной мере открытые К.Марксом и Ф.Энгельсом закономерности стоимостных пропорций обмена, так и феномен эксплуатации имеет почву лишь в условиях массового производства, в рамках эпохи неиндивидуализированного сознания.

§ 3. Этапы кризиса системы всеобщего товарного хозяйства

Анализируя процесс кризиса всеобщего товарного производства, мы основываемся на том, что главным его аспектом является перерождение человеческой деятельности, постепенное отмирание труда и замена его творческой активностью. Оценка подобной модификации дает возможность выделить периоды и этапы кризиса всеобщего товарного хозяйства не столько в *теоретическом*, сколько скорее в *методологическом* аспекте. Полный теоретический анализ требует рассмотрения конкретных форм, которые может приобрести кризис отношений всеобщего товарного производства на нисходящем этапе

развития экономической общественной формации. Поэтому нам представляется целесообразным рассмотреть обе стороны проблемы, подробно остановившись на каждой из них.

Преодоление трудовой деятельности — это процесс, конституирующий целую эпоху всемирной истории. Можно выделить несколько аспектов, определяющих этапы кризиса всеобщего товарного хозяйства и свидетельствующих о достаточно радикальном воздействии совершенствования человеческой деятельности на эволюцию форм товарных отношений.

Первый. Творческий характер деятельности возможен лишь на таком уровне развития материального производства, при котором основные материальные потребности, определяющие структуру и направление человеческой жизнедеятельности в условиях экономической общественной формации, оказываются в значительной степени удовлетворенными. Степень удовлетворенности отражается в изменении воспроизводственных пропорций. Как уже было отмечено, она приводит к существенному сокращению доли производства материальных благ и возрастанию значения производства услуг и информации.

Тенденция к опережающему развитию сферы услуг отчетливо проявилась в экономике западных стран уже к началу XX в. Причем она была прогнозирована экономистами еще во второй половине XIX в., когда в западной экономической теории наметился отказ от признания «непроизводительными» отдельных видов общественного труда. Так, Дж.Ст.Милль указывал, что производительным является любой труд, создающий полезность, а «полезности, производимые трудом, бывают трех родов. Во-первых, это полезности, заключенные во внешних предметах с помощью труда, который направлен на то, чтобы сообщить внешним материальным вещам свойства, делающие эти вещи пригодными для удовлетворения нужд человека; во-вторых, это полезности, заключенные и воплощенные в самих людях, в данном случае труд направлен на придание людям качеств, которые делают их полезны-

ми для себя и для других; в-третьих, это полезности, не заключенные и не воплощенные ни в каком предмете, а состоящие только в оказании услуг»[1]. Трактовка, признающая непроизводительным только тот труд, который воплощается в материальных и нематериальных благах, не обладающих актуальной полезностью, была предложена в потенциальной форме Ж.Гарнье[2], затем более полно сформулирована У.Джевонсом[3] и приобрела наиболее адекватное воплощение в работах А.Маршалла[4].

Сокращение производства материальных благ легче всего прослеживается на примере снижения доли людей, занятых в материальном производстве по отношению к общему числу трудящихся во всех отраслях народного хозяйства. Этот процесс приобретает особенно четкие формы на протяжении нынешнего столетия. Так, в 1900 г. в США в сфере материального производства было занято около 13 млн. человек, тогда как в сфере услуг — не более пяти. К концу 80-х гг. соответствующие показатели составили 35 и 65 млн. человек, то есть рост численности занятых в материальном производстве не превысил 2.7 раза, а в сфере услуг достиг 12.5 раза[5]. Данные о быстром росте числа занятых в сфере услуг содержатся в большинстве исследований, посвященных современной западной экономике. В весьма благополучные для США с точки зрения роста занятости 70-е гг., когда было создано 19 млн. рабочих мест, только 11 процентов новых вакансий пришлось на всю сферу материального производства и лишь пять процентов созданы в промышленном секторе. В то же время около 17 млн.

---

[1] *Милль Дж.Ст.* Основы политической экономии. Т.1. М., 1980. С.137

[2] См.: *Garnier J.* Traite d'economie politique. 5eme ed., P., 1863. P.25

[3] См.: *Jewons W.S.* The Principles of Economics. L., 1905. P.88

[4] См.: *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т.1. М., 1983. С.124

[5] Подробнее см.: *Perlo V.* Superprofits and Crises: Modern U.S. Capitalism. N.-Y., 1988. P.290

человек нашли применение своим способностям в сфере услуг и производстве информации[1].

Западные авторы, подчеркивающие постиндустриальный характер современных обществ, предпринимают исследования, призванные показать всю значимость прорыва, достигнутого в сфере услуг (так называемом «третичном» секторе) и производстве информации («четвертичном» секторе). Так, Д.Белл отмечает, что фабричный пролетариат в собственном смысле этого слова составлял в США к концу 80-х гг. не более 17 процентов от общей численности рабочей силы, и выражает уверенность, что этот показатель снизится до 10 процентов к 2000 г.[2]. Несколько ранее Д.Бэрч из Массачусетского технологического института, вычленив категорию работников, непосредственно занятых в производственных операциях (engaged directly in manufacturing operations), определил их долю в структуре рабочей силы как не превосходящую 12 процентов[3].

В начале 80-х гг. в США, а несколько позже и в других странах западного мира валовой продукт в сфере услуг превысил его же в сфере материального производства. При этом темпы прироста первого в 80-е гг. опережали темпы прироста второго: во Франции — в два, в США и ФРГ — в шесть, а в Англии — в тридцать раз[4].

Исследования, проведенные в конце 80-х гг., показали, что среди 100 крупнейших американских корпораций, действующих в сфере услуг, объем продаж на одного занятого в 1.4 раза превосходил соответствующий показатель в сфере материального производства. Десять круп-

---

[1] См.: *Кан Г.* Грядущий подъем: экономический, политический, социальный. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.200

[2] См.: *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. // Dissent. Vol. XXXVI. Spring 1989. № 2. P.168

[3] См.: *Naisbitt J.* Megatrends. The New Directions, Transforming Our Lives. N.-Y.,1984. P.5

[4] См.: *Wohlers E., Weinert W.* Employment Trends in the United States, Japan and European Community. Oxford, 1988. P.69

нейших корпораций, работавших в этой сфере, достигли объема продаж порядка 35 млрд. долл. в год, а темпы их роста составили в годовом исчислении от 41 до 170 процентов; максимальная доходность составила более одного млн. долл. чистой прибыли на одного занятого[1]. Прогнозы, выполненные в это же время, однозначно свидетельствовали о прочности сложившихся тенденций: специалисты ожидали прирост занятых в сфере услуг в американской экономике на 16.6 млн. человек при увеличении соответствующего показателя в сфере материального производства лишь на 500 тыс.[2].

Это существенное расширение сферы услуг, понимаемой на данном уровне анализа исключительно как антипод материального производства, можно рассматривать в качестве первого провозвестника экспансии творческой деятельности. Но именно и только провозвестника, да и то в определенной мере, ибо пока сферы услуг и творчества далеко не совпадают. Таким образом началась реализация весьма существенной *предпосылки* становления творчества в масштабах всего общества: снижение значимости материального производства, освобождение значительной части общества от деятельности, непосредственно направленной на создание материальных благ.

Впрочем, такой подход страдает объективизмом, тогда как, с нашей точки зрения, творческая деятельность определяется в первую очередь исходя из ее субъективных черт. Поэтому было бы правильным проанализировать внутреннюю динамику сферы услуг.

Второй. Прогресс творчества, опираясь на преодоление доминирующего фактора материального производства, предполагает возрастание роли тех отраслей жизнедеятельности человека, где преобладают субъект-субъектные отношения, а взаимодействие человека с преобразованной им же самим природой замещается взаимодействием человека с себе подобными.

---

1 См.: *Fortune*. 05.06.1989. P.190-191

2 См.: *Occupational Outlook Quarterly*. Fall 1989. P.19

Сфера субъект-субъектных отношений, как мы уже отметили, далеко не совпадает со сферой услуг. Более того, в рамках последней проходит грань, гораздо более принципиальная, нежели граница, которой обычно отделяют сферу услуг от материального производства.

По одну сторону этой границы лежат почти все бытовые услуги: транспорт, связь, парикмахерские, салоны красоты, общественное питание и так далее, не говоря уже о ремонте, который непосредственно продолжает процесс материального производства. Во всех этих случаях мы имеем дело с такой деятельностью, в которой человек выступает как бы особым элементом природы, *объектом* деятельности, преобразуемой с целью достижения определенного результата. Мы наблюдаем ряд фундаментальных черт сходства сферы услуг с отраслями материального производства: соизмеримость затрат и результатов, воспроизводимость продукта и многое другое.

По другую сторону границы, разделяющей сферу услуг, лежит иная область, которая может с гораздо большим основанием называться «непроизводственной», чем первая[1]. Речь идет об услугах, реализация которых невозможна без активного участия не только тех, кто их оказывает, но и потребителей. Эта «непроизводственная услуга», как мы ее называем, или «human service», как именует ее Д.Белл[2], и есть то экономическое явление современного общества, развитие которого наиболее полно *по сравнению с другими объективными и отражаемыми статистическим образом процессами* свидетельствует как о наличии творческой деятельности в современных хозяйственных системах, так и о ее масштабах.

К таким отраслям можно отнести образование, производство и потребление информации, культуру, так на-

---

[1] Подробнее см.: *Иноземцев В.Л.* К понятию непроизводственной сферы. // Торговля и общественное питание в условиях перестройки. Донецк, 1989. С.54 и сл.

[2] См.: *Bell D.* The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences. P.168

зываемые социальные услуги, а также, хотя последнее и отчасти дискуссионно, здравоохранение. Деятельность в этих секторах сферы услуг сопряжена с проявлением творческой активности, и производство соответствующих услуг не имеет смысла без активных усилий противостоящего производителю субъекта, направленных на потребление, усвоение соответствующей услуги.

Субъект-субъектная деятельность оказывает далеко не одинаковое воздействие на различных людей и ее продукт, заключенный в совершенствовании личности или способностей человека, сугубо индивидуален и невоспроизводим. В каждом конкретном случае его деятельность не имеет некоего шаблона, ее результат не зависит напрямую от затраченных усилий и рабочего времени; однозначная связь между затратами труда и его результатами, столь свойственная эпохе экономической общественной формации, отсутствует.

Более того, в сфере субъект-субъектной деятельности начинают возникать черты, весьма схожие с творческими.

С одной стороны, и это мы только что отметили, ценность оказываемых и получаемых услуг такого рода субъективна в той же степени, как невоспроизводима и сама услуга. В результате субъект-субъектного взаимодействия удовлетворяются не только потребности потребителя в получении блага, но также и потребности производителя в собственном самосовершенствовании, а отчасти и аналогичные устремления потребителя.

С другой стороны, в отличие от сферы производства материальных благ, производство такого рода услуг не связано с отчуждением благ от производителя в пользу потребителя; человек, создающий информационные блага или занятый в сфере образования, не сокращает объем информации, которой он располагает, при ее передаче другим людям. Таким образом, продукты подобной деятельности оказываются не только невоспроизводимыми, но и в значительной степени неотчуждаемыми.

Третий. Специфическим отражением развития форм человеческой деятельности является изменение системы

мотивации активного субъекта, что имеет непосредственное отношение к определению деятельности как труда или как творчества. Западные социологи отмечают целый ряд направлений, по которым осуществляется модификация современной деятельности. Так, в частности, в качестве весьма существенного момента рассматривается снижение отчужденного характера труда, обусловленное ростом субъект-субъектных взаимодействий в процессе производства и развитием самореализации[1].

Преодоление отчуждения связывается также и с ростом автономности современной деятельности, стремление к которой выступает в качестве одного из важнейших на сей день стимулов активного субъекта[2]. Индивидуализация и автономность деятельности, как справедливо подчеркивается многими авторами и подтверждается фактологическими исследованиями — непременное условие использования современных технологий[3]. При этом возникают элементы замкнутой системы, когда потребность в индивидуализации, заданная научно-техническим прогрессом, рождает необходимость использовать более высококвалифицированный труд. Повышение квалификации становится условием значительного удовлетворения работника в результатах своего труда, которое порождает потребность в самореализации на рабочем месте. А она, в свою очередь, уже не извне, со стороны успехов техники, а изнутри, в силу прогресса личности, требует индивидуализации и автономизации трудовой деятельности[4].

Не удивительно, что наиболее восприимчивыми к потребностям технического и всякого иного прогресса оказываются в основном люди, занятые в индивидуализи-

---

1 См.: *Opaschowski H.W.* Wie leben wir nach dem Jahre 2000? Szenarien über die Zukunft von Arbeit und Freizeit. Hamburg, 1987. S.15

2 См.: *Deutsch R.E.* Tomorrow's Work Force: New Values in the Workplace. // The Futurist. 1985. Vol. XIX. December. P.11

3 См.: *Best F.* Technology and the Changing World of Work. // The Futurist. 1984. Vol. XVIII. № 2. April. P.64

4 См.: *Fawice W.A.* Problems of an Industrial Society. San Francisco, 1968. P.148

рованных видах активной деятельности, предполагающих стремление личности к самосовершенствованию. В чем-то правы авторы, предполагающие (в осторожной форме), что творческая по характеру мотивации деятельность способна сформировать такую социальную структуру, которой не нужны ни управление, ни правительство, ни государство, ни даже само общество[1].

Не разделяя в полной мере таких гипотез, мы должны отметить, что *творческая деятельность, воплощающая самовыражение и саморазвитие индивида, является общественной только по своей форме и результатам, но не по сущности и предпосылкам.* Это, по-видимому, само по себе еще не означает господства творчества, но наиболее важной задачей управления в такой гипотетической ситуации можно считать создание условий, в которых индивид получает наибольшие возможности для индивидуального роста[2], что обеспечивает и наивысший результат деятельности. Таким образом, важнейшим условием производства становится реализация положения: «человек должен быть тем, чем он может быть; он должен соответствовать своей внутренней природе»[3].

Как справедливо отмечает О.Тоффлер, «труд был грубым и жалким в отраслях Второй волны, даже когда они были высокодоходными. В действительности грубость труда была обязательной составляющей прибылей. Чем больше вы выжимали пота из людей, тем больше денег вы делали. По отношению к Третьей волне верно прямо противоположное. Грубость в процессе работы уже более не является прибыльной — она непроизводительна... Драматизируя различия, мы должны сказать, что в старом массовом промышленном производстве главными были мускулы. В развитых разукрупненных отраслях сегодняшнего дня главными являются информация и творчество. И

---

1 См.: *Kahn H., Wiener A.* The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next 33 Years. L., 1967. P.199

2 См.: *Deutsch R.E.* Tomorrow's Work Force. P.9

3 *Maslow A.H.* Motivation and Personality. N.-Y., 1970. P.46

это решает все»[1]. В отличие от мотивированной, приносящей удовлетворение деятельности, труд, не осознаваемый как внутренняя потребность, теряет всякий смысл[2]; в современных условиях решающее значение приобретает именно творческая активность, а творчество становится источником самого себя.

Таким образом, развитие творческой деятельности обусловливает три потенциальных этапа преодоления отношений всеобщего товарного производства. Однако анализ экспансии творчества и замещения им труда дает возможность лишь методологической оценки фаз свертывания товарного производства. Для того, чтобы провести более полную периодизацию, представляется необходимым, во-первых, терминологически обозначить периоды преодоления отношений всеобщего товарного хозяйства, и, во-вторых, дать краткую характеристику каждого этапа.

На *первом этапе* кризиса товарного хозяйства общественное производство порождает большое количество благ, которые не могут получить в полной мере адекватной общественной оценки на основе принципов, традиционных для системы всеобщего товарного производства. Эти блага не могут быть оценены в стоимостных категориях, так как представляются невоспроизводимыми в силу своей уникальности, или, что более вероятно, само воспроизводство их не представляется необходимым. В этой ситуации количество общественно необходимого для воспроизводства подобного продукта рабочего времени становится иррациональной категорией, которая не может определить их стоимость. В то же самое время они в огромном количестве попадают на рынок (а динамика мелкосерийного производства и производства услуг все более опережает показатели развития традиционных отраслей), и цены, по которым такие продукты обмениваются на иные товары, определяются исходя из стоимости

---

[1] *Тоффлер О.* Будущее труда. // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.254

[2] См.: *Opaschowski H.W.* Wie leben wir nach dem Jahre 2000? S.15

аналогичных благ с корректировкой на отсутствие эластичности спроса со стороны предложения.

На данном этапе кризиса всеобщего товарного производства отсутствует сколь-либо серьезные поверхностные явления, свидетельствующие о развертывании этих глубинных процессов. Оборот благ, воспроизводимых в рамках массового производства, движение которых в полной мере определяется стоимостными закономерностями в их традиционном понимании, и оборот невоспроизводимых, уникальных или малосерийных продуктов не разграничены (в том числе статистически) по секторам экономики; в каждой из основных отраслей хозяйства существуют прецеденты производства подобных товаров, однако, ни одна отрасль жестко не специализируется на их выпуске. В результате на поверхности экономической жизни в полной мере сохраняются все основные черты всеобщего товарного производства. Деятельность непосредственных производителей, хотя и становится более разнообразной и предполагающей большую степень свободы, остается все же жестко зависимой и подчиненной внешней материальной необходимости, сохраняя, таким образом, свою трудовую природу.

Подобная ситуация представляет собой первый этап как самоотрицания всеобщего товарного производства, так и становления нетоварного хозяйства. Неизменность поверхностных черт экономической, а тем более политической жизни, сохранение основных закономерностей сугубо капиталистического типа производства обусловливает, как правило, то, что марксистские авторы не считают такие изменения приводящими к становлению нового способа производства.

Между тем проведенный нами анализ развития товарного производства в рамках прогресса экономической общественной формации показывает, что проблема перехода от одного способа производства к другому далеко не всегда адекватна проблеме перехода от одного типа товарного хозяйства к другому, и, что еще более существенно, смена типов товарного хозяйства в большей мере отража-

ет внутренний прогресс экономической общественной формации, нежели смена способов производства. Поэтому, не утверждая существования некоего посткапиталистического способа производства (и делая это не в силу отказа от ранее выдвигавшихся нами гипотез[1], а исключительно по причине того, что подобная классификация не соответствует рамкам и задачам настоящего исследования), мы должны отметить, что с момента широкого распространения производства благ, которые всецело не подчиняются действию закона стоимости в его классическом виде, возникает новая форма обменных отношений, *первый этап становления нетоварного по своей сути хозяйства, в полной мере воплощенного в постэкономической общественной формации.*

Допуская определенную аналогию с ранее рассмотренными нами типами товарного производства, мы называем этот вид хозяйства, характеризующий первую нисходящую фазу экономической общественной формации, *системным нетоварным производством.*

Оно во многом схоже с системным товарным хозяйством. Так же как и последнее, нетоварное производство системного типа характеризуется распространенностью товарных отношений во всем обществе в целом, а не в его отдельных секторах. И в той же мере как от системного товарного хозяйства к всеобщему ведет несложный переход, так и всеобщее товарное хозяйство превращается в системное нетоварное производство вполне естественным путем, на основе собственного саморазвития. Если при системном товарном хозяйстве во всех отраслях производства товарные отношения укреплялись, то при системном нетоварном производстве их отрицание происходит

---

[1] Подробнее см.: *Иноземцев В.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4. С.32-40; *Иноземцев В.Л.* Специфика современной стадии развития капитализма. // Некоторые проблемы исследования современного капитализма. М., 1989. Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 40078. С.19-51

одновременно во всех секторах общественного производства.

Как восходящее развитие экономической общественной формации приходится на определенный этап — переход от структурного товарного хозяйства к системному, — так и преодоление товарных отношений имеет свой важный рубеж, исторически возникающий там, где появляются уже не отдельные производства, а целые отрасли народного хозяйства, продукция которых не может быть вовлечена в товарный обмен на основании традиционных стоимостных пропорций, или, что более существенно, вообще не вовлекается в товарный обмен как таковой.

С того момента, когда человеческая деятельность приобретает настолько значительный элемент творчества, что основным условием самореализации становится взаимодействие одних людей с другими или продуктами их умственной деятельности, а не с веществом природы или механическими средствами производства; с того момента как материальная мотивация деятельности отступает на второй план, — с этого момента возникает новая ступень становления нетоварных отношений. В данной ситуации появляются целые сектора общественного производства с иными условиями функционирования. Во-первых, их продукция не может быть обменена на прочие блага на основе стоимостных принципов. Во-вторых, она не может быть непосредственно потреблена другими экономическими субъектами, а лишь усвояется ими в процессе собственной деятельности. В-третьих, продукция этих секторов потребляется преимущественно в рамках тех же сфер, где и создана. Так возникает новая структурированность хозяйства, соответствующая данному этапу исторического прогресса: информационные сектора экономики, а также сектора науки, образования и производства уникальных благ все более жестко отделяются от массового производства.

Информация усваивается миллионами людей внутри информационного сектора, а также в сфере науки и

образования. В этих отраслях происходит интенсивный обмен знаниями, информационной деятельностью и информационными продуктами, а также специфическими знаниями и способностями. Число прецедентов такого обмена внутри информационной сферы во много раз превосходит интенсивность обмена информацией между самим информационным сектором и сферой массового неиндивидуализированного производства. То же самое применимо и к сфере массового производства: огромное количество актов обмена средствами производства и преобразованными элементами природы предваряют изготовление готового продукта, потребителями которого являются также и работники информационного сектора. Масса операций обмена внутри каждого из секторов хозяйства значительно превышает трансакцию между секторами.

Понимая всю условность подобного сравнения, можно все же утверждать, что информационный сектор в постиндустриальной экономике играет роль замкнутого натурального (нетоварного) хозяйства в хозяйственных системах прошлых веков, тогда как сектор массового производства представляется носителем товарных тенденций. В результате возникает возможность квалифицировать подобную систему как прецедент *структурного нетоварного производства*, занимающего на нисходящем этапе развития экономической общественной формации историческое место, во многом сходное с тем, которое занимало структурное товарное производство на его восходящем этапе. Однако в отличие от последнего, где активно преодолевался жесткий разграничительный барьер между товарным и натуральным секторами, в период упадка и регресса экономической общественной формации условием быстрого становления формации постэкономической является утверждение твердой разделяющей все общественное хозяйство грани.

Определение этой границы — наиболее сложный элемент в становлении нетоварного хозяйства и кристаллизации отношений постэкономической общественной формации. Весьма сложно осуществить переход от обще-

ства, в относительно равной степени пронизанного товарными отношениями с возникающими элементами нетоварности, к структурированному социуму, в котором существует жесткая граница этих секторов. Назовем два основных условия такого перехода, которые кажутся нам наиболее реальными.

Во-первых, количественное накопление нетоварных отношений и тенденций должно оказаться столь серьезным, что отрасли, в которых оно идет значительно быстрее, оказываются способными к собственному саморазвитию, не производя товаров в классическом смысле этого слова, но обеспечивая в то же время все общество возможностями совершенствования своего материального благосостояния. Приведем историческую параллель. Как натуральное хозяйство в некоторых его проявлениях поддерживалось существованием товарного сектора, представляя при этом ту основу, над которой только и могла возвышаться рыночно ориентированная надстройка, так и информационный сектор в определенной мере поддерживается отраслями массового производства, обеспечивая этим последним условия их собственного развития.

Во-вторых, активный сектор хозяйства, а именно тот, который мы относительно условно называем информационным, должен обладать источником саморазвития, достаточным для того, чтобы обеспечить прогресс не только для самого себя, но и для всего общественного производства в целом. Таким источником может выступать только надутилитарно мотивированная деятельность, охарактеризованная выше как творчество. Между тем творческая деятельность, что имеет особое значение, является определенной реакцией на экономизированные поведенческие модели, присущие развитым формам экономической общественной формации, ввиду чего не вполне ясно, может ли она вполне адекватно выступить в качестве системообразующего фактора в одном из секторов структурного нетоварного хозяйства и регулировать в полной мере нетоварную систему.

Структурное нетоварное производство естественным результатом своего развития имеет всеобщее нетоварное производство, так как единственным несомненно активным началом во взаимодействии его частей обладает элемент, основанный на развитии творческой деятельности и производстве невоспроизводимых благ; элемент, которому неизвестны экономическое принуждение и эксплуатация. Тем самым структурное нетоварное производство представляется нам теоретически вполне допустимой и устойчивой хозяйственной системой, некоторые примитивные элементы которой уже начинают проявляться в хозяйственной жизни наиболее развитых социумов современности.

В то же самое время завершающий этап регресса экономической общественной формации и, тем самым, высшая фаза формации постэкономической — всеобщее нетоварное производство — сегодня может быть представлено пока лишь в форме весьма общих тезисов и относительно сомнительных допущений.

Между тем нельзя не отдавать себе отчета в том, что человечество стоит перед лицом новой социальной структуры, которая до сегодняшнего дня не познана ни на уровне ее базисных элементов, ни на уровне источников ее саморазвития, ни на уровне основных противоречий и отношений. Подобная ситуация представляется весьма опасной, так как никогда ранее общество не сталкивалось с проблемой столь системной трансформации.

Переход от *доэкономической общественной формации* к *экономической* проходил в условиях, когда человечество еще не было объединено и люди даже не осознавали значения и последствий этого явления. Переход от одного способа производства к другому в рамках *экономической общественной формации* проходил в условиях последовательного развертывания противоречий товарного хозяйства и развития трудовых отношений, опосредуя становление наиболее совершенных форм данной общественной формации. Сегодня же мы стоим перед качественно новым сдвигом — переходом от труда к творче-

ской деятельности, от экономизированной оценки благ к индивидуализированной, от относительно привычных социальных отношений к совершенно неизвестным их формам. При этом человечество рискует потерять основные ориентиры, определявшие его развитие на протяжении всей предшествующей истории.

Дополнительный драматизм этому явлению придает то обстоятельство, что *постэкономическая общественная формация*, в отличие от *экономической*, не основана на некоей комплексной социальной структуре, не построена вокруг определенного основополагающего отношения или принципа; она лишь ориентирована на творческую деятельность, *в той же мере постсоциальную, в какой инстинктивная деятельность доэкономической общественной формации оставалась по своей природе досоциальной, т.е. биологической.*

Таким образом, постэкономическая общественная формация, оставаясь последней *общественной* формацией, в то же самое время приобретает качества исходного состояния постсоциального организма. И так же как принципы, господствовавшие в доэкономическую эпоху, были удовлетворительным образом исследованы только с позиций понимания закономерностей экономической общественной формации, т.е. социального целого, так и принципы постэкономической общественной формации могут быть в полной мере изучены только после всестороннего исследования законов и отношений постсоциальной эпохи. Невозможность познания последних обусловливает и неосуществимость адекватного изучения закономерностей постэкономического состояния общества. Методы экстраполяции, столь привычные для традиционных исторических исследований, становятся неприменимыми к задачам сегодняшнего дня, что еще более подчеркивает значимость исторических перемен, перед которыми стоит цивилизация.

Очерк пятый

ГЕНЕЗИС ПОСТЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ СОЦИУМАХ

Как мы уже говорили в предыдущем разделе, если экономическая общественная формация достаточно объективно исследована на основании разнообразных закономерностей общественного развития, то постэкономическая пока не может быть подвергнута всестороннему изучению.

В данный момент мы в состоянии лишь фиксировать и анализировать некоторые явления, возникающие в наиболее развитых обществах и раскрывающие характерные черты постэкономического социума, генезис которого проходит у нас на глазах. С каждым десятилетием, с каждым годом темп социальных изменений растет и тем внимательнее следует отмечать все перемены в хозяйственной и общественной жизни, которые несут в себе ростки новой общественной формации.

Признаки ее возникновения, характеризующие нисходящую фазу экономической общественной формации, отмечаются применительно к развитым странам Запада начиная с 60-х гг. нашего века. Наиболее заметное явление этого периода — *радикальное изменение природы экономического роста, его новое качество.*

Если для этапа, предшествовавшего становлению основ экономической общественной формации, присуще доминирование добывающего хозяйства — аграрного сектора, горной промышленности, рыболовства, лесоводства и т.д., — а из индустриальной деятельности можно отметить фактически лишь строительство, то позднее, в обществе, называемом современными западными исследователями индустриальным, сформировавшемся в ходе промышленной революции XVI-XVII вв., самое быстрое

развитие получил вторичный сектор — обрабатывающая промышленность. Именно благодаря этому были достигнуты впечатляющие успехи в области массового производства материальных благ. Возникла и сфера услуг, в которой в последние десятилетия в результате научно-технической революции, связанной с особой ролью теоретических знаний и появлением принципиально новых технологий, начинает создаваться все большая доля валового национального продукта.

Это подтверждается и статистическими данными. Если в США перед Великой депрессией более половины валового национального продукта создавалось в первичном и вторичном секторах (соответственно — 16.6 и 35.9 процента), то в 1955 г., накануне резких технологических скачков, доля добывающих отраслей снизилась до 8.1 процента, а обрабатывающей промышленности даже повысилась — до 42.0 процента. Со второй половины 50-х гг. ситуация изменилась самым радикальным образом: доля первичного сектора снизилась до 3.8 процента, а вторичного — до 23.2 процента, то есть соответственно в 2.31 и 1.81 раза. Доля же сферы услуг выросла почти в полтора раза — с 51.8 процента в 1955 г. до 73.0 процента в 1990 г.[1]. При этом следует отметить, что США лидируют среди развитых стран в экспансии сферы услуг и производстве информации: в 1993 г. более высокий показатель доли услуг в валовом национальном продукте отмечен только в Гонконге, тогда как достигшие наивысшего показателя среди европейских стран Германия (61 процент) и Дания (69 процентов)[2] отстают от США.

Опираясь на эти данные, современные западные исследователи называют формирующееся новое общество

---

[1] См.: *Kahn H.,Brown W, Martel A.* The Next 200 Years. A Scenario for America and the World. N.-Y., 1971. P.52; Statistical Abstract of the United States 1980. Washington, 1980. P.441; Statistical Abstract of the United States 1995. Washington, 1995. P.452

[2] См.: World Development Report 1995. Oxford, 1995. P.167

постиндустриальным, противопоставляя его доиндустриальному и индустриальному. Они выделяют пять важнейших черт этого нового общества, отмечая, что в нем, *во-первых,* «экономика перешла от преимущественного производства товаров к преимущественному созданию услуг»; *во-вторых,* «класс профессионалов и специалистов технического профиля превратился в самую крупную группу занятых»; *в-третьих,* нововведения, отраженные «в меняющихся взаимоотношениях между наукой и технологией, экономической теорией и политикой, стали в возрастающей степени зависеть от успехов в области теоретического знания»; *в-четвертых,* «интеллектуальные институты общества, будучи связанными с кодификацией теоретического знания, в последней трети столетия все в большей и большей степени превращаются в ведущие институты»; *в-пятых,* идет бурный рост «нового политического класса — класса консультантов, экспертов, или технократов»[1].

Наряду с активным ростом третичного сектора происходит и изменение пропорций занятости. Основная масса рабочей силы сосредотачивается в сфере услуг. Некоторое представление о направлениях движения занятости в течение последнего десятилетия дает приведенная ниже таблица (см. *табл.1*).

Следует иметь в виду, что и сама сфера услуг включает в себя различные области хозяйственной жизни. Если на заре индустриальной эры она была представлена прежде всего транспортом, коммунальным хозяйством и некоторыми другими отраслями, связанными с обслуживанием движения товаров и растущими потребностями материального производства во вспомогательных процессах, то в дальнейшем экономизация общества вызвала необходимость быстрого прогресса торговли, а также финансовых и страховых услуг, а со становлением постэкономического общества особо важную роль начинают играть услуги

[1] См.: *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society. // The Public Interest. N.-Y., 1967. № 7. P.102

никами и предшественниками, достижения которых так или иначе вызывают их к жизни[1].

Роль внутренней мотивации при выборе и осуществлении профессиональной деятельности в современном обществе возрастает не только в сфере субъект-субъектных отношений, но и в других секторах экономики. О приоритете того или иного мотива можно судить по ряду косвенных признаков, таких, как индивидуализация производства, позволяющая выбрать и организовать деятельность по своему усмотрению, значимость для саморазвития человека не только свободного, но и рабочего времени, возможность самореализации в избранной сфере и так далее.

Переход от массового производства и потребления к их индивидуализации означает, что «в структуре занятости число работников, выполняющих идентичную работу, растет медленнее и медленнее, в то время как разнообразие профессий увеличивается... Сами работники начинают все больше отличаться друг от друга, а поскольку они (и мы) являются также потребителями, различия незаметно переносятся и в рыночную сферу»[2]. Так называемая «дестандартизация» рабочих мест расширяет возможности свободного выбора того или иного вида деятельности.

Примеры нововведений, способствующих достижению индивидуализации производства, многообразны. Одним из первых следует назвать стремительно распространяющийся с начала 70-х гг. «гибкий рабочий день», что дает возможность рабочим в определенных границах выбирать свои собственные рабочие часы. Это позволило, в частности, расширить объем работы в ночное время, что чрезвычайно важно в сфере услуг. В то же время стала расти и частичная занятость. В 1994 г. в США

---

[1] См.: *Бузгалин А.В.* Система категорий политической экономии коммунизма: взгляд в будущее. (Научно-фантастические очерки.) // По ту сторону отчуждения. (Сборник политико-экономических гипотез). М., 1990. С.42-43

[2] *Toffler* A. The Third Wave. N.-Y., 1980. P.271

26.3 процента работников были заняты менее 35 часов в неделю, причем 85 процентов из них трудилось неполный рабочий день по неэкономическим мотивам: необходимость получения образования, забота о семье, здоровье и т.д.[1]. По прогнозам специалистов, представители большинства профессий в будущем перейдут на частичную занятость. Индивидуализации рабочего времени способствует также широкое распространение компьютерных технологий. Если в индустриальную эпоху технологический цикл определял стандартизацию как продуктов производства, так и самой работы (и, естественно, людей, ее осуществляющих), то возникающий новый тип технологий дает совершенно противоположный эффект — переход «от пунктуальности соответствия указаниям к селективной или ситуационной пунктуальности»[2].

В результате комбинации скользящего графика, ночной работы, частичной занятости и компьютерных технологий все большее число людей трудится вне пределов традиционного рабочего дня, что дает им возможность удовлетворять свои индивидуальные пожелания в выборе профессии. Свободного времени, позволяющего развивать личностные таланты, становится все больше и в конце концов грани между ним и рабочим временем полностью стираются.

Появление компьютерно-коммуникационных технологий способствует облегчению доступа к информации, ее сбору и обработке, освобождая работника от излишнего труда. Впервые в истории «огромное количество человеческих существ получает возможность быть освобожденным от долгих часов труда на официальном рабочем месте в рыночной среде, быть освобожденным для различных видов деятельности в свободное время»[3], что «делает

---

[1] См.: Statistical Abstract of the United States 1995. Washington, 1995. P.409

[2] *Toffler* A. Op. cit. P.270

[3] *Rifkin* J.The End of Work. The Decline of the Global Labour Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.-Y., 1995. P.13

возможным для каждого человека... самосовершенствование»[1]. За абсолютным увеличением свободного и сокращением рабочего времени скрывается качественный аспект: присущее нисходящей фазе экономической общественной формации стирание границ, отделяющих рабочее время от свободного.

Так, Д.Рисмен отмечает, что «...профессионалы, руководящий персонал, лица с высоким уровнем образования в целом, имеют тенденцию даже более активно заниматься профессиональной деятельностью вне границ рабочего дня»[2], а О.Тоффлер отмечает переход рабочего времени в свободное не только среди интеллектуальных видов деятельности, выделяя два сектора экономики: в одном индивидуум работает в свободное время для себя, а в другом — он трудится в рабочее время для других, производя товары и услуги, поступающие на рынок. «Если мы посмотрим повнимательнее, мы увидим начало фундаментального сдвига — проникновения этих двух секторов друг в друга. Мы видим усиливающееся размывание границы, разделяющей производителя и потребителя»[3]. Последнее О.Тоффлер называет «переходом от пассивного потребительства к активному прозументу»[4], под которым подразумевается слияние функций производства и потребления.

По мере нарастания указанных процессов особое значение приобретает информация, становящаяся не только основой богатства, но и важнейшим условием общественного воспроизводства. Особый статус информации в постиндустриальном обществе заключается в ее преобладающем влиянии на результаты производства. По мере перехода человечества от доиндустриальной к инду-

---

1 *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1983. P.33

2 *Riesman D.* Leisure and Work in Post-Industrial Society. // Mass Leisure. Ed. by Larrabee E., Meyersohn R. Glencoe, Ill., 1958. P.377

3 *Toffler A.* Op.cit. P.284

4 Ibidem. P.293

стриальной и от нее — к постиндустриальной стадии развития происходила смена лимитирующего фактора производства, того, «...который труднее всего заменить и предложение которого отличается наибольшей неэластичностью»[1].

И если лимитирующим фактором производства в доиндустриальную эпоху, эпоху «игры человека против естественной природы» (game against Nature), была «земля», эксплуатация которой обеспечивала минимальный набор средств существования, то прогресс техники, основанный так или иначе на прогрессе знаний, был направлен на увеличение меры власти человека над естественной средой. Только индустриальные общества, представляющие «игру человека против "искусственной" (созданной человеком) природы» (game against fabricated Nature), научились извлекать энергию из исчерпаемых источников ископаемого топлива — угля, газа, нефти, что поставило технологию на совершенно новый уровень[2]. Массовое производство материальных благ в эту эпоху было достигнуто благодаря растущей предельной отдаче «капитала» как фактора производства. Помощь, которую оказывали человеку знания и интеллект, направлялась на совершенствование искусственного мира «капитала», стоящего между человеком и естественной средой.

Преодолевая экономические принципы общественной организации, современная цивилизация, сутью которой является «игра между людьми» (game between persons), начинает использовать иной энергетический базис — не высококонцентрированные источники горючего, а рассеянные генераторы возобновляемой энергии. Освоение громадного разнообразия видов энергии — солнечной, геотермальной, термоядерной, энергии приливов и биомассы — позволило обществу «искусственно» увеличить физическую силу человека и перейти к совершенствованию его умственных возможностей. Лимитиру-

---

1 *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М., 1969. С.95-96

2 См.:*Toffler* A. Op. cit. P.42

ющим фактором современных производственных систем становится информация[1], которая является доминантой производства и важнейшим продуктом наиболее динамично развивающегося пятеричного сектора экономики, где имеет место процесс производства информации из информации в наиболее наглядном виде. Повышение эффективности производства информации, как при помощи технических устройств, так и путем роста образовательного уровня людей, направлено уже не на противостояние естественной или искусственной среде, а на решение проблемы совершенствования интеллектуального потенциала общества.

Сегодня информационной деятельностью заняты многие группы работников. Во-первых, это производители информации — ученые, специалисты по изучению и координации рынка, ее поставщики и консультанты. Во-вторых, это ее обработчики — административный и управленческий персонал, транспортные диспетчеры, аудиторы, бухгалтеры, статистики и т.д. В-третьих, это ее распространители — работники сферы образования и средств массовой информации. И, наконец, в-четвертых, это работники ее инфраструктуры — операторы машин, обрабатывающих информацию, сотрудники телекоммуникационных служб и т.д.[2].

Уже к 1985 г. в США 63 процента рабочей силы составляли информационные работники, 76 процентов общественного рабочего времени тратилось на эти виды деятельности, а 67 процентов совокупной заработной платы шло на оплату труда работников информационного сектора, причем зарплата последних оказывалась в среднем на 35 процентов выше, чем в других секторах[3].

---

1 См.: *Stonier T.* The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983. P.23

2 См.: *Gleave D.,Angell C., Woolley K. with Macdonald P. & Palmer D.* The Impact of New Technology on the Labour Market and Demands for Information Services. L., 1985. P.197-201

3 См.: *Rojers E.M.* Communication Technology: The New Media in Society. N.-Y., 1986. P.112

В современном обществе теоретическое знание, определяемое как «набор упорядоченных утверждений относительно фактов или идей, представляющих осмысленное суждение или результат эксперимента, которые передаются другим при помощи средств коммуникации в строго систематизированной форме» и играющее роль той оси, «...вокруг которой будут располагаться новая технология, экономический рост и стратификация общества», сменяет экспериментальные и обыденные знания в качестве детерминанты экономического прогресса[1]. Прогресс знаний через прогресс технологии обеспечивает становление новой структуры экономики — относительное сокращение сельскохозяйственного и промышленного производства ввиду возрастающей роли потребностей, удовлетворяющихся вне этих сфер, а также отток рабочей силы из сельского хозяйства и промышленности, связанный с распространением в данных отраслях научно-технических достижений[2].

Повышение роли теоретических знаний связано и с так называемым «планированием технологии». «Если индустриальные общества развивались путем инвестирования в производство техники спонтанным и непредсказуемым образом, успех постиндустриальной технологии тесно связан со способностью минимизировать неопределенность путем планирования будущего»[3].

Преобладание теории над эмпиризмом проявляется в возникновении «интеллектуальной технологии», состоящей из разнообразных теорий и методов: линейное программирование, системный анализ, кибернетика, теория игр и симуляций и так далее, которые дают мощные средства для анализа и эксперимента в социальных науках. Это позволяет сравнивать альтернативные проекты будущего развития, расширяет горизонты выбора, облег-

---

1 См.: *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P.112,175

2 См.: *Коэн С., Зисман Дж.* Производящие отрасли. Миф о постиндустриальной экономике. М., ИНИОН АН СССР, 1988. С.4

3 *Clark D.* Post-Industrial America: a Geographical Perspective. P.27

чает управление крупномасштабными системами с большим количеством взаимодействующих переменных, которые должны быть скоординированы с целью достижения определенных целей. Успех «интеллектуальной технологии» ярко демонстрируется на примере управления современной экономической системой. Макроэкономическое регулирование стало возможным благодаря тому, что абстрактные разработки экономической теории позволяют правительству путем директивного или индикативного планирования, монетарной или фискальной политики поддерживать экономический рост, перераспределять ресурсы, обеспечивать баланс между секторами, бороться с инфляцией и т.д.

Огромный объем, скорость обработки, структурирование информации в компьютерных сетях открывают перед человечеством новые перспективы. Так, Е.Масуда называет целый ряд коммуникационных систем, применяющихся в японской практике: компьютерный административный банк данных; компьютополис — компьютерный город, основанный на информационной системе коммуникаций; медицинское обслуживание на дистанционном контроле; компьютерно-ориентированное образование; компьютеризированный мониторинг загрязнения окружающей среды; «головные центры», оборудованные компьютерами, библиотеками, дискуссионными залами, экспериментальными установками; информационные системы управления малыми предприятиями; центры переподготовки кадров и так далее[1].

«Мы движемся к свободно организованной, открытой информации... — отмечает О.Тоффлер. — Такая форма хранения и обработки информации указывает на глубокую революцию в том, как мы мыслим, анализируем, синтезируем и выражаем информацию, и ведет к скачку наших творческих возможностей...»[2].

---

[1] *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. P.13

[2] *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21th Century. N.-Y., 1990. C.172

Примечательно, что именно «информация», а не «труд» сменяет «землю» и «капитал» в роли фактора, обеспечивающего прогресс общества. Труд в качестве фактора производства предполагает создание *экономических благ*, подлежащих *обмену* и *потреблению*. Массовое производство познавательной, систематизированной информации, технологии и знаний нельзя в полной мере назвать экономической деятельностью. Обмен и потребление информации и знаний не тождественны обмену и потреблению материальных благ. Существуя и накапливаясь в виде символов, т. е., строго говоря, принимая материальную форму, информация и знания в то же время неотчуждаемы (поскольку, передаваясь от производителя к пользователю, остаются также и достоянием производителя) и не исчезают в процессе использования или усвоения. Д. Белл так характеризует «экономику информации»: «Что касается информации и знаний, то они физически не потребляются и не изнашиваются... Знание, даже если оно продается, остается с его производителем. Это "коллективный товар" с той точки зрения, что, будучи произведено, оно по своему характеру становится достоянием всех»[1].

Роль личности в информационном обществе становится совершенно иной. Существенным образом меняются требования к человеку и характеру его профессиональной деятельности. Если работнику индустриального общества, «организационному человеку» (organization man), важно было быть понятливым или смышленым, т.е. обладать «способностью воспринимать систему правил»[2], в соответствии с которыми необходимо действовать, «осознавать свое место в положении вещей; занимать четко определенную нишу; совершать действия, которые были четко определены целями органи-

[1] *Белл Д.* Постиндустриальное общество. // Американская модель: с будущим в конфликте. Под общ. ред. Шахназарова Г.Х. М., 1984. С.17

[2] *Hage J., Powers Ch.H.* Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century. Newbury Park (Ca.), 1992. P.70

зации...»[1], то в корпорации постиндустриального общества формируется новый тип человека-работника — «ассоциативного человека» (associative man), для которого важно обладать «творческим мышлением»[2], то есть умением изобретать новое, по-новому манипулировать известными данными, а главное — оказываться способным видеть, чувствовать и решать возникающие проблемы. «Творческое мышление» должно стать и атрибутом гибких производственных групп.

Разница в требованиях, предъявляемых работнику в индустриальном и постиндустриальном обществах, связана и с серьезными различиями в характерных чертах профессиональной деятельности, складывающихся в этих обществах.

«Если организационный человек был подчинен организации, то ассоциативный человек почти независим от нее. Если организационный человек был лишен подвижности в целях экономической безопасности, то ассоциативный человек все больше считает ее само собой разумеющейся. Если организационный человек боялся риска, то ассоциативный человек открыт навстречу ему (зная, что в текучем и быстроменяющемся обществе даже неудача является временной). Если организационный человек был иерархически подчинен, добиваясь статуса и престижа внутри организации, то ассоциативный человек добивается этого вне иерархии. Если организационный человек занимал предопределенное ему место, то ассоциативный человек передвигается с места на место в комплексной структуре преимущественно по собственному желанию. Если организационный человек посвящал себя решению рутинных проблем в соответствии с четко определенными правилами, исключая любое проявление неортодоксальности и творчества, то ассоциативный человек, сталкиваясь с неизвестными проблемами, стремится к новаторству. Если организационный человек подчинял

---

1 *Toffler A.* Future Shock. N.-Y., 1970. P.138

2 См.: *Hage J., Powers Ch.H.* Op. cit. P.71

свою индивидуальность "командной игре в мяч", то ассоциативный человек осознает, что команда сама по себе изменяема. Он может субординировать свою индивидуальность на время, на тех условиях, которые он сам выбирает, но это никогда не будет перманентная субординация»[1]. Таким образом, ассоциативный человек сам вершит свою карьеру, получая удовлетворение от своей работы.

Даже в тех областях хозяйства, где распространены виды деятельности, не представляющие собой творчество как таковое, формируется «творческий стиль деятельности». «Творческие граждане будут залогом прогресса постиндустриального общества... Нескольких Эйнштейнов и Пикассо будет недостаточно. Все до одного или по крайней мере значительная часть населения должны проявлять больше творческих способностей, чем прежде»[2]. Управление творческим персоналом так же потребует нового стиля руководства — «гетерогенного, личностного, антибюрократического, мыслящего, творческого»[3].

Творческий стиль предполагает соревнование для достижения целей, возможность смены поля деятельности и достижение успеха на новых поприщах. Кроме того, организация корпорации постиндустриального общества, принципы которой мы рассмотрим несколько ниже, создает как возможность, так и необходимость подключения всех работающих к управлению, формируя основы хозяйственной демократии. Речь идет преимущественно об участии рабочих в принятии решений относительно объемов работы, графиков, выбора сферы деятельности и тому подобного.

Доминирование преимущественно умственной активности делает издержки фирмы состоящими из трех частей: знаний; навыков и талантов; энергии и материаль-

---

1 *Toffler A.* Op. cit. P.142

2 *Hage J., Powers Ch.H.* Op. cit. P.72

3 *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21th Century. N.-Y., 1990. P.199

ных ресурсов[1]. На сегодняшний день в условиях растущей индивидуализации производимых благ и проблематичности адекватного определения их стоимости[2] только последние две составляющие издержек остаются так или иначе исчислимыми, в то время как первый компонент этой структуры может получить лишь иллюзорную денежную оценку, не адекватную ее сути ввиду диффузии стоимостных отношений в постиндустриальном обществе.

Институциональная структура современного общества представляется состоящей из шести элементов: экономические предприятия, социальный комплекс, научные учреждения, предприятия по производству общественных благ, добровольные организации и домашние хозяйства. Первые четыре сектора составляют *формальную экономику (formal economy)*, тогда как последние два представляют собой *комплементарную экономику (complementary economy)*. В *формальной экономике* университеты, исследовательские центры, академические институты, «...где теоретические знания создаются, проверяются и кодифицируются, ...становятся главными институтами»[3], в отличие от индустриального общества, где ключевым институтом являлась деловая фирма, благодаря ее ведущей роли в организации массового производства материальных благ. Научные же учреждения превращаются в центральный институт постиндустриального общества, благодаря их ведущей роли как источника инноваций и знаний. И если людские и материальные ресурсы индустриального общества концентрировались вокруг источников энергии, то в постиндустриальном обществе их скопление будет обусловлено наличием научных учреждений.

---

1 См.:*Sadler P.* Managerial Leadership in the Post-Industrial Society. Aldershot, 1988. P.112-113

2 См.: *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. С.249

3 *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society. // The Public Interest. N.-Y., 1967.№ 6. P.30

Утверждение о том, что главные институты новой эры будут интеллектуальными, означает не только то, что большинство представителей постиндустриального общества будет состоять из ученых, инженеров, технических специалистов или интеллектуалов, хотя в современном обществе «абсолютное большинство индивидов *не является бизнесменами*»[1]. Общественный сектор, предполагающий неприбыльное производство, и квазиприбыльные предприятия, занимающие промежуточное положение между частным и общественным секторами, в ходе становления постиндустриального общества прогрессирует быстрыми темпами не только за счет научной сферы, но и за счет производства общественных благ и сферы услуг в целом. Д.Белл отмечает, что, начиная с 60-х гг., из каждых 10 новых рабочих мест, создаваемых в экономике США, 9 принадлежит неприбыльному сектору[2]. Наличие этой тенденции говорит о том, что адекватная индустриальному обществу цель производства прибыли в масштабах всей экономики «размывается» целями достижения общего блага, повышения «качества жизни».

Остановимся вкратце на специфических особенностях функционирования современной корпорации, характерной нисходящему периоду развития экономической общественной формации.

Изменение роли крупных корпораций в постиндустриальном обществе охватывает ряд моментов. Один из них — отказ от приоритета максимизации прибыли как основной цели производства и включение в систему принципов взаимоотношений с внешней средой не только традиционных экономических ценностей, но и ориентации внутренней структуры на стимулирование «творческих видов деятельности» (creative work-styles)[3].

---

1 Ibidem

2 *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society. № 7. P.113

3 *Toffler A.* Previews and Premises: An Interview with the Author of «Future Shock» and «The Third Wave». N.-Y., 1983. P.34

Господствующая в индустриальную эпоху цель максимизации прибыли зачастую укрепляла рыночную власть корпорации, но в то же время и приводила к относительно негибким подходам ее ко всякого рода нововведениям. При этом оправдание существования крупных корпораций, как правило, сводилось к «естественным правам» свободы и частной собственности. На современной стадии происходит формирование «развитой корпорации» (mature corporation) (Дж.К.Гэлбрейт)[1], или «адаптивной корпорации» (adaptive corporation) (О.Тоффлер)[2], которая «...не принуждается к максимизации прибыли и не добивается этого ...имеет не одну, а множество целей, подчиненных «принципу совместимости целей общества, организации и личности»[3].

Цели «развитой корпорации» укладываются в определенную схему, где обеспечение самостоятельности и «необходимого минимального уровня дохода» являются главными. В первую очередь эти устремления служат интересам личности, но в то же время они признаны и санкционированы обществом. Как только эти цели достигнуты, начинают преобладать другие устремления к тому, что считается общественно важным. По мнению Дж. К.Гэлбрейта, «если общество придает большое значение совершенствованию техники и измеряет свои достижения способностью к быстрому техническому прогрессу, то это станет целью корпорации и в свою очередь тех, кто в ней работает»[4].

Таким образом, мы имеем двусторонний характер целей корпорации, взаимодействующих в цепочке «личность—организация—общество»: интересы личности согласуются с интересами организации и общества, и наоборот. При переходе к постиндустриальному обществу «оправдание» корпораций обосновывается уже не «есте-

---

1 См.: *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. М., 1969

2 См.: *Toffler A.* The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985

3 *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. С.206-207

4 Там же.

ственными правами» свободы и частной собственности, а их ролью в обеспечении населения необходимыми для достижения высокого качества жизни благами. Критика корпораций направлена уже не на их размеры, власть и неумение проявлять гибкость, а на те моменты, в которых интересы корпораций противостоят интересам общества и личности: рост производства, вызывающего загрязнение атмосферы, подавление интересов личности в иерархической структуре и т.д.

Соединение воедино целей личности, общества и корпорации позволяет говорить о последней не только как об экономическом, но и как о «социологическом институте» (sociological institution). Обоснованным выглядит тезис Д.Белла, который утверждает: «если мы зададим континуум с экономизированным принципом (economizing mode) на одном конце шкалы (где все аспекты организации сводятся к одному — покорному стремлению к поиску средств достижения целей роста производства и получения прибыли) и социологизированным принципом (sociologizing mode) на другом (где всем рабочим гарантирован пожизненный найм, и удовлетворенность работой становится важнейшим критерием при найме), то в последние тридцать лет корпорация постепенно движется вместе с большинством своих работников к социологизированному концу шкалы»[1].

Для корпорации постиндустриального общества характерен «биологический» тип внутренней структуры, в отличие от «бюрократического» типа, присущего предшествующему этапу. Основным преобразованием при переходе от «бюрократической» организации к «биологической» является замена внутренней иерархии сетевой структурой[2]. В ходе реконструкции индустриальной корпорации происходит слом ее иерархической организационной пирамиды: стирание внутриорганизационных гра-

---

1 *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P.288

2 *Полякова Н.Л.* От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С.120

ниц, усиление интеграции ранее специализированных подразделений, устранение управленческих кадров среднего звена и передача права принимать решения гибким по составу и виду деятельности командам.

Постиндустриальная корпорация становится сетью ячеек, связь между которыми носит не субординационный, а коллегиальный характер. Принятие решений на основе коллегиальности, широкого обсуждения существенно облегчается в условиях компьютерного контроля за производственным процессом, открывающего широкие возможности обмена свободно циркулирующей информацией и внедрения изменений. Если в корпорации индустриального общества информация, как правило письменная, становилась закрытой, будучи собственностью организации в целом или отдельного подразделения, то «сегодня каждый работник, где бы внутри компании он ни находился, имеет доступ к информации, создаваемой и циркулирующей по организации»[1].

Превращение информации в лимитирующий фактор производства накладывает соответствующий отпечаток на характер хозяйственной власти. Объектами собственности, дающими их субъектам хозяйственную власть, перестают быть «видимые вещи» (visible things) — земля и капитал; ими постепенно становятся информация и знания, которыми обладают конкретные люди[2]. Если власть, приносящую владельцу мускульной силы обладание землей, О.Тофлер называл властью «низшего качества»; приносящую владельцу денег обладание капиталом — властью «среднего качества», то власть, приносящая владельцу информации обладание знаниями, есть власть «высшего качества».

Информация и знания, или «символический капитал», имеют принципиально иную природу: они более демократичны, чем земля или капитал. Если земля и

---

1 *Rifkin J.* Op. cit. P.102

2 См.:*Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21th Century. P.12

капитал конечны, то знания обладают способностью и возможностью генерироваться бесконечно; если земля и капитал имеют ограниченное число пользователей, то знания доступны их бесконечному числу одновременно. И, наконец, если земля и капитал доступны лишь сильным и богатым, то «действительно революционной характеристикой знания является то, что оно доступно как слабым, так и бедным»[1]. В условиях быстрого научно-технического прогресса идет процесс «размывания» собственности, который выражается в «...утрате профессионалами монополии на знания и информацию и в распространении интеллектуальных технологий...» которые «...предполагают высокий уровень образования и квалификации каждого работника»[2].

Признание демократичности информации и знаний как стратегического и наиболее важного объекта собственности, не исключает проблем *классовых конфликтов* и в постиндустриальном обществе. По мере продвижения к нему активно формируется *класс технократов* (technocratic class)[3], включающий тех, кто обладает информацией, знаниями и умело манипулирует ими, функционируя на трех уровнях: национальном (правительственная бюрократия), отраслевом (профессионалы и академические эксперты) и экономической организации (техноструктура). Последняя представляет собой «мозг современной корпорации» — совокупность людей, «...обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждается современная промышленная технология и планирование. Она охватывает многочисленный круг лиц — от руководителей современного промышленного предприятия до едва ли не основной

---

[1] Ibidem. P.20

[2] *Тоффлер О.* Проблемы власти на пороге XXI в. // Свободная мысль. 1992. № 2. С.113,117

[3] См.: *Kleinberg B.S.* American Society in the Postindustrial Age: Technocrasy, Power and the End of Ideology. Columbus (Oh.), 1973. P.51-52

массы рабочей силы — и включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями»[1].

Технократы составляют, по терминологии А.Турена, *доминирующий класс* постиндустриального общества. Ему противостоят *подавленный* и *особо отчужденный* классы[2]. Доминирующий класс — это правительственная бюрократия, профессиональные и академические эксперты и техноструктура, то есть лица, так или иначе причастные к управлению и стоящие у истоков информационных потоков. Подавленный класс разнороден. Он включает в себя всех тех, кем руководит правительство, в том числе технический и обслуживающий персонал, обеспечивающий информационный поток, не говоря уже об операторах-исполнителях в сфере материального производства. Иное положение занимает особо отчужденный класс — члены местных сообществ, противопоставляемые центральным институтам, работники физического труда, которые не могут «вписаться» в высокотехнологичные процессы, и, наконец, работники отмирающих профессий — все те элементы общества, которые с точки зрения политического устройства противостоят постэкономическим тенденциям. В основе выделения подобной классовой структуры лежит критерий, каковым является либо объем контролируемой информации, либо знания.

Правительственная бюрократия контролирует информацию и манипулирует ею, определяя политические, экономические и социальные цели общества. Провозглашая приверженность прогрессу, доминирующий класс действует в соответствии со своими представлениями, не всегда оставаясь при этом чувствительным к интересам специфических групп, локальных сообществ и отдельных личностей.

---

[1] *Гэлбрейп Дж. К.* Новое индустриальное общество. С.98-99

[2] См.: *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrows Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. L., 1974. P.70

Профессиональные и академические эксперты выступают в качестве доминирующей группы по отношению к техническому и обслуживающему персоналу, и тем более к работникам физического труда. Приоритет профессионалов, работающих в сфере образования и здравоохранения, подкрепляется их знаниями и важной ролью этих сфер в постиндустриальном развитии. Академические эксперты, также входящие в элиту, как правило, сосредоточены в университетах и исследовательских центрах, то есть в автономных структурах, где сосуществуют различные, в том числе альтернативные господствующим, теоретические направления. «Профессионалы, таким образом, защищены в меньшей степени своими иерархическими полномочиями, чем своей научной компетенцией»[1].

На уровне экономической организации доминирующий класс представлен техноструктурой, которая «...включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями»[2], и, следовательно, выполняет решающие производственные функции. Подчиненное положение по отношению к техноструктуре занимают простые операторы-исполнители и в особо отчужденном состоянии оказываются представители устаревающих профессий. «Если собственность была критерием членства в бывшем доминирующем классе (имеется в виду класс капиталистов как доминирующий класс индустриального общества — *О.А., В.И.*), то что касается нового доминирующего класса, критерием являются знания и уровень образования[3]. Поскольку, во-первых, несмотря на возрастающие возможности получения необходимых знаний и образования, люди хотя бы в силу своих природных способностей не могут быть равны, а во-вторых, «хотя современный работник лучше образован, натренирован и обладает лучшими навыками, ...он все еще не занял равного положения со своим оппонентом, нанимате-

1 *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P.65

2 *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. С.99

3 *Touraine A.* Op. cit. P.51

лем...»[1], в постиндустриальном обществе возникают отношения господства-подчинения. «Это причина, по которой...идея отчуждения является такой распространенной. Мы живем в обществе эксплуатации и вступаем в общество отчуждения»[2], в котором возникают и новые формы конфликта — информационные войны, проявляющиеся в «борьбе стандартов», «информационном соперничестве», «компьютерном шпионаже»[3]. Причем совершенствование техники и технологии будет все больше облегчать доступ к информации и может привести к тому, что тотальной информационной войне не будет конца.

Положение подавленного, или эксплуатируемого, класса индустриального общества (пролетариата — рабочих вторичного сектора) по мере прогресса этого общества, согласно всеобщему закону капиталистического накопления, становилось все более тяжелым. Однако классовое противоречие заставляло рабочих искать возможности его разрешения на пути создания организаций — профсоюзов и партий — с целью борьбы за свои экономические и политические права, причем важнейшими были экономические права, среди которых: адекватная оплата труда, приемлемые условия на рабочем месте, некоторые социальные гарантии — детские сады, пенсии, отпуска и т. д.

Развитие на нисходящем этапе экономической общественной формации вносит серьезное отличие в сущность классового конфликта: он возникает между новыми доминирующим и подавленным классами не по поводу экономических, а по поводу постиндустриальных ценностей: желания заниматься творческой деятельностью, получать или повышать образование, иметь гибкий рабочий график, участвовать в жизни организации, города, общества

---

[1] *Wedderburn K.W., et al.* Labour Law in the Post-Industrial Era. // Andershot, 1994. P.89

[2] *Touraine A.* The Post-Industrial Society. P.61

[3] Современные зарубежные теории социального изменения и развития. Вып. 2. Практопия Олвина Тоффлера. М., ИНИОН, 1993. С.45

и т. д. Смена ценностей не означает как устранения конфликта, так и необходимости его разрешения. Работники, относящиеся к подавленному классу, могут разрешить его двумя путями: во-первых, индивидуально — путем «приобретения редких навыков, у которых нет легкодоступных субститутов», т.е. становясь членом доминирующего класса (скажем, техноструктуры); а во-вторых, коллективно — традиционным путем «создания союзов, гильдий и ассоциаций»[1] на рабочем месте, в масштабах города, страны. Таким образом, наряду с деиндустриализацией производства и занятости, в постиндустриальном обществе имеет место не исчезновение, а «деиндустриализаця рабочих партий»[2], профсоюзов, и вносится специфика в модель их организации и задачи, но их роль в деле преодоления классового противоречия не снижается.

Профсоюзы «...за последние сто лет трансформировались из организаций, построенных по принципу мастерства (craft-oriented organizations) аналогично гильдиям, во властные структуры, объединяющие работников массовых профессий и полуквалифицированных работников в мощные союзы, построенные по отраслевому признаку (industrial unions)»[3]. Первая модель построения профсоюза получила название «горизонтальной», вторая — «вертикальной». Эволюция моделей организации профсоюзов очень точно отвечает потребностям постиндустриального работника: принадлежа профсоюзу низшей гильдии он может продолжать оставаться ущемленным в правах, подавленным не только нанимателем, но и профсоюзом высшей гильдии; принадлежа «вертикально» организованному профсоюзу, работник совместно с более и менее

---

1 *Clement W., Myles J.* Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. Montreal, 1994. P.33

2 *Piven F.F.* Labour Parties in Postindustrial Societies. Oxford, 1991. P.6

3 *Silvernan B., Vogt R., Yanovitch M.* Double Shift: Transforming Work in Postsocialist and Postindustrial Societies: a US — Post-Soviet Dialogue. Armonk (N.-Y.), 1993. P.261

квалифицированными коллегами участвует в выдвижении необходимых с точки зрения коллектива требований. Рассматривая трейдюнионизм в постиндустриальном обществе, исследователи высказываются «за» отраслевой, или «вертикальный» союз, объединяющий вместе профессионалов, «белых воротничков», обслуживающий персонал, клерков, квалифицированных, малоквалифицированных и неквалифицированных наемных работников[1]. Эта точка зрения является доминирующей среди теоретиков, но на практике имеются довольно успешные исключения. В настоящее время в Швеции существуют три сепаратные конфедерации: первая объединяет «синие воротнички» индустриального сектора, вторая — «белые воротнички» и третья — профессионалов, имеющих университетские дипломы[2].

Деэкономизация хозяйства приводит к тому, что в характеристике общественного прогресса утрачивают свое былое значение традиционные для буржуазного общества макроэкономические показатели, поскольку, во-первых, происходит преодоление стоимостных отношений на микроуровне[3], а данные для макроэкономической статистики поступают из бухгалтерских отчетов предприятий; и, во-вторых, если для оценки «уровня жизни» в индустриальном обществе было достаточно количественных макроэкономических показателей Системы национальных счетов в абсолютном выражении или на душу населения, то со становлением основ постэкономической общественной формации, с переходом к постиндустриальному развитию возникает необходимость в характеристике «удовлетворенности» людей не только материальными, но и нематериальными условиями их бытия, кото-

---

1 См.: *Schmidman J.* Unions in Postindustrial Society. University Park (Pa.), 1979. P.106; *Silverman B., Vogt R., Yanovitch M.* Double Shift. P.262-269

2 *Schmidman J.* Unions in Postindustrial Society. University Park (Pa.), 1979. P.108

3 *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. С.245.

рая может быть только качественной. Теоретические поиски показателей, отвечающих новым требованиям, ведутся в направлении попытки определить «качество жизни»[1].

Под этим термином, впервые прозвучавшем в 1963 г. в новогоднем послании к Конгрессу Президента Дж.Кеннеди, имеется в виду «достаточный для каждого уровень материальных ресурсов, занятости, жилищных условий, транспортных средств, приятная окружающая среда. ...«качество жизни» должно включать в себя возможности самообразования, развития способностей и сохранения физического и духовного здоровья в обстановке свободы и справедливости»[2]. Понимаемое в данном случае как сугубо индивидуальная характеристика состояния человека, «качество жизни» предполагает особую важность таких уникальных благ, как окружающая среда духовное здоровье, самообразование, развитие способностей.

Стремление объективизировать "качество жизни" упирается в отсутствие необходимых социальных индикаторов развития общества. В то же время идея создания таких индикаторов в экономической науке имеет глубокие корни, и ее воплощение активизировалось со становлением постэкономической общественной формации, уже принеся первые результаты.

Во времена правительства Дж. Кеннеди, уделявшего серьезное внимание социальным проблемам, интерес к социальным индикаторам выразился в создании в США специального комитета из социологов и статистиков по подготовке ряда документов, содержащих критерии для оценки «качества жизни». Д. Беллом, одним из руководителей комитета, была предложена Система социальных счетов[3], состоящая из четырех разделов, определяющих

---

[1] The Quality of Life: Comparative Studies. // Ed. by Szalai A., Andrews F.M. L., 1980. P.8

[2] *Дубсон Б.И.* Буржуазная доктрина «качества жизни». М., 1979. С.35

[3] См.:*Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society.// The Public

социальные издержки и чистые доходы от нововведений, издержки «социальных болезней» (преступность, разрушение семьи и т.п.), «бюджеты достигнутого» и экономические возможности общества.

Подсчет социальных издержек и чистых доходов от нововведений необходим, поскольку технологическое развитие, открывая новые возможности для инвестирования, создает негативные последствия, такие, как безработица, отрицательные экстерналии, связанные с загрязнением окружающей среды. В случае, если существует возможность точной калькуляции чистых доходов и социальных издержек, то данные Системы социальных счетов могут быть использованы как для оценки «качества жизни», так и для формирования общественной политики в соответствующих областях.

В результате возникает категория «альтернативной стоимости», под которой понимают не только прямые издержки на призводство чего-либо, но и упущенные выгоды от использования ресурсов каким-либо иным способом. В этой связи в виде «общественной альтернативной стоимости» (social opportunity costs), определяющей издержки общества на «качество жизни», может выступить рост доходов населения, рост государственных расходов на образование, здравоохранение, создание рабочих мест для категории лиц, ранее подвергавшихся дискриминации, и т. д. Этот показатель, выступая в виде индикатора экономических возможностей, удобен для «взвешивания в терминах социальных издержек и социальных выгод альтернативных социальных политик»[1].

По показателям Системы социальных счетов, которые по своей сути являются макроэкономическими, можно составить представление о «качестве жизни», достигнутом национальной экономикой. Но «качеству жиз-

---

Interest. N.-Y., 1967. № 7. P.116-118; *Bell D.* The Idea of a Social Report.// The Public Interest. N.-Y., 1969. № 15. P.72-84; *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.-Y., 1973. P.324-337

[1] *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.-Y., 1973. P.328

ни» способствуют не только макроэкономические программы борьбы с безработицей, преступностью, финансирования строительства и т.д. Это в такой же степени и микроэкономическое понятие, поскольку большая доля базовых потребностей, способствующих его улучшению, удовлетворяется именно на уровне экономических организаций.

Превращаясь в современном обществе в «способ жизни» для большинства ее членов, корпорация заменяет собой присущие основанным на товарном производстве обществам источники социальной интеграции, такие, как город, церковь, семья, и становится ареной удовлетворения потребности в безопасности, справедливости и уважении[1].

Для корпорации периода становления постэкономической общественной формации характерно прежде всего так называемое «равновесие обязательств» (the balance of obligations), присущих ей как хозяйственному и социологическому институту.

Стремление обеспечить максимальную удовлетворенность работой для всех занятых в качестве «обязательства» корпорации вносит дополнительную нагрузку в микроэкономическое понимание условия максимизации прибыли как равенства предельного дохода и предельных издержек и того, что предельный рост издержек может быть оправдан только предельным ростом производительности. Обеспечение удовлетворенности работой для своих сотрудников «развитая корпорация» считает своим социальным «обязательством» безотносительно к «взвешиванию» издержек и выгод.

Это не противоречит сохраняющимся в современных корпорациях различиям в оплате труда, которые достигают соотношения 25:1 и выше. Последние оправданы не только рыночным спросом и предложением рабочей силы определенной квалификации, но и нерыночными факторами, причем необходимость их четкой фиксации и

[1] См.: Ibidem. P.289

огласки считается одним из «обязательств» корпорации. «Поскольку человеческие существа желают и имеют необходимость в ясном логическом обосновании различий в вознаграждении, — отмечает Д.Белл, — некоторые принципы социальной справедливости для социальных различий должны быть четко сформулированы[1]».

Необходимость сохранения окружающей среды воспринимается корпорацией вместе с осознанием всем обществом того, что ресурсы окружающей среды не могут быть рассматриваемы как «свободное благо».

Наконец, «развитая корпорация», как и любая другая организация, строит свои действия, следуя «естественным ценностям», важнейшей среди которых является стремление наилучшим образом разместить свои инвестиции. Но «естественные ценности» больше не определяются так просто. В решении вопросов инвестирования «социологизированный принцип» все больше становится приоритетной «естественной ценностью».

Что касается других видов экономических организаций микроуровня, то, к примеру, достоинства малого бизнеса и семейных фирм, прогрессирующих в постиндустриальном обществе под лозунгом «малое прекрасно», — приоритет личностного начала, субъективности и интуиции, а не иерархии и бюрократического контроля — полностью соответствуют требованиям «качества жизни». Сегодняшнее воскрешение малого бизнеса и семейных фирм привносит с собой идеологию, этику и информационную систему, которые являются глубоко антибюрократическими[2]. Родственные связи в семейных фирмах укрепляют общее дело, хотя на семейных предприятиях всегда сохраняется возможность возникновения определенных проблем: например, перенос семейных конфликтов в производственную сферу.

---

1 *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. P.290-291

2 *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21th Century. N.-Y., 1990. P.182

Но, пожалуй, самой поразительной переменой, отличающей современную цивилизацию, становится перемещение профессиональной активности с заводов и учреждений в домашние условия.

Уже сегодня существует возможность осуществлять таким образом 10-15 процентов всего объема промышленного производства. Многие фирмы разрешают своим служащим работать на дому, и число сторонников надомного труда постоянно растет. Возникающая модель будущего жилища, оборудованного видео- и телекоммуникационными системами и пригодного для активной деятельности, получила название «электронного коттеджа» (the electronic cottage)[1].

Среди последствий перехода на надомную работу, содействующих улучшению «качества жизни», следует отметить в первую очередь содействие стабильности общества, поскольку надомная работа сокращает вынужденную мобильность: человеку достаточно лишь подключиться к другой системе компьютеров. «Электронный коттедж», с одной стороны, будет способствовать укреплению семьи, объединяя ее членов под одной крышей не только в часы досуга, но и в рабочее время, а с другой стороны, будет способствовать оживлению общественной жизни, облегчая участие граждан в местных, церковных, женских, молодежных и других организациях.

Надомная работа имеет важное значение также для преодоления негативного психологического воздействия на человека со стороны ряда проблем индустриального общества. Боязнь потерять работу, удручающая монотонность вследствие чрезмерной специализации труда, игнорирование личности и другие негативные аспекты с переходом на надомную работу практически исключаются. И «если индивиды подходят к своему собственному электронному терминалу и оборудованию, приобретенному, возможно, в кредит, то они реально становятся независимыми предпринимателями, а не классическими наемны-

[1] *Toffler A.* The Third Wave. N.-Y., 1980. P.210

ми рабочими, что означает рост собственности на «средства производства» среди рабочих»[1], открываются возможности возникновения среди надомных работников всех форм организационных объединений — корпораций, семейных предприятий, кооперативов.

Необходимостью достижения высокого «качества жизни» и возможностями, которые открывает технологический прогресс, так или иначе означающий «меньше часов работы и больше выгод для миллионов»[2], в постиндустриальном обществе вызван прогресс альтернативной занятости или так называемой *комплементарной экономики.* Выделяемая в виде третьего сектора (первый — частный, второй — общественный), сектора социальной экономики (social economy), она объединяет тех, чей труд не нужен больше в рыночной сфере. Это представители «организаций на основе локальных сообществ» (community based organizations) или «добровольных организаций» (voluntary organizations) и домашних хозяйств (domestic sector)[3].

Рассмотренная в общих чертах концепция постиндустриального общества создана для анализа наиболее важных процессов, определяющих лицо современных западных социумов и обладает в силу этого широкими прогностическими возможностями. Именно ее сторонники, выделив основные аспекты совершенствования социума и показав направления его прогресса, отметили, что новое общественное состояние по сути своей является постэкономическим.

Однако предпринятая историческая периодизация основывается, как мы полагаем, на анализе менее глубинных закономерностей, нежели те, которые положены в фундамент теории общественных формаций. Поэтому рассматривая выделяемые западными авторами черты

---

1 *Toffler A.* The Third Wave. N.-Y., 1980. P.222

2 *Rifkin J.* Op. cit. P.102

3 См.: *Elsdon K.T.* et. al. Voluntary Organizations: Citizenship, Learning and Change. Nottinham, 1995.

современных обществ как важные характерные черты возникающего на наших глазах *постэкономического состояния социума*, мы предпочитаем определять эту стадию общественной эволюции с точки зрения методологических принципов, близких марксовой теории.

Место *постэкономической общественной формации* в системе категорий формационной теории может быть определено как место синтетического элемента диалектической триады, тезисом и антитезисом которой выступают формации архаическая и экономическая. Три основные черты отличают постэкономическую общественную формацию от рассматриваемой нами экономической эпохи.

Во-первых, важнейшей чертой постэкономической общественной формации является кардинальное изменение характера и форм человеческой деятельности. При этом следует подчеркнуть, что прогресс человеческой активности также может быть рассмотрен в качестве диалектической триады, причем постэкономической общественной формации соответствует последний ее элемент.

Во-вторых, постэкономическая общественная формация отрицает такую фундаментальную черту своей предшественницы, как товарное производство, основанное на труде и законе стоимости. С переходом к постэкономической формации утрачивают силу традиционные закономерности возмездного обмена, регулирующегося стоимостными принципами. В ходе становления новой общественной формации могут быть отмечены прогрессивные эпохи преодоления стоимостных отношений.

В-третьих, становление постэкономической общественной формации предполагает преодоление важнейшей характеристики формации экономической — отчуждения человека от других людей и от общественного целого. Последнее может произойти только при преодолении эксплуатации человека человеком, феномена, имеющего помимо объективных также и субъективные стороны и являющегося неотъемлемой чертой экономической общественной формации.

Таким образом, *постэкономическая общественная формация представляет собой историческое состояние, становление которого происходит, начиная с достижения экономической общественной формацией наивысших форм своего развития и которое характеризуется устранением труда как основного вида человеческой активности, преодолением основанного на стоимостных закономерностях товарного производства и устранением эксплуатации в качестве существенно влияющего на общественную жизнь фактора.* Постэкономическая общественная формация, и на этом современные авторы редко акцентируют внимание, является последней ступенью общественного бытия человеческих существ; за ее пределами начинается историческая эпоха, в ходе которой *человечество выходит за рамки социальности* и в отношении которой любые футурологические прогнозы не представляются возможными.

Становление постэкономической общественной формации — объективный процесс, обусловленный внутренней логикой развития человеческого общества и в первую очередь — прогрессом производительных сил (в данном отношении сторонники постиндустриальной концепции, безусловно, правы). Именно в условиях современных высокоразвитых в технологическом и хозяйственном отношении социумов происходят важные качественные сдвиги, которые, хотя и могут показаться мимолетными и поверхностыми, в действительности определяют важнейшие структурные элементы нового общества, которое мы называем постэкономической общественной формацией и рассмотрение которого лежит за рамками настоящей работы.

Заключение

Являясь при рассмотрении в статике формой *взаимодействия* человека и природы, общество в то же самое время представляет собой также и форму *перехода* от природы как таковой к человеку как таковому, что становится очевидным при анализе общества с точки зрения его исторического места в развитии человеческого рода.

Сообщество человеческих существ на разных исторических этапах его эволюции объединялось тремя различными силами. В период становления основ человеческого общежития такой силой служили закономерности, существующие в живой природе и переносимые на дообщественные группы людей с минимальными модификациями. В собственно общественный период людей сплачивает осознанная необходимость противостоять внешней природе, из которой человек уже сумел выделиться, но которую он еще не сумел полностью подчинить своим интересам и целям. На высшем этапе эволюции человеческого рода имманентно присущее каждому индивиду стремление к совершенствованию собственной личности в условиях удовлетворенности материальных потребностей обеспечивает новое, ранее неизвестное, состояние межличностных отношений, когда стремления каждой личности и ее деятельность не вступают в непримиримое противоречие со стремлениями и деятельностью других членов человеческого сообщества.

Первая и третья формы человеческого общежития детерминируют гигантские исторические эпохи, одна из которых находится в прошлом, другая — в будущем. Как в одном, так и в другом случае фактор борьбы человека

с природой, представляющийся абсолютному большинству историков, социологов и экономистов наиболее важным для изучения законов развития человечества, не присутствует в качестве существенного момента. В дообщественном состоянии борьба человека с природой не может восприниматься как таковая, ибо представляет собой частный случай более многообразных процессов развития биологических видов и отношений между популяциями; в постобщественном состоянии каждому человеку как неповторимой личности противостоит другой человек как неповторимая личность, и их взаимодействия не могут быть сведены к взаимодействиям между человеком и природой. Период же осознанного преобразования человеком природы, период его борьбы за выживание, период, характеризующийся осознанием человеком самого себя в качестве внешнего по отношению к природе субъекта — этот период в истории человечества и является эпохой общественного развития человеческих существ.

Подобное определение общества показывает, что человек в данную эпоху вынужден осуществлять разумную орудийную деятельность ради обеспечения собственного выживания и удовлетворения тех материальных потребностей, которые он в каждый конкретный исторический период полагает нормальными. Деятельность, которая предпринимается человеком в качестве реакции на внешнюю материальную необходимость; деятельность, порождающая средства удовлетворения материальных потребностей человека и отличающаяся разумным характером и целеполаганием, — эта деятельность и является трудом в собственном смысле этого слова. *Таким образом, только один из трех основных исторических видов человеческой деятельности — предтрудовой инстинктивной деятельности, труда и творчества, — а именно труд, конституирует общество как наиболее комплексную из известных сегодня форм человеческого общежития.*

Общество, порожденное осознанием необходимости борьбы человека с внешней природной средой, предпола-

гает существование выраженного и формализованного *материального интереса*, который отражает эти отношения человека и среды. В то же самое время сложности, возникающие в процессе преобразования природы, значительное количество затрачиваемых на это усилий, активность сопротивления внешней среды и, как следствие всего вышеозначенного — относительная, а иногда и абсолютная нехватка материальных благ — все это вызывает неизбежные столкновения материальных интересов отдельных лиц.

Именно это обстоятельство и является основой стабильности общественного организма. Ранее мы говорили о том, что общество представляет собой совокупность индивидов, объединенных противоречивостью их материальных интересов. Именно противоречия, в которые вступают по отношению друг к другу стремления людей к максимизации потребления продуктов своего взаимодействия с природой, и обусловливают собственно отношения между людьми, приобретающие столько различных форм, сколько различных форм имеет их самореализация в отношениях с природной средой. Однако далеко не всегда данные отношения, возникающие в связи с производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ, *естественным образом складываются в завершенную систему отношений, обладающую способностью к стабильному и последовательному воспроизводству.*

Такое воспроизводство отношений, ежеминутно разрешающих и в то же время порождающих вновь противоречия между материальными интересами индивидов, возможно только в том случае, если основные отношения между людьми, как субъектами изменения материального мира, будут замещены отношениями между самими элементами материального мира, преобразуемыми и создаваемыми людьми. Система оказывается наиболее стабильна тогда, *когда противоречия материальных интересов отдельных людей не воплощаются в противоречиях и конфликтах индивидуальных воль*, а получают собствен-

ное саморазвитие в виде кажущихся отношений между предметами материального мира.

Общество, как система соподчинения противоречий материальных интересов, проявляет себя в наибольшей мере там, где материальные интересы сталкиваются в наиболее «чистом» виде, вне их конкретных индивидуальных носителей. Это обстоятельство было подмечено основоположниками марксизма, разделившими историю человечества на периоды личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности. Данная периодизация представляется весьма оригинальной и плодотворной, однако она не учитывает более последовательное с методологической точки зрения выделение дообщественного, общественного и постобщественного состояний человечества. Пытаясь объединить эти два подхода, мы приходим к выводу о необходимости выделения в рамках общественного состояния человечества этапов превалирующей зависимости человека сначала от непреобразованной природы, затем от результатов собственной материальной деятельности и, наконец, от результатов собственной творческой активности. В определенной мере данная периодизация отражена в марксизме в понятиях архаической, экономической и коммунистической общественных формаций.

В той же степени, в какой общество отражает квинтэссенцию сообщества человеческих существ, определяемую их борьбой с природой, в такой же степени экономическая общественная формация представляет собой квинтэссенцию социального периода в истории человечества.

В рамках экономической общественной формации происходит движение в направлении формирования наиболее четкой и совершенной системы взаимодействия материальных интересов индивидов, которая по возможности исключала бы прецеденты воздействия отдельной личности на направления эволюции хозяйственной системы. Основным средством для этого является установление жесткой зависимости материального благосостояния каж-

дого индивида от того, в какой степени все общество в целом склонно признавать произведенные им затраты труда общественно полезными. В результате вещные отношения все более вытесняют отношения личной зависимости, а зависимость человека от общественного признания результатов его деятельности начинает доминировать над его зависимостью от конкретных представителей господствующих классов. Основой подобных тенденций является прогресс товарного производства и смена его форм, приводящая в итоге к тому, что все общество оказывается пронизано товарными отношениями, к возникновению системы, именуемой марксистами всеобщим товарным производством.

В той же степени, в какой экономическая общественная формация представляет собой квинтэссенцию социального периода в истории человечества, эпоха господства всеобщего товарного производства является воплощением квинтэссенции экономической общественной формации.

Эта обладающая принципиальным значением идея остается совершенно незатронутой в большинстве исследований по социологическим, историческим и экономическим проблемам теории общественных формаций.

Во-первых. Экономическая общественная формация рассматривается как исторический период в истории человечества, который, в свою очередь, может быть разделен на различное число меньших периодов, называемых способами производства. Соотношение критериев выделения экономической общественной формации и критериев выделения внутри нее способов производства представляется совершенно неопределенным.

Во-вторых. В рамках экономической общественной формации выделяется период прогресса этой формации, в качестве которого обычно рассматривается период от формирования первых классовых обществ вплоть до капиталистической системы; никакого регрессивного периода, или периода перехода от экономической общественной формации к более высокой, не рассматривается.

В-третьих. Этапами прогресса экономической общественной формации называются отдельные исторические формы производства, которые определяются как способы производства и которых К.Маркс насчитывает четыре: азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства — перечисляет он их в «Предисловии» к «К критике политической экономии». Между тем, если сущностью экономической формации является максимальная кристаллизация *экономических* отношений, то почему этапы такого процесса именуются фактически исключительно в соответствии с фактором политического господства определенного класса?

В-четвертых. При анализе прогресса экономической общественной формации следует иметь в виду, что, как и при становлении любого целого, в данном историческом процессе имеет место нечто вроде критической точки, вплоть до достижения которой все «экономические» черты общества остаются не более чем незначительными модификациями прежнего «неэкономического» основания, тогда как после ее преодоления надстроечные формы старого общества, пусть и весьма эффектные, являются лишь ширмой, скрывающей бурное и эффективное развитие экономических отношений. Обнаружение этой критической точки не предпринималось в марксистской теории, хотя и является задачей исключительной методологической и теоретической важности.

И, наконец, *в-пятых*: положив в основу определения экономической общественной формации степень развитости *экономических* отношений, следует привести в соответствие данному методологическому принципу основы выделения этапов становления и упадка данной общественной формации; только такой подход позволит рассмотреть как внутреннюю динамику самой данной общественной формации, так и механизмы ее исторического взаимодействия с элементами других общественных формаций.

Неразрешенность всех отмеченных проблем и их очевидная актуальность обусловливают необходимость того исследования, которое было нами проведено. Его основные результаты, тесно связанные с поставленными вопросами, представляются следующими.

Впервые в рамках марксистской социологической доктрины мы попытались рассмотреть экономическую общественную формацию в качестве единого социального организма, на протяжении своей истории переживающего периоды становления, расцвета и упадка, под которым мы понимаем период преодоления закономерностей, свойственных данной общественной формации. Восходящая, или прогрессивная, фаза экономической общественной формации обеспечивает переход от хозяйственных систем, основанных исключительно на личной зависимости производителей и в полной мере натуральном производстве, к системе всеобщего товарного хозяйства и доминированию вещных форм зависимости. Напротив, нисходящая, или регрессивная, фаза развития экономической общественной формации начинается с того момента, когда последняя достигает состояния развитого всеобщего товарного производства и включает в себя ряд обществ, переходных к социуму, основанному на свободном творческом саморазвитии всех его членов.

Нельзя не отметить вслед за основоположниками марксизма, что прогрессивная эпоха экономической общественной формации в то же самое время является и эпохой кризиса формации архаической, тогда как (а данное обстоятельство не отмечается в марксистской традиции) регрессивная ее эпоха может и должна быть расценена как эпоха становления третичной (или постэкономической в избранной нами системе терминологии) общественной формации. При этом необходимо отметить, и мы еще вернемся к этому вопросу, что такой подход делает проблему определения названной «критической точки» еще более актуальной, так как таковая точка фактически отделяет те общественные состояния, которые могут быть названы «преимущественно архаиче-

скими», от «преимущественно экономических», и, соответственно, «преимущественно экономические» от «преимущественно постэкономических».

В связи с этим предлагается принципиально отличная от существующей в марксистской социологии система периодизации как восходящей, так и нисходящей фаз экономической общественной формации. Анализируя хозяйственное развитие древнего мира и европейского средневековья, то есть фактически тот же материал, который использовался основоположниками марксизма при выдвижении ими теории способов производства, мы пришли к выводу о возможности выделения четырех основных типов хозяйства, хронологически во многом соответствующих отмеченным К.Марксом способам производства, однако, серьезно отличающихся от них по методу их выделения.

Основой для определения этих видов хозяйства является тип товарного производства, свойственный каждому из них.

Азиатскому способу производства в целом соответствует система *примитивного товарного хозяйства*, характеризующегося прежде всего тем, что превращение продуктов в товары было весьма эпизодическим и представляло собой непосредственное следствие сугубо политических процессов, диктуемых волей господствующих классов, в то время как все народное хозяйство в целом демонстрировало пример отсутствия товарных отношений, несмотря на разветвленную систему перераспределения общественного богатства. Движение огромных масс трудовых ресурсов, гигантских количеств материальных благ и даже денег (!) осуществлялось при отсутствии товарных отношений в их традиционном понимании.

Античный способ производства породил систему, которая названа нами *структурным товарным хозяйством*. Сохранив натуральнохозяйственный базис азиатских обществ, античные социумы достигли весьма высокого уровня развития товарных отношений в относительно узких секторах общественного производства. Здесь, в

отличие от азиатских обществ, значительная часть населения была юридически свободна, однако, «общество простых товаропроизводителей» не состоялось. Товарный сектор экономики удовлетворял потребности городов, в результате чего происходил весьма ограниченный по своему объему обмен продуктов земледелия на ремесленные изделия, нарастала торговля предметами роскоши, появилось денежное обращение, возникли кредитные отношения, оформилась бюджетная система древних государств. Однако примитивность ремесленного производства и его незначительные объемы, равно как и весьма незначительные объемы производства прибавочного продукта в хозяйствах индивидуальных производителей — все это вызвало узость рынка. Хотя последняя и компенсировалась отчасти совершенством форм торговли, кредита и денежного обращения, граница между товарным и нетоварным секторами преодолена не была.

Феодальный способ производства отражает радикальный скачок вперед; его экономическая система характеризуется системным типом товарного хозяйства. В этой ситуации расширение объемов производства ремесленной продукции, снижение жесткости, «степени непреодолимости» классовых барьеров, рост оборотов внешней и внутренней торговли, и, что наиболее важно, распространение рынка рабочей силы и факторов производства, что характерно для Европы начиная с XIII в., обусловили широкое проникновение товарных отношений в каждую клеточку общества. Значительная часть благ, вне зависимости от того, потреблялись ли они представителями трудящихся или праздных классов, перед тем как быть использованы, реализовывались на рынках.

Опосредованное серией политических революций экстенсивное развитие данной системы обеспечивало становление наиболее совершенной из форм товарного производства — *всеобщего товарного хозяйства, которое традиционно рассматривается как капиталистический способ производства.* Система всеобщего товарного про-

изводства является первой из форм товарного хозяйства, при которой пропорции обмена всех вовлекаемых в товарный оборот благ определяется согласно единому принципу: количеству общественно необходимого рабочего времени, затрачиваемого на их воспроизводство. Имманентной чертой системы всеобщего товарного производства является потенциальная и реальная воспроизводимость всех составляющих общественного богатства — как факторов производства, так и его результатов. Всеобщее товарное производство не столько интегрирует в круг обмениваемых благ новое специфическое благо — рабочую силу, — сколько обеспечивает обменные отношения единым базисом — количеством рабочего времени, общественно необходимого для воспроизводства того или иного товара. Отмеченное обстоятельство делает систему всеобщего товарного производства исключительно устойчивой. Если в более ранних системах организации товарного хозяйства товарный сектор занимал более или менее важное, но все же ограниченное место в системе общественного воспроизводства, противостоя нетоварному сектору и взаимодействуя с ним, то при системе всеобщего товарного производства практически не существует того сектора, производство и движение товаров в котором происходит на основе принципов, отличных от основного принципа всеобщего товарного хозяйства.

Итак, в своем прогрессивном развитии экономическая общественная формация проходит четыре этапа, которые мы назвали этапами *примитивного, структурного, системного и всеобщего* товарного хозяйства. Хронологически данные этапы в значительной мере схожи с выделенными основоположниками марксизма способами производства. Однако применение предлагаемой нами методологии дает результаты, существенно отличающиеся от марксовой теории, как только мы попытаемся оценить динамику прогресса экономической общественной формации.

Мы вновь обращаемся к анализу той «критической точки» в ходе прогресса экономической общественной

формации, о которой говорили и ранее. Марксова теоретическая схема дает на подобный вопрос достаточно аргументированный ответ: по мнению К.Маркса и Ф.Энгельса, капиталистический способ производства отличается от всех других составляющих экономическую общественную формацию способов производства прежде всего тем, что в данной хозяйственной системе отсутствуют внеэкономическое принуждение к труду и отношения личной зависимости между хозяином и работником. Поэтому марксистские авторы уверенно проводят грань между феодализмом и капитализмом, обозначая ее как наиболее принципиальную в ходе становления экономической общественной формации.

Предлагаемый нами метод дает совершенно иной результат. Рассматривая четыре фазы развития товарных отношений, мы не можем не прийти к выводу о том, что *структурное товарное хозяйство представляет собой лишь модифицированную форму примитивного товарного хозяйства*, в котором ряд функций, осуществлявшихся политической властью, передан в «ведение» рынка. Более того, исторический опыт показывает, что резкое сокращение товарных отношений в системе структурного товарного хозяйства в случае нарушения функционирования политических институтов представляется более чем вероятным.

Между тем хозяйственная система европейских стран, начиная с XIII-XIV вв. характеризуется широким распространением товарных отношений, активными торговыми операциями, резким изменением структуры производства в пользу промышленности, распространением наемного труда и другими факторами вполне капиталистического свойства. Мы показали, что хозяйственный уклад во Франции (и других государствах Европы) в XVII-XVIII вв. был вполне капиталистическим, хотя соответствующие общества сохраняли все формальные признаки феодальных империй. Само то обстоятельство, что основоположники марксизма признавали буржуазные революции революциями политического типа лишний раз

подчеркивает то, что их задачей было приведение в соответствие надстройки новому, уже вполне вызревшему в недрах старого общества, экономическому базису. Следовательно, можно утверждать, что *системное товарное хозяйство является формой товарного хозяйства, исторически непосредственно предшествующей всеобщему товарному хозяйству, и представляет собой лишь не в полной мере развитую форму этого последнего.*

Таким образом, оба разграничения, часто встречающиеся в марксистских исторических исследованиях: во-первых, отделение азиатского способа производства и рассмотрение его как высшей формы архаической общественной формации, в результате чего данная система противопоставляется остальным трем элементам экономической общественной формации; во-вторых, акцентирование особого внимания на капиталистическом способе производства, противопоставляемого всем предшествующим формам общества не позволяет понять действительной динамики товарных отношений и, следовательно, динамики всей экономической общественной формации как единого целого. *Реальная грань между преимущественно доэкономическими и преимущественно экономическими обществами проходит там, где товарное хозяйство преодолевает (реально или потенциально) узкие границы отведенного для него сектора экономики.* При уничтожении этого ограничивающего развитие товарного производства условия прогресс товарных отношений однозначно приводит к становлению системы всеобщего товарного производства как высшему этапу экономической общественной формации. *Поэтому важнейший исторический переход в развитии экономической общественной формации имел место при переходе от структурного товарного хозяйства к системному, то есть, применяя марксистскую терминологию, от античного способа производства к феодальному.* Данный вывод принципиально не может быть сделан, если основываться на традиционной методологии выделения способов производства.

Нельзя не акцентировать внимания и на том обстоятельстве, что только на основе анализа развития товарных отношений можно сделать еще один принципиально важный вывод: высшая фаза экономической общественной формации, каковой является капиталистический способ производства, не может являться кануном краха и разрушения данной общественной формации, как это полагали марксисты. Капиталистический способ производства не может быть сменен новым способом производства революционным образом; никакие политические потрясения не смогут устранить фундаментальные основы той экономической системы, на которой он базируется. Преодолеть капиталистический способ производства можно только преодолев сами фундаментальные основы товарного производства, преодолев стоимость как основу соизмеримости обмениваемых материальных благ, а этого, в свою очередь, можно достичь только преодолев труд как отчужденную человеческую деятельность и заменив его творчеством — деятельностью, свободной в своих мотивах от внешнего материального окружения личности.

Итак, проведенный нами анализ развития товарного производства в рамках этапа прогресса экономической общественной формации показывает, что переход от одного способа производства к другому не адекватен переходу от менее совершенного типа товарного хозяйства к более совершенному. Мы отметили также, что система всеобщего товарного производства в самой себе несет элемент преодоления собственных основ, максимизируя количество производимых благ и открывая дорогу творческой деятельности. Возникает развитие производства уникальных и невоспроизводимых благ, а труд применяется во все меньшем числе производственных операций. Кардинально изменяется мотивация деятельности большинства членов общества. В результате с момента широкого распространения благ, которые по условиям своего производства не могут рассматриваться как всецело подчиняющиеся действию закона стоимости в его классическом

виде, возникает новая форма обменных отношений, *первый этап становления нетоварного по своей сути хозяйства, в полной мере воплощенного в постэкономической общественной формации.*

Допуская определенную аналогию с ранее рассмотренными нами типами товарного производства, мы называем этот тип хозяйства, характеризующий первую нисходящую фазу экономической общественной формации, *системным нетоварным производством.* Системное нетоварное производство имеет значительные черты сходства с системным товарным хозяйством. Так же как и системное товарное хозяйство, системное нетоварное производство характеризуется распространенностью товарных отношений во всем обществе в целом, а не в его отдельных секторах. Так же как от системного товарного хозяйства к всеобщему товарному хозяйству ведет легко осуществляемый переход, так же и всеобщее товарное хозяйство превращается в системное нетоварное производство вполне естественным образом, на основе собственного саморазвития. Так же как при системном товарном хозяйстве во всех отраслях производства имело место нарастание товарных отношений, так же и при системном нетоварном производстве их отрицание происходит одновременно во всех секторах общественного производства.

Следует отметить, что так же как важнейший перелом на этапе восходящего развития экономической общественной формации приходится на период перехода от структурного товарного хозяйства к системному, так и преодоление товарных отношений обнаруживает весьма существенную границу. Эта граница исторически возникает там, где появляются уже не отдельные производства, а целые отрасли народного хозяйства, продукция которых не может быть вовлечена в товарный обмен на основании традиционных стоимостных пропорций или, что более существенно, вообще не может быть вовлечена в товарный обмен как таковой.

С того момента, когда деятельность человека приобретает настолько значительный элемент творчества, что основным условием самореализации человека в деятельности становится его взаимодействие с другими людьми или продуктами их умственной деятельности, а не с веществом природы или созданными человеком механическими средствами производства, с того момента как материальная мотивация деятельности действительно отступает на второй план, — с этого момента возникает новая ступень становления нетоварных отношений. В данной ситуации появляются целые секторы общественного производства, продукция которых, во-первых, не может быть обменена на продукцию остальных отраслей на основе стоимостных принципов, во-вторых, не может быть непосредственно потреблена другими экономическими субъектами, а может быть лишь ими усвоена в процессе их собственной деятельности и, в-третьих, потребляется преимущественно в рамках тех секторов, где она и была создана.

Так возникает структурированность хозяйства на новом этапе исторического прогресса: информационные сектора экономики, а также сектора науки, образования и производства уникальных благ оказываются все более жестко отделены от области массового производства. Информация усваивается миллионами людей внутри информационного сектора экономики, в сферах науки и образования, где происходит интенсивный обмен информацией, информационными продуктами и специфическими умениями и способностями; количество актов такого обмена внутри информационной сферы во много раз превосходит интенсивность обмена информацией между самим информационным сектором и сферой массового неиндивидуализированного производства. Аналогичное верно и для сферы массового производства: огромное количество актов обмена средствами производства и преобразованными элементами природы предваряют изготовление готового продукта, потребителями которого являются также и работники информационного сектора.

Масса операций обмена внутри каждого из секторов хозяйства остается намного большей, нежели трансакции между секторами.

Понимая всю условность подобного сравнения, можно говорить о том, что информационный сектор в постиндустриальной экономике играет роль замкнутого натурального (нетоварного) хозяйства в хозяйственных системах прошлых веков, тогда как сектор массового производства представляется носителем товарных тенденций. В результате возникает возможность квалифицировать подобную систему в качестве прецедента *структурного нетоварного производства*, занимающего на нисходящем этапе развития экономической общественной формации историческое место, во многом схожее с тем, которое занимало структурное товарное производства на его восходящем этапе. Однако в отличие от структурного товарного хозяйства, где основным направлением развития являлось преодоление жесткого разграничительного барьера между товарным и натуральным сектором, в условиях упадка и регресса экономической общественной формации условием быстрого становления формации постэкономической является как раз эффективное и жесткое установление подобной разделяющей все общественное хозяйство грани.

Именно установление этой границы и является наиболее сложным элементом в становлении нетоварного хозяйства и кристаллизации отношений постэкономической общественной формации. Представляется необычайно сложным осуществить переход от общества, в относительно равной степени пронизанного товарными отношениями и возникающими элементами нетоварности, к структурированному социуму. Двумя основными условиями такого перехода кажутся нам следующие.

Во-первых, количественное накопление нетоварных отношений и тенденций должно быть столь значительным, что отрасли, в которых оно происходит наиболее быстро, оказываются способными к обеспечению собственного саморазвития, не производя товаров в классиче-

ском смысле этого слова, однако обеспечивая все общество в целом возможностями совершенствования своего материального благосостояния. Так же как натуральное хозяйство прежних времен в некоторых его проявлениях поддерживалось существованием товарного сектора, представляя при этом ту основу, над которой только и могла возвышаться рыночно ориентированная надстройка, информационный сектор также в определенной мере поддерживается отраслями массового производства, активно обеспечивая этим последним условия их собственного развития.

Во-вторых, активный сектор хозяйства, а именно тот, который мы относительно условно называем информационным, должен обладать источником саморазвития, достаточным для того, чтобы обеспечить прогресс не только самого себя, но и всего общественного производства в целом. Таким источником может выступать только надутилитарно мотивированная деятельность, определяемая нами как творчество. Между тем творческая деятельность, и это исключительно важный момент, является не в последнюю очередь реакцией на экономизированные поведенческие модели, присущие развитым формам экономической общественной формации, ввиду чего представляется весьма неясным вопрос о том, может ли творческая деятельность, вполне адекватно выступающая системообразующим фактором в одном из секторов структурного нетоварного хозяйства, стать основным отношением, регулирующим в полной мере нетоварную систему.

Структурное нетоварное производство имеет естественным результатом своего развития всеобщее нетоварное производство, так как единственным несомненно активным началом во взаимодействии его элементов обладает элемент, основанный на развитии творческой деятельности и производстве невоспроизводимых благ, элемент, которому неизвестны экономическое принуждение к деятельности и эксплуатация. Между тем структурное нетоварное производство представляется нам теоретически вполне допустимой и устойчивой хозяйственной сис-

темой, некоторые примитивные элементы которой уже начинают проявляться в хозяйственной жизни наиболее развитых социумов современности.

В то же самое время завершающий этап регресса экономической общественной формации и, тем самым, высшая фаза формации постэкономической — всеобщее нетоварное производство — сегодня не может быть описано иначе, как в форме весьма общих тезисов и относительно сомнительных допущений.

Между тем нельзя не отдавать себе отчета в том, что человечество находится перед лицом новой социальной структуры, которая до сегодняшнего дня не познана ни на уровне ее базисных элементов, ни на уровне источников ее саморазвития, ни на уровне основных противоречий и отношений. Подобная ситуация является во многом весьма опасной, так как никогда ранее общество не сталкивалось с проблемой столь системной трансформации.

Переход от *доэкономической общественной формации* к *экономической* происходил в условиях, когда человечество не представляло собой единого целого, а сами люди даже не осознавали значения и последствий подобного изменения. Переход от одного способа производства к другому в рамках *экономической общественной формации* представлял собой последовательное развертывание противоречий товарного хозяйства и развитие трудовых отношений, опосредуя становление наиболее совершенных форм данной общественной формации. Сегодня же мы стоим перед качественно новым сдвигом: переходя от труда к творческой деятельности, от экономической оценки благ к индивидуализированной, от относительно привычных социальных отношений к совершенно неизвестным их формам, человечество рискует потерять основные ориентиры, определявшие его развитие на протяжении всей писаной истории.

Дополнительный драматизм современному положению дел придает и то, что *постэкономическая общественная формация*, в отличие от *формации экономиче-*

ской, не основана на некоей комплексной социальной структуре, не построена вокруг определенного основополагающего отношения или принципа. В то время как экономическая общественная формация представляет собой систему отношений, порожденных господством в обществе трудовой деятельности, а развитие экономической общественной формации идентично процессу обретения трудовой деятельностью своих наиболее завершенных форм, постэкономическая формация, отрицающая основанную на труде хозяйственную систему, ориентирована на творческую деятельность, *деятельность в той же мере постсоциальную, в какой инстинктивная деятельность доэкономической общественной формации оставалась по своей природе досоциальной, т.е. биологической.* Таким образом, постэкономическая общественная формация, оставаясь последней *общественной* формацией, является в то же самое время исходным состоянием постсоциального организма. И так же как принципы, господствовавшие в доэкономическую эпоху, были удовлетворительным образом исследованы только с позиций понимания закономерностей экономической общественной формации, т.е. ставшего социального целого, так и принципы постэкономической общественной формации могут быть в полной мере изучены только после всестороннего исследования законов и отношений постсоциальной эпохи. Невозможность же познания последних обусловливает невозможность адекватного изучения закономерностей постэкономического состояния общества. Методы экстраполяции, столь привычные для традиционных исторических исследований, становятся неприменимыми к задачам сегодняшнего дня, что еще более подчеркивает значимость исторических перемен, перед которыми стоит ныне человеческая цивилизация.

Человечество вступает сегодня в неведомый мир, мир, в котором с огромной скоростью разрушаются привычные механизмы социальной самоорганизации. Вступая в этот мир, человечество не обладает сколь-либо разработанными принципами построения новой общности; оно

даже оказывается фактически не в состоянии конструировать это свое новое состояние, самопроизвольно формирующееся на основе быстрого прогресса техники, роста информационных потоков и изменения менталитета личности. Поэтому сегодня основной задачей социологической науки является обнаружение того стержня, того фундаментального отношения, которое может придать стабильность возникающей общественной форме. Задача эта сегодня не разрешена. Разрешение ее является условием поступательного развития человечества в начинающемся новом тысячелетии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

SUMMARY

Human society is the best of all known relationships between man and nature. But it is only such when viewed statically: an analysis of society and its historic place in the development of humanity clearly reveals that it is also a form of *transition* from nature as such to man as such.

Three forces bind humans into communities at different stages of their evolution. First there were barely modified natural laws transferred to primitive human groupings. Then — in the first complex societies — humans were united by an awareness of necessity to withstand their environment, from which they had emerged as a separate entity, but which they had still to subordinate to their aims and interests. Finally, at the highest stage of human evolution, the individual's inherent desire for self-development under conditions of total material well-being will provide for a previously unknown state of interpersonal relationships when the desires and activities of each individual will not enter into an irresolvable contradiction with the desires and activities of other members of society.

The first and third forms of human co-habitation determine giant historical epochs, one in the past and the other in the future. In both the factor of human struggle with nature, which most historians, sociologists and economists believe to be the most important for the study of the laws of human development, is of little significance. In primitive societies the struggle of man and nature should not be regarded as such for it is nothing but a minor detail in the process of the development of biological species and the relations between their populations. In the post-social condition each individual as a unique personality faces an-

other unique individual: their relationship cannot be described as one between man and nature. The social condition — society — can be defined as the historical epoch when man understands himself as something separate from nature, when man subjects nature to his own will, when man struggles for survival.

Man in society must arm himself with the tools he needs to ensure survival and achieve the material benefits considered usual in any historical period. Labour in its truest sense is a conscientious and purposeful activity undertaken by man in response to an exterior material necessity, an activity that creates the means of satisfying material needs. *Thus only labour as one of the three main historical types of human activity — instinctual activity, labour and creativity — determines society as the most complex of all forms of human co-habitation known today.*

However, society, born of the recognition that man must struggle with his natural environment, envisages the existence of an expressed and formalised material interest that reflects that struggle. Difficulties emerging in the transformation of the environment, the considerable effort involved in that enterprise, the active resistance of the environment and, as a consequence of all the above, the relative and sometime absolute scarcity of material goods give rise to unavoidable contradictions between the material interests of individuals.

It is that circumstance that forms the stable basis of the social organism. Earlier we said that society is an aggregate of individuals united by the contradictions of their material interests. It is those contradictions between the desires of people to maximise consumption of the products of their relationship with nature that determine relationships between people. And there are as many different kinds of relationships between people as there are forms of individuals' self-realisation in their relations with the natural environment. However, those relations, based on the production, distribution, exchange and consumption of mate-

rial goods, far from always *naturally form into a complete system capable of stable and continued reproduction.*

The reproduction of such relations, which both entrench and resolve the contradictions between the material interests of individuals, is only possible if the primary relations between people, as transformers of the material world, are replaced with those between the elements of the material world, transformed and created by man. Systems are most stable *when the contradictions of individuals' material interests are not embodied in contradictions and conflicts between individual wills* but are allowed to develop on their own as apparent relations between objects in the material world.

Society, as a system of coordinating contradictory material interests, manifests itself best where those material interests conflict directly, independently of their individual carriers. This phenomenon was noted by the founders of Marxism, who divided human history into periods of personal and material dependence and free creativity. Such a division is very original and fruitful, but it does not take into account the more consistent methodological segmentation of pre-social, social and post-social conditions. In an effort to synthesise the two approaches we find that we can divide the second and social condition of human development into stages of prevalent dependency first on virgin nature, then on the results of human material activity and, finally, on the results of human spiritual creation. To a certain extent such a periodisation is reflected in Marxism as the archaic, economic and communist social formations.

The economic social formation is the quintessence of the social period of human history to the same extent that society reflects the quintessence of the human community determined by man's struggle with nature.

It is in the economic social formation that there is a movement towards the formation of a system that will stop a single individual influencing the development of the economy as a whole, mostly by placing the material well-being of every individual in direct dependency on the extent to which society as a whole considers the fruits of his labours

to be for the common utility. As a result material relations increasingly override personal ones and the individual comes to depend more on public recognition of the results of his labour than on his relationship with members of a ruling class. The growth in commodity production and changes in the form of commodity production reflect that growing trend and result in a society permeated with commodity relations so much that Marxists describe it as the system of total commodity output.

The epoch of total commodity output is the quintessence of the economic social formation to the same extent that the economic social formation is the quintessence of social period of human history.

But a whole range of issues have been ignored in most sociological, historical and economic studies of social formations.

First. The economic social formation is regarded as a historic period that in turn can be subdivided into various smaller periods determined by the mode of production. But it is far from clear how the criteria for determining subdivisions correlate with those for determining the economic social formation as a whole.

Second. The economic social formation begins with the emergence of classes and culminates in the development of capitalism. But such analysis does not envisage regression or transition from the economic social formation to some form of higher human community.

Third. The stages of progress are divided into periods determined by the modes of production that Karl Marx called the Asiatic, ancient, feudal and bourgeois in the Preface to his *A Contribution to the Critique of Political Economy*. If the essence of economic formation is the maximum crystallisation of *economic* relations why did Marx name them after the ruling class of the times?

Fourth. It should be borne in mind that there is something like a critical point in the progress from one historical epoch to another. Before that point all «economic» characteristics of society were nothing more than insignificant

modifications of the previous «non-economic» foundation. After the point all political manifestations of the old society, however effective, are little more than a screen covering the dynamic and effective development of economic relations. Marxist scholars have never tried to discover that critical point, despite its methodological and theoretical importance.

Fifth and finally. If the level of development of economic relations serve to determine the economic social formation as a whole then they will serve to determine its rise, prime and decline. Such an approach will serve to reveal both the internal dynamics of the structure and its relationships with elements of other social formations.

It was because the above problems were unsolved and because of their obvious topicality that we decided to carry out our study. Its main results are closely related to the above questions and are as follows.

For the first time in the Marxist sociological doctrine we have tried to look at the economic social formation as a single social organism that underwent periods of rise, prime and decline, by which we mean the end of the natural laws corresponding to the period concerned. The rise of the economic social formation is a transition from economic systems based exclusively on the individual dependence to one dominated by material dependence, a transition from natural production to a system of total commodity output. The decline of the economic social formation comes as it is fully realised in a society of total commodity output and includes several intermediate societies that mark a transition to a society based on free creative self-development for all its members. We must here cite the founders of Marxism who saw the rise of the economic social formation as the crisis of the archaic one. The decline of the economic social formation could therefore be regarded as the formation of the tertiary stage that we have described as being post-economic. The founders of Marxism made no reference to this.

It is increasingly vital to determine the critical points that divide the «predominantly archaic» from the «pre-

dominantly economic», and the «predominantly economic» from the «predominantly post-economic».

Our method differs from the Marxist sociological method used to determine the rise and decline of the economic social formation. We, like the founders of Marxism, studied the classical world and Mediaeval Europe and split them into four stages chronologically not unlike those Marx determined on the basis of modes of production. But we derived our periodisation using a quite different methodology.

We took the form of commodity production typical for each period as the basis of our methodology. The *Asiatic mode of production* overall corresponds to *the primitive commodity economy*. Such societies had sophisticated systems for redistributing wealth, including money (!), massive labour and material resources. But commodity relations were nothing but episodic results of profoundly political processes dictated by the ruling classes.

The *ancient mode of production* brought what we have called *the structural commodity economy*. The classical societies preserved the natural basis of the Asiatic societies but achieved extremely high levels of commodity relations in the relatively narrow sector of social production. So, unlike in Asiatic societies, a significant part of the population was legally free. But there was no society of simple commodity producers. The commodity sector of the economy served the needs of the towns and cities. As a result there was a limited exchange of agricultural products for manufactured goods, trade grew in luxury goods, the first money economies and fiscal systems appeared. But the market was still very narrow thanks equally to the primitive nature and insignificant volume of craft-based manufacturing and the insignificant size of surplus product at individual family farms. This was partly compensated for by sophisticated forms of trade, credit and money circulation. But the barrier between commodity and subsistence sectors was never overcome.

The *feudal mode of production* marks a radical step forward. Its economic system is characterised by *systemic commodity economy*. Commodity relations extended into every cell of society as class barriers became easier to overcome and craft-based manufacturing, foreign and domestic trade and, most importantly, the market for labour and the [other] factors of production expanded. This process is typical of Europe beginning from the 13th century. A large part of all goods, regardless of whether they were consumed by the working or the idle classes, were first sold at markets. A simple extensive development of the above system led to the most advanced form of commodity production, total commodity output, which is traditionally called the *capitalist mode of production*. It is the first of all forms of commodity exchange economies in which the value of goods in circulation is measured according to a single principle: the amount of socially necessary work time needed to replace them.

The potential and real reproduction of all elements of social wealth, both the factors and results of production, is an inherent characteristic of total commodity output. The total commodity economy does not so much incorporate labour power, a new specific good, into the circulation of goods. It provides exchange with a new and stable basis: the amount of socially necessary work time needed for reproduction. In earlier systems the commodity sector played a more or less important role, but always a limited one, confronting and interacting with the non-commodity sector. In the total commodity output there is no sector governed by any principle but exchange according to the cost of reproduction.

So, we have established that there are four stages in the economic social formation: *primitive, structural, systemic and total* commodity economies. Chronologically those stages to a large extent coincide with the modes of production outlined by the founders of Marxism. But our methodology gives very different results when we try to study the dynamics of progress within the economic social formation.

We once again return to an analysis of the critical point in the progress of the economic social formation which we discussed earlier. Marx and Engels gave fairly well argued answer to a similar question. They said the capitalist mode of production differed from other modes of production in that there labour was bonded not by personal ties between servant and master, but by wages. So, Marxist authors can draw a confident line between feudalism and capitalism and describe it as the most important one in the establishment of the economic social formation.

Our analysis gives a quite different answer. We could not but come to the conclusion that *structural commodity economy is nothing but a modified form of primitive commodity economy* in which some functions of political power are transferred to the market. History has shown that the decline of political institutions is more than likely to bring a sharp decline in commodity relations. But the European economies of the 13th and 14th centuries were characterised by widespread commodity relations, active trade, the growth of industry, the development of hired labour and other factors of a capitalist nature. We have shown that the economic structure of France (and other European states) was quite capitalist in the 17th and 18th centuries despite the outward form of feudalism. The very fact that the founders of Marxism described the bourgeois revolutions as political once again underlines that those revolutions were brought about in an attempt to bring the superstructure into line with the economic basis that had already established itself in society. Thus it can be asserted that *systemic commodity economy directly precedes total commodity output and is but an underdeveloped form of the latter.*

Our studies therefore dispute two basic tenets of Marxism: that the Asiatic mode of production was the highest form of the archaic social formation (and so separate from the other three elements of the economic social formation) and that the capitalist mode of production is in some way in a class of its own in contrast to the previous three stages. Such delineations do now show the dynamics of commodity

relations and, correspondingly, of the economic social formation as a whole.

The real line between the predominantly pre-economic and the predominantly economic societies comes when the commodity exchange economy overcomes or threatens to overcome the narrow boundaries it has been set within the economy as a whole. Once those boundaries have been overcome the progress of commodity relations leads to the formation of total commodity output as the highest form of economic social formation. *So the most important transition in the history of economic social formation was the shift from structural commodity economy to systemic commodity economy. Or, to use the Marxist terms, from the ancient to the feudal mode of production.* It is impossible to come to this conclusion using the traditional Marxist framework.

An analysis of commodity relations shows that the capitalist mode of production, as the highest stage of the economic social formation, cannot represent the eve of the destruction of this formation as the Marxists supposed. It cannot be overthrown by revolution. Political unrest cannot undermine its economic foundation. The capitalist mode of production can only be surmounted by overcoming the economic basis of commodity production. That amount to overcoming value as the means of exchange, which can, in turn, only be achieved by replacing labour as an alienated human activity with creativity free in its motives from the external material world.

Our analysis of the development of commodity production in the framework of the rise of the economic social formation shows that the transition from one mode of production to another does not amount to an advance from a less developed to a more developed type of commodity economy. We also pointed out that the system of total commodity output contains the elements needed to overcome its own bases, by maximising the number of material goods and so paving the way for creativity. There emerges the development of unique and irreplaceable material goods and labour is used less and less in production. The

motivation for activity changes cardinally for most members of society. As a result a new form of exchange relations emerges as soon as goods are widely distributed and the conditions of their production cannot be described as being governed by the law of value in the traditional sense. The new form *is the first stage in the establishment of the non-commodity economy, fully realised in the post-economic social formation.*

We call this new stage which characterises the decline of the economic social formation *systemic non-commodity production* (allowing for a certain similarity with the forms of commodity production we explored above). Similar to systemic commodity economy systemic non-commodity production is characterised by the proliferation of commodity relations in society as a whole but not in its individual sectors. The transition to systemic non-commodity production from total commodity output is as easy as the transition from systemic commodity economy is to total commodity output and is entirely natural. In the systemic commodity economy commodity relations grew in all sectors. So in the systemic non-commodity production the negation of commodity relations grows in all sectors.

The critical point in the development of the non-commodity relations will come when there are not just individual productive facilities but whole industries whose output cannot be measured in the traditional terms of value, or, more importantly, are not engaged in the commodity exchange at all. This development mirrors the breakthrough in the rise of the economic social formation when humanity passes from structural to systemic commodity economy.

A whole new stage of non-commodity relations emerges when human activity takes on a significant element of creativity and the main condition for self-realisation becomes relations with other people or the products of their intellectual labours and not the substance of nature or man-made mechanical means of production and the material motivation for activity really drops into the background.

At such a stage there will emerge whole sectors of social production whose products, firstly, cannot be exchanged for the products of other sectors on the basis of value, secondly, cannot be consumed by other economic subjects and can only be utilised in the process of their own activity, and, thirdly, are consumed practically exclusively in the sectors in which they were created. The economy will develop a new structure. The sectors of information, education, science and unique production will become strictly delineated from mass output. Information will be consumed by thousands of people within the sectors of information and science. There will be an intensive exchange of knowledge, information, information products and specific skills. The exchange of information within the information sector will far outstrip the exchange of information between the information sector and other parts of the economy, the mass unindividualised production sectors. The same thing will apply to the mass production sphere: an enormous number of acts of exchange of the means of production and transformed elements of nature anticipate the manufacture of the end product, which information sector workers also consume. The mass of exchange within each sector remains much larger than transactions between the sectors.

Appreciating the conditional character of such a comparison, we can say that the information sector in the post-industrial economy plays the role of the closed natural (non-commodity) economy in the economic systems of the past while the mass production sector continues to be characterised by commodity trends. Thus we can describe such a system as *structural non-commodity production* that plays a role in the decline of the economic social formation similar to that played by structural commodity production in the rise of economic social formation. The main thrust in the development of structural commodity production was to break down strict boundaries between the commodity and natural sectors. Conversely it is the effective erection of boundaries that facilitate the swift formation of the post-economic society.

It is that very delineation that is the most complex element in the formation of non-commodity economy and the crystallisation of the relations of the post-economic social formation. It is extremely difficult to make the transition from a society equally permeated by commodity relations and emerging non-commodity relations to a structured society.

We have determined the two following conditions for such a transition.

First. The quantitative accumulation of non-commodity relations and trends must become so significant that the sectors within which they have emerged most quickly will prove to be the most able to provide for their own development without producing commodities in the classical sense but at the same time providing for society as a whole to improve its material well-being. The natural sector of the past in several of its manifestations was supported by the existence of a commodity sector and provided the basis upon which the market orientated superstructure could be built. So too the information sector to a certain extent is maintained by mass production sectors and provides them with the means for their development.

Second. The active or information sector of the economy must contain a source of development not just for itself but for all other sectors too. The only such source is the superutilitarian motivation we have determined as creativity. Meanwhile, creativity — and this is an extremely important point — is far from least a reaction to the economic behaviour models typical of developed forms of the economic social formation. That raises the question of whether creativity, adequately serving as a system-creating factor in one of the sectors of the structural non-commodity economy, can become a relation capable of regulating a full-fledged non-commodity system?

Total non-commodity output is the natural result of the development of structural non-commodity production. That is because the development of creativity and the production of the irreplaceable goods is the only one of its

elements that has an undoubtedly active basis. It is an element that does not know economic coercion or exploitation. We regard structural non-commodity production as a perfectly acceptable and stable economic system, the first primitive elements of which are already beginning to appear in today's most developed societies.

At the same time the concluding stage of the economic social formation and so the ultimate stage of the post-economic social formation — total non-commodity output — today cannot be described in anything more than in general theses and relatively doubtful assumptions.

We must bear in mind that humanity faces a whole new social structure that until today has not been understood on the level of its basic elements, the sources of its development and its chief contradictions or relations. This is a very dangerous situation as society has never before encountered such a systemic transformation.

The shift from the *pre-economic to economic social formation* came when humanity was not a whole and people did not appreciate the meaning and consequences of such a change. The transition from one mode of production to another in the framework of the *economic social formation* amounted to the logical development of the contradictions of commodity economy and the development of labour relations mediated by the formation of more advanced forms of the given society. Today we stand before a qualitatively new advance: a transition from labour to creativity, from the economic to the individualised evaluation of goods, from relatively familiar social relations to completely unknown ones. Humanity risks losing the guidelines that have governed its development throughout history.

The situation is made even more dramatic by the fact that *the post-economic social formation*, unlike the *economic social formation*, will not be based on any complex social structure or any basic rule or principle. The economic social formation is a system of relationships created by the supremacy of labour. And its development is the development of the most advanced forms of labour. But creativity is to

the same extent *post-social as the instinctual activity of the pre-economic social formation was pre-social, i.e. biological.* Thus the post-economic social formation, remaining the last social formation, is at the same time the initial condition of the post-social organism. Thus as the principles governing the pre-economic epoch were only satisfactorily studied after understanding the natural laws of the economic social formation so the principles of the post-economic social formation will only be fully studied after a comprehensive investigation into the laws and relations of the post-social epoch. The impossibility of the latter means that it is impossible to study the natural laws of the post-economic condition of society. The methods of extrapolation, so familiar for traditional historical research, become unacceptable for today's tasks, which once again underlines the importance of the changes which human civilisation is facing.

Humanity is entering an unknown world. A world in which traditional mechanisms of social self-organisation are collapsing with enormous speed. Humanity is entering this world without any kind of preconceived principles for building a new community. It does not even have the power to shape this new condition, which is emerging itself on the basis of the quick development of technology, the growth of information flows and changes in individual mentalities. So today the main task of sociology is to find the linchpin, the fundamental relation that can provide the emerging social form with stability. That linchpin has still to be found. It has to be found if humanity is to advance into the millennium about to commence.

RÉSUMÉ

La société humaine est à ce jour la forme la plus optimale d'interaction entre l'homme et la nature. Tout en étant, d'un point de vue statique, une telle forme d'*interaction*, la société apparaît aussi comme une forme de *transition* de la nature en tant que telle à l'homme en tant que tel; cela devient particulièrement évident quand on analyse la société au point de vue de sa place historique dans le devenir de l'espèce humaine.

Ce sont trois forces différentes qui, aux diverses étapes de l'histoire, contribuaient à cimenter la communauté des êtres humains. Dans la période de gestation des assises de la convivialité humaine, il s'agit de lois existant au sein de la nature vivante et transposées, avec des modifications minimales, aux groupes humains présociaux. Dans la période sociale proprement dite, la cohésion des hommes est assurée par la nécessité consciente de s'opposer à la nature extérieure, du sein de laquelle l'homme parvient déjà à se détacher mais qu'il n'a pas encore pu soumettre à ses intérêts et objectifs. A l'étape supérieure de l'évolution du genre humain, c'est l'aspiration à se perfectionner, immanente à chaque individu, qui se manifeste dans un contexte de satisfaction des besoins matériels et qui suscite un nouvel état des rapports interpersonnels, lorsque les visées et l'action de chacun ne sont pas en contradiction incompatible avec celles des autres membres de la communauté humaine.

Les première et troisième formes mentionnées sont liées à de très longues époques historiques, dont l'une est révolue et l'autre tournée vers l'avenir. Dans les deux cas, le combat de l'homme avec la nature — que l'écrasante

majorité des historiens, sociologues et économistes tiennent pour fondamental dans l'étude des lois de l'évolution de l'humanité — n'intervient pas comme un élément essentiel. En effet, dans l'état présocial, la lutte de l'homme avec la nature ne saurait être perçue comme telle, car elle n'est qu'un cas particulier des processus plus vastes et variés de l'évolution des espèces biologiques, des rapports entre les populations. Quant à l'état postsocial, chaque homme y est opposé à un autre en tant que personnalités inimitables, aussi leur interaction ne peut être réduite aux rapports entre l'être humain et la nature. Par conséquent, la période de transformation consciente de la nature par l'homme, de lutte de ce dernier pour la survie, la période qui se caractérise par un homme prenant conscience d'être un sujet extérieur à la nature, — cette période ne peut être assimilée, dans l'histoire de l'humanité, qu'à l'époque de l'état social des êtres humains.

Une telle définition de la société montre que l'homme, à cette époque, est contraint de réaliser une activité raisonnable, instrumentalisée, afin d'assurer sa propre survie et de satisfaire les besoins matériels qui lui apparaissent comme normaux à chaque étape concrète de l'histoire. L'activité déployée par l'homme comme une réaction à la nécessité matérielle extérieure, cette activité qui engendre elle-même les moyens de satisfaire les besoins matériels de l'homme et qui se distingue par son caractère raisonnable, son aspiration à un but, — voilà justement ce qui mérite le nom de travail au sens propre du terme. En résumé, *seulement un des trois modes d'activité humaine (activité instinctive, antérieure au travail; travail; activité créatrice), à savoir celle liée au travail, définit et cristallise la société comme la forme la plus complexe, parmi celles aujourd'hui connues, de convivialité humaine*.

Cependant, la société engendrée par la nécessité consciente de combattre le milieu naturel extérieur implique aussi l'existence d'un *intérêt matériel*, énoncé et formalisé, lequel traduit précisément ces rapports entre l'homme et la nature. Mais en même temps les complexités du pro-

cessus de transformation de la nature, le nombre considérable d'efforts requis à cette fin, la résistance active du milieu extérieur et, comme conséquence de tout ceci, l'insuffisance relative, voire absolue, des biens matériels, sont autant de facteurs qui suscitent des conflits inévitables entre les intérêts matériels des individus.

Telle est la circonstance qui fonde la stabilité de l'organisme social. On a vu précédemment que la société est un ensemble d'individus unis par les contradictions de leurs intérêts matériels. Et ce sont précisément ces contradictions, nées de l'aspiration des hommes à maximaliser leur consommation des produits de l'interaction avec la nature, qui déterminent les rapports entre les humains, en revêtant autant de formes différentes qu'il existe de modes divers de leur réalisation vis-à-vis de la nature extérieure. Il n'empêche que ces rapports liés à la production, à la répartition, à l'échange et à la consommation des biens matériels, ne réussissent pas toujours, loin de là, *à former naturellement un système de rapports cohérent et achevé, apte à se reproduire avec stabilité et de manière conséquente.*

Pareille reproduction des rapports, qui consolident et donnent une solution de tous les instants aux contradictions entre les intérêts matériels des individus, n'est possible que si les principales relations entre les hommes, en tant que sujets des changements du monde matériel, se trouvent transférées aux éléments mêmes du monde matériel transformés et créés par les hommes. Plus exactement, un système s'avère être le plus stable *lorsque les contradictions des intérêts matériels ne s'incarnent pas dans des contradictions et conflits de volontés individuelles,* mais se développent elles-mêmes sous la forme de relations apparentes entre les objets du monde matériel.

Etant un système de hiérarchisation des contradictions des intérêts matériels, la société se manifeste le plus pleinement là où ces intérêts s'affrontent à l'état le plus pur, hors des véhicules individuels concrets. Cette circonstance avait été remarquée par les pères du marxisme, qui divisaient l'histoire de l'humanité en périodes, celles de la

dépendance personnelle, de la dépendance matérielle et de l'individualité libre. Une telle périodisation est à la fois féconde et originale, mais elle ne tient pas compte de la division — plus conséquente d'un point de vue méthodologique — en états présocial, social et postsocial de l'humanité. Soucieux de concilier ces deux approches, nous parvenons à la conclusion qu'il convient de séparer, dans l'état proprement social, trois étapes marquées par la dépendance de l'homme — d'abord vis-à-vis de la nature non transformée, ensuite vis-à-vis des résultats de sa propre activité matérielle, enfin vis-à-vis des produits de sa production intellectuelle et culturelle. C'est dans une certaine mesure cette périodisation qui, dans le marxisme, se traduit par les concepts de formations sociales archaïque, économique et communiste.

De la même façon que la société reflète la quintessence de la communauté d'êtres humains, définie par leur lutte avec la nature, la formation sociale économique apparaît comme la quintessence de la période sociale dans l'histoire de l'humanité.

C'est au sein de cette formation que l'on assiste à l'évolution vers un système plus net et parfait d'interaction des intérêts matériels des individus, qui soit capable d'exclure, dans la mesure du possible, les effets de l'action de tel ou tel individu sur les tendances du système économique. Le principal moyen pour y parvenir consiste à établir une rigide dépendance du bien-être matériel de chaque individu vis-à-vis du degré de reconnaissance, par la société en général, de l'utilité sociale des dépenses de travail faites par cet individu. Il en résulte que les rapports matérialisés évincent de plus en plus les rapports personnels, tandis que la dépendance entre l'homme et la reconnaissance sociale des fruits de son activité commence à prévaloir sur sa dépendance envers les représentants concrets des classes dominantes. Le fait que ces tendances s'amplifient est attesté par la croissance de la production marchande, ainsi que par un changement des formes de cette production, dont l'aboutissement doit être une société imprégnée de bout en bout par les rapports marchands, c'est-à-dire un

système que les marxistes qualifient de production marchande généralisée.

De même que la formation sociale économique est la quintessence de la période sociale dans l'histoire de l'humanité, l'époque de domination de la production marchande généralisée traduit la quintessence de la formation sociale économique.

Il n'en demeure pas moins que nombre de questions n'ont toujours pas été abordées par les études sociologiques, économiques et historiques concernant la théorie des formations sociales. *Premièrement,* la formation sociale économique est encore considérée comme une période de l'histoire humaine, qui demande à son tour d'être divisée en un nombre variable de périodes plus courtes, dites modes de production. Mais les critères permettant d'établir la formation sociale économique et ceux qui définissent en son sein les modes de production demandent encore à être raccordés entre eux. *Deuxièmement,* si l'on discerne bien, dans le cadre de la formation sociale économique, sa période de progression qui est généralement celle de la constitution des premières sociétés de classes jusqu'à la gestation du système capitaliste, on néglige cependant de considérer une période de régression ou, au contraire, celle du passage de la formation sociale économique à un état supérieur. *Troisièmement,* la formation sociale économique a pour étapes de sa progression différentes formes historiques de production, que l'on définit comme des modes de production et qui étaient quatre aux yeux de Marx: asiatique, antique, féodal et bourgeois contemporain (ainsi les énumère-t-il dans sa préface à la *Contribution pour une critique de l'économie politique*). Toutefois, si la formation économique a pour essence une cristallisation maximale des rapports *économiques*, pourquoi les étapes d'un tel processus ne sont-elles en fait appelées qu'en fonction du facteur de domination politique de telle ou telle classe? *Quatrièmement,* l'analyse du progrès de la formation sociale économique doit tenir compte du fait que ce processus historique, comme tout ensemble en devenir, présente une sorte de point critique avant lequel tous les traits économiques de

la société ne sont que des modifications insignifiantes de l'assise antérieure, non économique; et après lequel les formes politiques de l'ancienne société, aussi efficaces aient-elles été, ne sont plus qu'un paravent qui cache l'essor impétueux, effectif, des rapports économiques. La théorie marxiste n'a jamais tenté de découvrir ce point critique, alors qu'il s'agit d'une tâche exceptionnellement importante au point de vue méthodologique et théorique. Enfin, *cinquièmement:* tout en faisant reposer la définition de la formation sociale économique sur le degré de développement des rapports *économiques*, il convient de mettre en accord avec ce principe méthodologique les critères d'établissement des étapes d'essor et de déclin de cette même formation. Seule une telle approche peut permettre d'élucider la dynamique intérieure de ladite formation sociale, de même que les mécanismes de son interaction historique avec les éléments d'autres formations sociales.

C'est l'ignorance de ces problèmes, pourtant d'une actualité flagrante, qui a rendu nécessaire l'étude réalisée dans ce livre. Ses résultats principaux, étroitement liés aux questions posées, nous apparaissent être les suivants.

Nous avons tenté pour la première fois, dans le cadre de la doctrine sociologique marxiste, d'examiner la formation sociale économique comme un organisme social unique qui, tout au long de son histoire, passe par des périodes de gestation, d'épanouissement et de déclin, ce dernier étant compris comme le dépassement des lois propres à ladite formation sociale. La phase ascendante, ou progressive, de la formation sociale économique est celle de la transition des systèmes économiques uniquement fondés sur la dépendance personnelle des producteurs, sur une production pleinement naturelle, au système d'économie marchande généralisée et de domination des formes de dépendance extérieures. Au contraire, la phase descendante, ou régressive, survient à l'étape de la production marchande généralisée et en présence d'une série de sociétés déjà en route vers un socium basé sur le développement libre et créateur de tous ses membres. Force est de constater, à la

suite des pères du marxisme, que l'époque progressive de la formation sociale économique est en même temps celle d'une crise de la formation archaïque, tandis que sa période régressive (circonstance négligée dans la tradition marxiste) peut et doit être considérée comme celle de la genèse d'une troisième formation sociale, dite postéconomique dans notre terminologie. Il importe par ailleurs de noter, et nous y reviendrons, que la question du point critique est d'autant plus actuelle que ce point délimite en fait, d'un côté, les états sociaux essentiellement archaïques et essentiellement économiques; de l'autre, les états essentiellement économiques et essentiellement postéconomiques.

A cet égard, il est proposé un système de périodisation foncièrement distinct de celui en vigueur dans la sociologie marxiste, qu'il s'agisse des phases ascendante ou descendante de la formation sociale économique. A partir de l'analyse du développement économique du monde antique et du Moyen Âge européen, c'est-à-dire du matériau déjà utilisé par les fondateurs du marxisme dans leur théorie des modes de production, nous avons pu conclure à l'existence de quatre principaux types d'économie qui, s'ils coïncident chronologiquement en grande partie avec les modes de production définis par Marx, s'en distinguent fortement par la méthode ayant présidé à leur établissement.

Notre définition de ces types d'économie repose sur le type de production marchande propre à chacun d'entre eux. Au *mode de production asiatique* correspond pour l'essentiel le système d'*économie marchande primitive*, qui se caractérise avant tout par le fait que la transformation des produits en marchandises était épisodique et résultait indirectement de processus strictement politiques, dictés par la volonté des classes dominantes, alors que l'économie restait marquée dans son ensemble par l'absence complète de rapports marchands, en dépit d'un système ramifié de redistribution de la richesse sociale. Le mouvement d'énormes quantités de ressources laborieuses, d'un nombre gigantes-

que de biens matériels et même d'argent (!) se produisait malgré la totale inexistence de rapports marchands dans l'acception traditionnelle du terme.

Le *mode de production antique* a engendré un système que nous appelons *économie marchande structurée*. Tout en conservant la base économique naturelle des sociétés asiatiques, les sociums antiques avaient atteint un niveau de rapports marchands très élevé dans un secteur relativement étroit de la production sociale. Ici, à la différence des sociétés asiatiques, une part importante de la population était juridiquement libre, sans que cela aboutisse toutefois à la création d'une société de simples producteurs de marchandises. Dans la mesure où le secteur marchand de l'économie répondait aux besoins des cités, il en résultait un échange, plutôt limité en volume, des produits de l'agriculture contre les objets de l'artisanat, en même temps que croissait le commerce des objets de luxe et que l'on voyait surgir les premiers signes de circulation monétaire, des rapports de crédit, ainsi qu'un système budgétaire des Etats antiques. Il n'empêche que la production artisanale primitive, son volume encore insignifiant, de même que le peu d'ampleur du produit ajouté dans l'économie des producteurs individuels, ne permettaient pas d'étendre un marché toujours exigu. Bien que cette étroitesse fût en partie compensée par la perfection des formes du commerce, du crédit et de la circulation monétaire, il avait été impossible de surmonter la frontière entre les secteurs marchand et non marchand.

Le *mode de production féodal* traduit un bond radical en avant; il se caractérise par un *type systémique d'économie marchande*. La croissance des volumes de la production artisanale, le caractère atténué des barrières sociales, le développement du commerce intérieur et extérieur, et, chose plus importante encore, l'extension du marché de la force de travail et des facteurs de la production, tel est le contexte qui, caractéristique de l'Europe à partir du XIIIe siècle, contribua à faire pénétrer largement les rapports marchands dans chacune des cellules de la société. Une grande

partie des biens, qu'ils fussent consommés par les classes laborieuses ou oisives, était vendue sur les marchés.

Il suffisait du simple développement extensif de ce système pour donner naissance à la forme de production marchande la plus parfaite: l'*économie marchande généralisée*, que l'on appelle traditionnellement le *mode de production capitaliste*. Le système de production marchande généralisée est la première des formes d'économie marchande où les proportions de l'échange de tous les biens en circulation dépendent d'un principe unique: la quantité de travail socialement nécessaire à leur reproduction. Ce système a pour trait immanent la possibilité de reproduction, potentielle ou réelle, de toutes les composantes de la richesse sociale, tant des facteurs de la production que de ses résultats. La production marchande généralisée incorpore certes, parmi les biens échangés, ce bien spécifique et nouveau qu'est la main-d'oeuvre, mais surtout elle fournit une base unique et commune aux rapports d'échange: la quantité de temps de travail socialement nécessaire à la reproduction de telle ou telle marchandise. C'est cette circonstance qui confère une stabilité exceptionnelle au système de la production marchande généralisée. Alors que dans les systèmes antérieurs le secteur marchand occupait une place plus ou moins importante, mais cependant réduite, au sein de la production sociale, à la fois en opposition et en interaction avec le secteur non marchand, il n'existe plus dans le système de production marchande généralisée un secteur qui fonctionnerait sur d'autres principes que celui régissant désormais l'économie, à savoir l'échange des frais de reproduction.

Il apparaît donc que, dans son évolution progressive, la formation sociale économique franchit quatre étapes — *primitive, structurée, systémique et généralisée* — de l'économie marchande. Chronologiquement, ces étapes coïncident en grande partie avec les modes de production établis par les pères du marxisme, mais notre nouvelle méthodologie conduit à des résultats fortement distincts de la théorie

marxiste dès lors qu'il s'agit d'évaluer la dynamique de progression de la formation sociale économique.

Nous voici ramenés à l'analyse du point critique dans le devenir de cette formation. La réponse apportée par Marx et Engels, suffisamment argumentée, est la suivante: le mode de production capitaliste se distingue avant tout des autres modes qui constituent la formation sociale économique par l'absence de contrainte économique extérieure sur le travail et de dépendance personnelle entre le maître et le travailleur. C'est ce qui pousse les auteurs marxistes à tracer une nette frontière entre féodalisme et capitalisme, une démarcation jugée par eux fondamentale dans le devenir de la formation sociale économique.

Néanmoins, la méthode proposée ici donne un tout autre résultat. L'examen des quatre phases du développement des rapports marchands aboutit par force à la conclusion que *l'économie marchande structurée n'est qu'une forme modifiée de l'économie marchande primitive*, avec notamment le transfert au marché de plusieurs fonctions auparavant réalisées par le pouvoir politique. Or l'expérience historique atteste qu'en cas de troubles dans le fonctionnement des institutions politiques, on doit s'attendre plus que probablement à une réduction très nette des rapports marchands dans le système d'économie marchande structurée. Le système économique des pays européens se caractérise au contraire, à partir des XIIIe-XIVe siècles, par une large diffusion des rapports marchands, par des opérations commerciales actives, un net changement de la structure de production en faveur de l'industrie, l'extension du travail salarié, et par d'autres facteurs de nature parfaitement capitaliste. Nous avons montré que le système économique de la France (et d'autres États d'Europe) était pleinement capitaliste aux XVIIe-XVIIIe siècles, bien que les sociétés concernées eussent conservé tous les signes formels d'empires féodaux. Le fait même que les pères du marxisme aient mis en exergue la nature politique des révolutions bourgeoises montre bien que celles-ci visaient essentiellement à mettre en accord la superstructure avec la nouvelle

base économique, déjà mûrie dans les entrailles de l'ancienne société. On peut ainsi affirmer que *l'économie marchande systémique est une forme d'économie marchande qui, historiquement, précède immédiatement l'économie marchande généralisée et représente en fait une forme encore incomplètement développée de cette dernière.*

Il en découle que les deux démarcations fréquemment admises dans les études marxistes — séparation du mode de production asiatique comme forme supérieure de la formation sociale archaïque, ce qui l'oppose aux trois autres éléments de la formation sociale économique; mise en relief de la place particulière du mode de production capitaliste, opposé à toutes les formes antérieures de société — ne permettent pas en réalité de comprendre la dynamique véritable des rapports marchands et, par conséquent, de la formation sociale économique en tant qu'ensemble unique et cohérent.

La vraie frontière entre les sociétés essentiellement pré-économique et essentiellement économique passe là où l'économie marchande parvient à dépasser, réellement ou potentiellement, les limites du secteur qui lui revenait au sein de l'économie. C'est en détruisant cette condition qui freinait l'essor de la production que le progrès des rapports marchands conduit irrésistiblement au système de production marchande généralisée, qui est l'étape supérieure de la formation sociale économique. *Voici pourquoi le passage crucial a été historiquement, dans l'évolution de la formation sociale économique, celui qui menait de l'économie marchande structurée à l'économie marchande systémique, c'est-à-dire, pour reprendre la terminologie marxiste, le passage du mode de production antique au mode féodal.* Il aurait été impossible d'aboutir à cette conclusion en s'en tenant à la méthodologie traditionnelle d'établissement des modes de production.

Il faut bien mettre l'accent sur cet aspect: seule l'analyse de l'évolution des rapports marchands peut permettre de conclure que la phase supérieure de la formation sociale économique, c'est-à-dire le mode de production capitaliste, ne saurait d'aucune façon être la veille de la faillite, de la

destruction de cette formation sociale, comme le supposaient les marxistes. Le mode de production capitaliste ne peut pas être remplacé de façon révolutionnaire par un autre mode de production; aucun bouleversement politique n'est en mesure de supprimer les fondements essentiels de ce système économique. Le mode de production capitaliste ne peut être dépassé qu'en dépassant les assises mêmes de la production marchande, en dépassant la valeur comme base d'évaluation des biens matériels échangés, ce qui, de son côté, ne peut être atteint qu'en dépassant le travail comme activité humaine aliénée pour le remplacer par la création, autrement dit, par une activité qui, dans ses motivations, ne dépend pas de l'entourage matériel extérieur de la personnalité.

Notre analyse du développement de la production marchande à une étape de la formation sociale économique montre, par conséquent, que le passage d'un mode de production à un autre ne coïncide pas avec la transition d'un type d'économie marchande inférieur à un type plus parfait. Nous avons également pu constater que le système de production marchande généralisée implique lui-même le dépassement de ses propres assises, dans la mesure où il maximalise la quantité de biens produits et ouvre la voie à une activité créatrice. Il s'ensuit un essor de la production de biens uniques, non reproductibles, cependant que le travail participe de moins en moins à des opérations de production. L'activité de la plupart des membres de la société change radicalement dans ses motivations. A partir de cette large diffusion des biens qui, par les conditions de leur production, ne peuvent plus être considérés comme entièrement subordonnés à la loi de la valeur dans sa forme classique, on voit apparaître une nouvelle forme de rapports d'échange — *la première étape de la genèse d'une économie d'essence non marchande, le plus complètement incarnée dans la formation sociale postéconomique*.

Non sans analogie avec les types antérieurs de production marchande, nous avons appelé *production non marchande systémique* ce type d'économie qui caractérise la pre-

mière phase descendante de la formation sociale économique. Cette production offre maintes ressemblances avec la production marchande systémique. A l'instar de celle-ci, la production non marchande systémique est marquée par la diffusion des rapports marchands dans toute la société et pas seulement dans certains de ses secteurs. De même que la transition est facile de l'économie marchande systémique à l'économie marchande généralisée, le passage de cette dernière à la production non marchande systémique se fait de façon naturelle, par développement interne. Et de même que, dans le cadre de l'économie marchande systémique, on assistait à l'extension des rapports marchands dans tous les domaines de la production, l'économie non marchande systémique se distingue par la négation grandissante de ces rapports dans toutes les sphères de la production sociale.

Il importe de relever aussi que le dépassement des rapports marchands fait apparaître une frontière très importante, à l'exemple de celle qui, à l'étape ascendante de la formation sociale économique, marquait le passage de l'économie structurée au mode systémique. En l'occurrence, la frontière passe historiquement là où des branches entières de l'économie nationale, et non plus telle ou telle entreprise, fournissent des produits qui ne peuvent plus participer à l'échange de marchandises sur la base des proportions de valeur traditionnelles, ou, chose plus importante, ne peuvent même plus être impliqués dans l'échange de marchandises en tant que tel.

A partir de l'instant où l'activité humaine revêt un aspect créatif si important que la condition principale de l'autoréalisation de l'homme réside dans son interaction avec d'autres humains ou avec les produits de leur activité intellectuelle, non plus avec la matière de la nature ou avec les produits créés par des procédés mécaniques, à partir du moment où la motivation matérielle de l'activité est véritablement reléguée au second plan, on est passé à un nouveau degré de l'évolution des rapports non marchands. C'est dans ce contexte que l'on voit surgir des secteurs

entiers de l'économie dont la production, premièrement, ne peut pas être échangée contre les produits d'autres secteurs sur la base des principes de la valeur; deuxièmement, ne peut pas être directement consommée par les autres sujets économiques, qui, peut-être, ne sauront l'assimiler que dans le processus de leur propre activité; troisièmement, est exclusivement consommée dans le cadre des secteurs où elle a été créée.

Il en résulte une économie structurée à une étape nouvelle du progrès historique, lorsque les secteurs informatiques de l'économie, ainsi que ceux de la science, de l'éducation et de la production de biens uniques, se trouvent rigoureusement séparés de la production de masse. Les données sont assimilées par des milliers de gens au sein du secteur informatique de l'économie et dans la recherche, on assiste à un échange intense de connaissances, de données, de produits informatiques, de savoirs et d'aptitudes spécifiques, à tel point que le nombre d'échanges à l'intérieur de cette sphère commence à surpasser largement le volume des échanges entre le secteur informatique et le domaine de la production de masse, non individualisée. Il en va de même pour cette production de masse: un nombre immense d'échanges des moyens de production et des éléments transformés de la nature précède la confection du produit fini, dont les consommateurs sont également les employés du secteur de l'information. Une énorme quantité d'opérations d'échange sont désormais plus nombreuses au sein de chaque secteur que les transactions entre différents secteurs.

Toute comparaison étant relative, on peut dire que la sphère informatique joue dans l'économie postindustrielle un rôle analogue à celui de l'économie naturelle (non marchande) dans les systèmes économiques d'autrefois, alors que la production de masse véhicule les tendances marchandes. Un tel système peut en conséquence être considéré comme le précédent de la *production non marchande structurée* qui, à l'étape descendante de la formation sociale économique, tient une place historique semblable en

bien des points à celle de la production marchande structurée dans la phase ascendante. Néanmoins, à la différence de l'économie marchande structurée qui avait pour tendance principale le dépassement de la barrière rigide entre les secteurs marchand et naturel, l'étape de déclin, de régression de la formation sociale économique, conduira d'autant plus vite à la formation postéconomique que l'on verra s'établir de façon efficace et tout aussi rigide une délimitation analogue au sein de toute l'économie.

Cette frontière est précisément ce qu'il y a de plus difficile à établir dans le devenir de l'économie non marchande, dans la cristallisation des rapports de la formation sociale postéconomique. Cela tient à la complexité même du passage au socium structuré à partir d'une société où les rapports marchands et les éléments non marchands sont relativement à égalité. Les deux conditions principales de ce passage nous semblent être les suivantes. *Premièrement*, l'accumulation quantitative de rapports et tendances non marchands doit être assez importante pour que les secteurs où cela se produit le plus rapidement soient aptes à assurer leur propre développement, sans produire de marchandises au sens classique du terme mais en permettant à l'ensemble de la société d'améliorer son bien-être matériel. De la même façon que l'économie naturelle de jadis admettait, dans certains de ses aspects, l'existence d'un secteur marchand, en développant peu à peu la base qui serait en mesure de supporter une superstructure orientée vers le marché, le secteur informatique devra être dans une certaine mesure soutenu par les branches de la production de masse et leur assurer en même temps les conditions nécessaires à leur propre essor. *Deuxièmement*, le secteur actif de l'économie, celui que nous avons choisi d'appeler informatique, doit posséder une source d'autodéveloppement suffisante pour assurer sa propre progression, mais aussi celle de la production sociale dans son ensemble. Cette source ne peut être qu'une activité motivée par autre chose que l'utilitarisme, que nous avons définie comme la création. Or l'activité créatrice, et c'est là un aspect crucial, apparaît

notamment comme une réaction aux modèles de comportement économistes, tels qu'ils existent dans les formes développées de la formation sociale économique; c'est pour cette raison qu'on ne peut dire clairement si l'activité créatrice, tout en étant un facteur adéquatement systémique dans un des secteurs de l'économie non marchande structurée, sera en mesure d'être le principal rapport régissant le système non marchand.

La production non marchande structurée aboutit naturellement à la production non marchande généralisée, étant donné que l'unique principe actif dans l'interaction de ses éléments est celui qui repose sur l'essor de l'activité créatrice et sur la production de biens non reproductibles, un principe qui ignore aussi bien la contrainte économique de l'activité que l'exploitation. Cette production non marchande structurée s'avère être, d'un point de vue théorique, parfaitement viable et stable comme système économique, et certains de ses éléments rudimentaires commencent même à se manifester déjà dans la vie économique des sociums les plus développés de notre époque.

Il demeure toutefois que la dernière étape de la régression de la formation sociale économique et, par conséquent, la phase supérieure de la formation postéconomique — la production non marchande généralisée — ne peuvent être aujourd'hui décrites que sous formes de thèses très générales, d'hypothèses relativement fragiles.

On ne peut cependant éviter de prendre conscience que l'humanité se trouve au seuil d'une nouvelle structure sociale, qui n'a pas encore été appréhendée ni au niveau des éléments de sa base, ni à celui de ses sources d'autodéveloppement, ni dans ses principaux rapports et contradictions. Une telle situation nous apparaît comme très dangereuse, étant donné que la société n'a jamais été confrontée à une transformation systémique de cette ampleur.

Le passage de la *formation sociale pré-économique* à la *formation économique* s'était accompli lorsque l'humanité ne formait pas un tout unique, et les hommes eux-mêmes

n'étaient pas conscients de l'importance et des effets d'un tel changement. La transition d'un mode de production à un autre dans le cadre de la *formation sociale économique* s'est faite comme un déroulement successif des contradictions de l'économie marchande, comme un développement des rapports marchands qui médiatisaient le devenir des formes les plus parfaites propres à cette formation sociale. Aujourd'hui, par contre, nous voici devant un changement foncièrement distinct: le passage du travail à l'activité créatrice, de l'évaluation économique des biens à une appréciation individualisée, de rapports sociaux relativement familiers à des formes tout à fait inconnues, risque de faire perdre à l'humanité les principaux critères qui ont déterminé son évolution tout au long de l'histoire écrite.

Les choses apparaissent encore plus dramatiques du fait que la *formation sociale postéconomique*, contrairement à la *formation économique*, ne repose pas sur une structure sociale d'ensemble, n'est pas cimentée par un rapport ou un principe fondamental. Alors que la formation sociale économique constitue un système de rapports nés de la domination du travail dans la société, et que son développement suit le perfectionnement même de l'activité laborieuse, la formation postéconomique nie le système fondé sur le travail et s'oriente sur l'activité créatrice, *une activité tout autant postsociale que l'activité instinctive de la formation pré-économique restait présociale, c'est-à-dire biologique*. Ainsi, la formation sociale postéconomique est à la fois la dernière formation *sociale* et le point de départ de l'organisme *postsocial*. Et de même que les principes dominants de l'époque pré-économique n'ont été analysés de façon satisfaisante que sous l'angle des lois de la formation sociale économique, de même les principes de la formation postéconomique ne peuvent être pleinement étudiés qu'après une exploration complète des lois et rapports de l'époque postsociale. Or l'impossibilité de connaître ces derniers rend également impossible une analyse adéquate des lois de la société postéconomique. Les méthodes d'extrapolation, couramment utilisées dans les études traditionnelles de l'histoire, sont inapplicables aux

problèmes qui se posent aujourd'hui et font apparaître d'autant mieux la gravité des changements auxquels est confrontée toute la civilisation humaine.

L'humanité s'engage à présent dans un monde inconnu, où les mécanismes familiers de l'organisation sociale sont détruits de façon accélérée. Mais elle y pénètre sans posséder des principes tant soit peu élaborés pour bâtir une communauté nouvelle; elle est même en réalité incapable de concevoir cet état inédit, qui se forme spontanément sur la base d'un progrès rapide des technologies, sur l'essor des flux informationnels et les changements de la mentalité individuelle. C'est pourquoi la science sociologique a essentiellement pour tâche aujourd'hui de découvrir le ressort, le rapport fondamental qui pourra conférer sa stabilité à la forme sociale naissante. Cette tâche n'a pas encore trouvé de solution. Y parvenir est une condition du développement progressif de l'humanité au cours du nouveau millénaire qui est sur le point de débuter.

Библиография

Адлер Г. Социально-реформаторское движение в древности. // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899

Белл Д. Постиндустриальное общество. // «Американская модель»: с будущим в конфликте. Под общ. ред. Шахназарова Г.Х. М., 1984

Белоруссов М. Колонат. Очерк возникновения римского крепостного права. // Варшавские университетские известия. 1903. Вып. IV

Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т.I. СПб., 1910

Браунинг В. Рабство в Византийской империи (600-1200 гг.). // Византийский временник. XIV. М., 1958

Бузгалин А.В. Система категорий политической экономии коммунизма: взгляд в будущее (научно-фантастические очерки). // По ту сторону отчуждения. Сборник политико-экономических гипотез. М., 1990

Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. СПб., 1907. Вып. I

Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Пг., 1918.

Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М., 1925

Вебер М. Поземельные отношения в древности. // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899

Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880

Всемирная история. Т.2. М., 1956

Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М., 1969

Гемп А.Г. Крестьяне Римской Империи IV-V вв. н.э. и формы их зависимости. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954

Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860

Гольцев В. Государственное хозяйство во Франции XVII века. М., 1878

Гревс И.М. Очерки из истории римского землевладения. Т.I. СПб., 1899

Гревс И.М. Предисловие. / В кн.: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Римский колонат. СПб., 1908

Дроздов В.В. Колонат в период раннего средневековья. // Вестник МГУ. Сер.экон. 1984. № 1

Дроздов В.В. Экономические проблемы генезиса феодализма в романизированных странах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., МГУ, 1979

Дубсон Б.И. Буржуазная доктрина «качества жизни». М.,1988

Жорес Ж. Социалистическая история Французской Революции. Т.I. Кн.1. М., 1978

Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Выпуски I,II. М., 1980

Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995

Иноземцев В.Л. Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? / Коммунист. 1991. № 4.

Иноземцев В.Л. Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории. / Политические исследования. 1991. № 4

Иноземцев В.Л., Хоруженко Н.В. Характер общественного прогресса при переходе от первичной общественной формации ко вторичной. // Материалы XXVII Всесоюзной научной студенческой конференции. Философия и научный коммунизм. Новосибирск, 1989

Каллю Ж. Функции денег в римском обществе в период Империи. М., 1970

Кареев Н. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879

Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971

Кеннингем В. Западная цивилизация с экономической точки зрения. М., 1902

Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т.I. М., 1895

Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т.1. СПб., 1898; Т.2. СПб., 1899

Кожокин Е.М. Государство и народ. От Фронды до Великой французской революции. М., 1989

Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л., 1990

Корсунский А.Р. Проблемы аграрного строя и аграрной политики Западной Римской империи (IV-V вв.). // Вестник древней истории. 1980. № 2

Коэн С., Зисман Дж. Производящие отрасли. Миф о постиндустриальной экономике. М., 1988

Кречмар М. К вопросу о хозяйственной эволюции Древнего Рима. // Варшавские университетские известия. 1905. Выпуски VII и VIII

Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., МГУ, 1990

Кузищин В.И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. - I в. н.э.). М., 1976

Кузищин В.И. К.Маркс об античной экономике.// Вестник древней истории. 1983. № 2

Кузищин В.И. Нормы и степень эксплуатации сельскохозяйственных рабов в Италии во II в. до н.э. - I в. н.э. (проблемы производительности рабского труда и ее эволюции). // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967

Кузищин В.И. Очерки по истории земледелия Италии. М., 1966

Кузищин В.И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества. // Вестник древней истории. 1974. № 3

Кузищин В.И. Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве. М., 1970

Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973

Кузищин В.И. Хозяйство Плиния Младшего.// Вестник древней истории. 1962. № 2

Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789-1794 годов. М., 1919

Летурно Ш. Эволюция собственности. СПб.,1899

Летурно Ш. Эволюция торговли. СПб., 1899

Липшиц Е.Э. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии.// Вестник древней истории. 1955. № 4

Лучицкий И.В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции. Киев, 1900

Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века (1610-1620 гг.). Л., 1959

Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 годах. Л., 1982.

Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI-XVIII веках. Л., 1978

Маркс К. Буржуазия и контрреволюция. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.6

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.8

Маркс К. Генеральный Совет Интернационала — Федеральному Совету Романской Швейцарии. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16

Маркс К. К еврейскому вопросу. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.1

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.13

Маркс К. Капитал. Том 1. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.23

Маркс К. Капитал. Том 3. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч. 1

Маркс К. [Капитал] Книга первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.49

Маркс К. Классовая борьба во Франции. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.7

Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич. Набросок первый. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19

Маркс К. Нищета философии. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.4

Маркс К. Письмо Ф.Энгельсу от 2 апреля 1858 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.29

Маркс К. Процесс против Рейнского окружного комитета демократов. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.6

Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Приложения. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.II

Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. ТТ.47 и 48

[*Маркс К.*] Запись речи К.Маркса о праве наследования. Из протокола заседания Генерального Совета Интернационала, 20 июля 1869 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.4

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.3

Маркс К., Энгельс Ф. Резолюции Общего конгресса Интернационала, состоявшегося в Гааге 2-7 сентября 1872 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.18

Митчелл У.К. Экономические циклы. М.-Л., 1930

Нейрат О. История античного хозяйства. Николаев, 1924

Нибур Г.Г. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. М., 1902

Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Диалектика производительных сил и производственных отношений. Душанбе, 1989

Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986

Позднякоѵ А.В. Монетная система и денежное обращение в западных провинциях Римской Империи при Августе и Тиберии. М., 1980

Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990

Поршнев Б.Ф. Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса. // Философские науки. 1969. № 2

Пригожин А.Г. Возникновение западноевропейского феодализма. // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Пленум Государственной академии истории материальной культуры 20-22 июня 1933 года. В кн.: Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. № 103. М.-Л., 1934

Пригоровский Г. Развитие колонатных отношений в Римской Африке. М., 1909

Ростовцев М. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. // Русская мысль. 1900. № 3

Ростовцев М. Колонат. // Новый энциклопедический словарь. Т.XXII. СПб., 1911

Ростовцев М. Происхождение колоната. // Филологическое обозрение. Т.XIX. Кн.2. 1901

Ростовцев М. Римский колонат. / В кн.: *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., б.г.

Рот П. История старинных банковых учреждений у древних греков и римлян, у средневековых итальянцев и в Голландии и Германии XVII и XVIII столетий. Б.м., б.г.

Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Харьков, 1922.

Современные зарубежные теории социального изменения и развития. Вып.2. Практопия Олвина Тоффлера. М., 1993

Сталин И.В. Речь на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников. // *Сталин И.В.* Соч. Т.13

Тоффлер О. Проблемы власти на пороге XXI века. // Свободная мысль. 1992. № 2

Шелике В.Ф., Потоцкий В.А. Актуальные проблемы понятийного аппарата теории социальной революции. // Философские науки. 1979. № 5

Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978

Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской Империи. М., 1957

Штаерман Е.М. О классовой структуре римского общества. // Вестник древней истории. 1969. № 4.

Штаерман Е.М. Римская собственность на землю.// Вестник древней истории. 1974. № 3

Штаерман Е.М. Экономическая история Рима (проблемы и методы). // Экономическая история. Проблемы и исследования. М., 1987

Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971

Удальцова З.В., Гутнова Е.В. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М., 1970

Фельсберг Э.Р. История римского аграрного строя. Рукопись лекций. Юрьев, 1909

Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. Том V. СПб., 1910

Фюстель де Куланж. Римский колонат. СПб., 1908

Энгельгардт Р.Ю. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII — начале XVIII века. Кишинев, 1976

Энгельс Ф. Английский билль о десятичасовом рабочем дне. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.7

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.20

Энгельс Ф. Вопрос о десятичасовом рабочем дне. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.7

Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.20

Энгельс Ф. К жилищному вопросу. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.18

Энгельс Ф. Конспект первого тома «Капитала» К.Маркса. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.16

Энгельс Ф. Письмо К.Каутскому от 12 сентября 1882 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.35

Энгельс Ф. Письмо К.Шмидту от 5 августа 1890 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.37

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.21

Энгельс Ф. Протекционизм и свобода торговли. Предисловие к брошюре К.Маркса «Речь о свободе торговли». // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.21

Энгельс Ф. Эльберфельдские речи. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.2

Bell D. The End of Ideology. Glencoe (Ill.), 1960

Bell D. Notes on the Post-Industrial Society. // The Public Interest. N.-Y., 1967. № 6, 7

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.-Y., 1973

Boak A.E.R. Manpower Shortage and the Fall of the Roman Empire in the West. L., 1955

Boiteau P. Etat de la France en 1789. P., 1889

Braesch F. Les Recettes et les depenses du Tresor pour l'annee 1789. Le compte rendu au Roi, de mars 1788. Le dernier budget de l'Ancien Regime. P., 1936

Briggs R. Early Modern France 1560-1715. Oxford, 1977

Button D. The French Nobility in Crisis 1560-1640. Stanford, 1969

The Cambridge Ancient History. Vol. XII. Cambridge, 1939

The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 2. Cambridge, 1952

Carlile W.W. The Evolution of Modern Money. N.-Y., 1969

Clamageran J.J. Histoire de l'impot en France. T. II. P., 1868.

Clark D. Post-Industrial America: a Geographical Perspective. N.-Y.-L., 1985

Clement W., Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. Montreal, 1994

Coffield J. A Popular History of Taxation. L., 1970

Duncan-Jones R. The Economy of the Roman Empire. Quantitative Studies. Cambridge, 1974

Dureau de la Malle. Economie politique des Romains. T.2. P., 1840

Gage J. Les classes sociales dans l'Empire Romain. Paris, 1964

Giraud Ch. Histoire de droit francaise. P., 1845

Gleave D., Angell C., Wooley K. with Macdonald P. & Palmer D. The Impact of New Technology on the Labour Market and Demands for Information Services. L., 1985

Goubert P. A Regional Case Study of the Seventeenth-Century Peasantry. // The Peasantry in the Old Regime. Ed. by I.Woloch. N.-Y., 1970

Frank T. An Economic History of Rome. Baltimore, 1927

Johne K.-P., Kohn J., Weber V. Die Kolonen in Italien und den westlichen Provinzen des römischen Reiches. Berlin, 1983

Hage J., Powers Ch.H. Post-Industrial Lives: Roles and Relationships in the 21st Century. Newbury Park (Ca.), 1992

Hayden J.M. France and the Estates General of 1614. Cambridge, 1974

Heaton H. Economic History of Europe. L., 1963

Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches. Berlin, 1974

Kahn H., Wiener A. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years. N.-Y.-L., 1967

Kleinberg B.S. American Society in the Postindustrial Age: Technocrasy, Power and the End of Ideology. Columbus (Oh.), 1973

Korsunsky A.R. The Early Feudal States and the Formation of Feudal Property in Western Europe. Moscow, 1970

Labour Force Statistics, OECD, 1973-1993. OECD, 1995

Latouche R. The Birth of Western Economy. N.-Y., 1961

Lefort J. Histoire des contrats de location perpetuelle. P., 1875

Lefebvre G. Les recherches relatives a la repartition de la propriete et de l'exploitation foncieres a la fin de l'Ancien Regime. // Revue d'histoire moderne. 1928. № 2

Lipset S.M. Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology. New Brunswick (USA) and Oxford (UK), 1985

Lipset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. Garden City (N.-Y.), 1963

Lodge E.C. Sully, Colbert, and Turgot. A Chapter in French Economic History. L., 1969

Lucki E. The Colonate Under the Late Roman Empire. Chicago, 1942

Mariejol J. Henri IV et Louis XIII. P., 1911

Marx K. Misere de la philosophie. P., 1961

Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 1. Bd. 25

Marx-Engels Gesamtausgabe. Abt. 2. Bd. 5

Marx-Engels Werke. Bd. 3

Marx-Engels Werke. Bd. 13

Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1983

Moheau R. Recherches sur la population de la France. L. 1-2. P., 1778

Mousnier R. Le Conseil du Roi de Louis XII a la Revolution. P., 1970

Nasalli Rocca E. Il Patriciato Piacentino nell'eta del principato. // Studi in onore di Cesare Manaresi. Roma, 1952

Necker J. De l'Administration des finances. // Documents of European Economic History. Ed. by S.Pollard and C.Holmes. Vol.1: The Process of Industrialisation 1750-1850. L., 1968

Oliver E.H. Roman Economic Conditions to the Close of the Republic. Toronto, 1907

Parreaux A. La societe anglaise 1760-1810. P., 1966

Piven F.F. Labour Parties in Post-Industrial Societies. Oxford, 1991

Pixley J. Citizenship and Employment: Investigating Post-Industrial Options. N.-Y., 1993

Richard G. Noblesse d'affaires au XVIII siecle. P., 1974

Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society. // Mass Leisure. Ed. by Larrabee E., Meyersohn R. Glencoe (Ill.), 1958

Rifkin J. The End of Work. The Decline of the Global Labour Force and the Dawn of the Post-Market Era. N.-Y., 1995

Rodbertus-Jagetzow G. Untersuchungen auf dem Gebiete der politischen Ökonomie des klassischen Alterthums. // Jahrbücher fuer Nationalökonomie und Statistik. 1864

Rojers E.M. Communication Technology: The New Media in Society. N.-Y., 1986

Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926

Sadler P. Managerial Leadership in the Post-Industrial Society. Aldershot, 1988

Schmidman J. Unions in Post-Industrial Society. University Park (Pn.), 1979

Sentou J. Fortunes et groupes sociaux a Toulouse sous la Revolution. Toulouse, 1969

Shapiro M. The Penniless Billionaires. N.-Y., 1980

Silverman D., Vogt R., Yanovitch M. Double Shift: Transforming Work in Postsocialist and Postidustrial Societies: a US — Post-Soviet Dialogue. Armonk (N.Y.), 1993

Soboul A. La civilisation de la Revolution francaise. P., 1970

S'tatistical Abstract of the United States 1980. Wash., 1980

Statistical Abstract of the United States 1995. Wash., 1995

Stonier T. The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983

Toffler A. Future Shock. N.-Y., 1970

Toffler A. The Third Wave. N.-Y., 1980

Toffler A. Previews and Premises: An Interview with the Author of «Future Shock» and «The Third Wave». N.-Y., 1983

Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21th Century. N.-Y., 1990

Toffler A. The Adaptive Corporation. Aldershot, 1985

Touraine A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. L., 1974

Toutain J. The Economic Life of the Ancient World. N.-Y., 1968

Treasure G.R.R. Cardinal Richelieu and the Development of Absolutism. L., 1972

The Quality of Life: Comparative Studies. / Ed. by Szalai A., Andrews F.M. L., 1980

Quarterly Labour Force Statistics. OECD, 1996. № 1

UNESCO Statistical Yearbook 1995. UNESCO Publishing, 1995

Vallon A. Histoire de l'esclavage. T.3. P., 1892

Varro. De agricultura

Weber M. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- & Privatrecht. Stuttgart, 1891

Wedderburn R.W., et *al.* Labour Law in the Post-Industrial Era. Aldershot, 1994

White R.D. Roman Farming. Ithaca (N.-Y.), 1970

World Development Report 1995. Oxford, 1995

Содержание

Предисловие 9-10

Введение 11-24

Очерк первый
ПРЕОДОЛЕНИЕ ДОГМЫ: МАРКСОВА КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ 25-68

§ 1. Марксова теория общественных формаций: методологические основы *29*

§ 2. Революции социальные и революции политические *52*

Очерк второй
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОРМ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА 69-104

§ 1. Натуральное хозяйство и товарное производство: общие определения *71*

§ 2. Формы товарного хозяйства как ступени развития экономической общественной формации *80*

Очерк третий
АНТИЧНОСТЬ VERSUS ФЕОДАЛИЗМ: ВЕЛИКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД . . 105-234

Часть I
Структурное товарное хозяйство **107**

§ 1. Основные черты римской хозяйственной системы в статике *109*

§ 2. Торговля и денежное обращение в Римской империи *128*

§ 3. Развитие социальных отношений в период упадка структурного товарного хозяйства *148*

§ 4. Феодальный синтез. Становление основ системного товарного хозяйства 170

Часть II
Системное товарное хозяйство 186

§ 1. Зарождение европейского феодализма: причины и черты сходства хозяйственных систем раннего средневековья и поздней античности 186

§ 2. Адекватные формы системного товарного хозяйства. Хозяйственная жизнь Европы XIII-XVI вв. 192

§ 3. Деструкция экономических основ власти аристократии. Вызревание политических предпосылок антифеодального переворота . . 209

§ 4. Буржуазные революции как констатация перехода от системного товарного хозяйства ко всеобщему. Политический характер буржуазных революций 229

Очерк четвертый
ВСЕОБЩЕЕ ТОВАРНОЕ ХОЗЯЙСТВО 235-286

§ 1. Всеобщее товарное хозяйство как целостная система. Основы воспроизводства системы всеобщего товарного хозяйства 237

§ 2. Предпосылки и основные направления кризиса всеобщего товарного производства . . 248

§ 3. Этапы кризиса системы всеобщего товарного хозяйства 270

Очерк пятый
ГЕНЕЗИС ПОСТЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ СОЦИУМАХ 287-322

Заключение 323-344

Приложения 345-396

Summary 347

Résumé 363

Библиография 383

Научное издание

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Ответственный за выпуск *П.Н. Иваницкий*
Редактор *Ю.О. Бем*
Художественный редактор *П.Н. Иваницкий*
Компьютерная верстка *А.Ф. Галимов*

Издание книги осуществлено
при участии издательства «Век»

Подписано в печать 07.11.96.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Лазурская».
Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 18,0.
Тирах 5 000 экз.

Издательство «Таурус Альфа»
121099, г. Москва, а/я 255

Издательская лицензия ЛР № 064801 от 23.10.96.

Отпечатано в Австрии